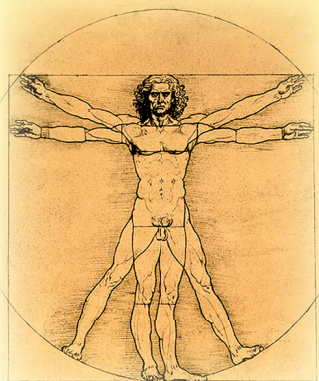

Учёные записки

ISSN 2076-4359
№ VI (94)
2026

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

富足
富
足

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование.

Отделы журнала «Управление в технических системах», «Вычислительная техника и информатика», «Машиностроение», «Культурология и искусствоведение» включены в перечень изданий ВАК РФ.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-38212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Učenyje zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КНАГУ», находящейся на сайте <https://uzknastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27
Телефон для справок: +7 (4217) 528-548

Адрес редакции: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27

Индекс журнала в каталоге Роспечать: 66090.
Цена свободная.
© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КНАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:	Сергей Петрович Черный , доктор технических наук, доцент. E-mail: kepapu@knastu.ru
Заместитель главного редактора журнала:	Александр Витальевич Космынин , доктор технических наук, профессор. E-mail.ru: avkosm@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о природе и технике»:	Евгения Павловна Иванкова , кандидат технических наук. E-mail: journal@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:	Галина Алексеевна Шушарина , кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Ответственный секретарь:	Алина Валерьевна Бузикаева , кандидат технических наук. E-mail: kepapu@knastu.ru
Литературный редактор:	Татьяна Николаевна Карпова . E-mail: karpovat@list.ru
Технический редактор:	Татьяна Николаевна Карпова . E-mail: karpovat@list.ru
Перевод на английский язык:	Галина Алексеевна Шушарина , кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Дизайн и верстка:	Оксана Вадимовна Приходченко , кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru
Менеджер информационных ресурсов:	Татьяна Владимировна Степанова . E-mail: osnid@knastu.ru
Администратор сайта:	Никита Станиславович Шушарин . E-mail: web_dev@knastu.ru

Серия: «Науки о природе и технике»

Отделы:	
1. Авиационная и ракетно-космическая техника (2.5.13 - Проектирование, конструкция и производство летательных аппаратов)	Сергей Иванович Феоктистов , доктор технических наук, профессор. E-mail: ssf@knastu.ru Сергей Борисович Марьин , доктор технических наук, доцент. E-mail: maryinsb@mail.ru
2. Электротехнические комплексы и системы (2.4.2 - Электротехнические комплексы и системы)	Константин Константинович Ким , доктор технических наук, профессор. E-mail: kimkk@inbox.ru Александр Владимирович Сериков , доктор технических наук, профессор. E-mail: em@knastu.ru Сергей Николаевич Иванов , доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru
3. Управление в технических системах (2.3.3 - Автоматизация и управление технологическими процессами и производствами)	Вячеслав Алексеевич Соловьев , доктор технических наук, профессор. E-mail: kepapu@knastu.ru Сергей Петрович Черный , доктор технических наук, доцент. E-mail: kepapu@knastu.ru Андрей Юрьевич Торгашов , доктор технических наук, доцент. E-mail: torgashov@iacc.dvo.ru
4. Вычислительная техника и информатика (1.2.2 - Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ)	Валерий Иванович Одинокоев , доктор технических наук, профессор. E-mail.ru: osnid@knastu.ru Александр Витальевич Космынин , доктор технических наук, профессор. E-mail.ru: avkosm@knastu.ru Константин Сергеевич Бормотин , доктор физико-математических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru
5. Машиностроение (2.5.5 - Технология и оборудование механической и физико-технической обработки)	Борис Яковлевич Мокрицкий , доктор технических наук, профессор. E-mail: boris@knastu.ru Владимир Сергеевич Щетинин , доктор технических наук, доцент. E-mail: schetynin@mail.ru
6. Материаловедение и химические технологии (2.6.17 - Материаловедение)	Эдуард Анатольевич Дмитриев , доктор технических наук, профессор. E-mail: 013696@togudv.ru Олег Викторович Башков , доктор технических наук, профессор. E-mail: bashkov_ov@mail.ru
7. Математика и механика (1.1.8 - Механика деформируемого твердого тела)	Анатолий Александрович Буренин , доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. E-mail: burenin@iacc.dvo.ru Олег Евгеньевич Сысоев , доктор технических наук, профессор. E-mail: sia@knastu.ru

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Отделы:	
1. Культурология и искусствоведение (1.10.1 - Теория и история культуры, искусства)	Яна Станиславовна Крыжановская , доктор культурологии, доцент. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru Евгения Валерьевна Савелова , доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент. E-mail: savelova_ev@hgiik.ru Виктория Юрьевна Прокофьева , доктор филологических наук, профессор. E-mail: nikars1999@mail.ru Илья Игоревич Докучаев , доктор философских наук, профессор. E-mail: i.dokuchaev@spbu.ru
2. Психология и педагогика (5.8.1 - Общая педагогика, история педагогики и образования)	Булашенко Олег Анатольевич , доктор педагогических наук, доцент. E-mail: college@knastu.ru Екатерина Иосифовна Артамонова , доктор педагогических наук, профессор. E-mail: manpo@yandex.ru
3. История (5.6.1 - Отечественная история, 5.6.2 - Всеобщая история)	Жанна Валерьяновна Петрунина , доктор исторических наук, профессор. E-mail: petrunina71@bk.ru Федирко Оксана Петровна , доктор исторических наук, профессор. E-mail: fedenka.67@mail.ru

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

Содержание

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Акрамов А. Р.

ГОСТЕПРИИМСТВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ УНИВЕРСАЛИИ 4

Борзова Т. А., Коноплева Н. А.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ НАСТАВНИЧЕСТВЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ КОНЦЕПТА «ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ».....11

Веретенникова Е. С., Крыжановская Я. С.

МУЗЕЙНЫЙ СПЕКТАКЛЬ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.....24

Камедина Л. В.

УКРЕПЛЕНИЕ ОСНОВ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ И СТЕРЕОТИПЫ ЕЁ ВОСПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....33

Мусалитина Е. А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦВЕТОВОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА.....42

Покровская-Бугаева Е. В..

ВИРТУАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: СООТНОШЕНИЕ РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО.....47

Савелова Е. В., Турищев В. С.

«НЕ БУДЕТ НИКАКОГО СЛЕДУЮЩЕГО»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КИТАЙСКОЙ БИОЭТИКИ В РОМАНЕ МО ЯНЯ «ЛЯГУШКИ».....64

Титорева Г. Т.

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГРОДЕКОВСКОГО МУЗЕЯ.....74

Шамак А. А.

«ГОДЫ КУЛЬТУРЫ» В ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ И КИТАЯ.....81

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Ларченко Ю. Г.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАТФОРМЫ – СОВРЕМЕННЫЙ ИНТЕРАКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОДГОТОВКИ ШКОЛЬНИКОВ К ЕДИНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ.....94

ИСТОРИЯ

Дербенев А. С.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ИЗОЛЯЦИИ: СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНО-ИРАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ.....100

Матиенко Н. В.

УЛИЧНЫЕ КОМИТЕТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....106

Ярославцева Т. А.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЕ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ 113

Акравов А. Р.
A. R. Akramov

**ГОСТЕПРИИМСТВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ
УНИВЕРСАЛИИ**

**HOSPITALITY AS A CULTURAL PHENOMENON: THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING A CULTURAL UNIVERSAL**

Акравов Александр Рустамович – исполняющий обязанности декана факультета туризма и гостеприимства Российского государственного гуманитарного университета (Россия, Москва); тел. +7(916)564-26-67. E-mail: akramov.ar@rggu.ru.

Aleksandr R. Akramov – Acting Dean, Faculty of Tourism and Hospitality, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow); tel. +7(916)564-26-67. E-mail: akramov.ar@rggu.ru.

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическому обоснованию изучения гостеприимства как феномена культуры и культурной универсалии. Цели исследования: реконструировать структуру гостеприимства как культурного феномена и разграничить его культурный смысл и институционально-экономическую форму (индустрию гостеприимства). Методологическую основу составляют сравнительно-культурологический, историко-генетический и структурно-семиотический подходы, дополненные герменевтической интерпретацией и принципом уровневого анализа. На основе сопоставления этимологических, антропологических, философских и собственно культурологических концепций показано, что гостеприимство разрешает универсальную проблему отношения сообщества к Другому и обнаруживает фундаментальную амбивалентность, выраженную в этимологическом родстве значений «гость» и «чужой». Предложена авторская пятимерная модель гостеприимства как феномена культуры, объединяющая этимологическое, дарообменное, этическое, социальное и институциональное измерения. Обосновано, что коммерческая индустрия гостеприимства не исчерпывает культурного содержания феномена, а воспроизводит его ядро в институциональной форме. Результаты применимы в теории и истории культуры, в исследованиях межкультурного взаимодействия и в концептуализации сферы туризма и гостеприимства.

Summary. The article provides a theoretical and methodological foundation for studying hospitality as a cultural phenomenon and a cultural universal. The aim of the study is to reconstruct the structure of hospitality as a cultural phenomenon and to distinguish its cultural meaning from its institutional and economic form (the hospitality industry). The methodology combines comparative-cultural, historical-genetic and structural-semiotic approaches, complemented by hermeneutic interpretation and the principle of level analysis. Comparing etymological, anthropological, philosophical and properly culturological conceptions, the study shows that hospitality resolves the universal problem of a community's relation to the Other and reveals a fundamental ambivalence expressed in the etymological kinship of the meanings of «guest» and «stranger». A five-dimensional model of hospitality as a cultural phenomenon is proposed, uniting the etymological, gift-exchange, ethical, social and institutional dimensions. It is substantiated that the commercial hospitality industry does not exhaust the cultural content of the phenomenon but reproduces its core in an institutional form. The results are applicable in the theory and history of culture, in studies of intercultural interaction, and in conceptualizing the sphere of tourism and hospitality.

Ключевые слова: гостеприимство, культура, феномен культуры, культурная универсалия, дар, Другой, чужой, этика гостеприимства, индустрия гостеприимства, теория культуры.

Keywords: hospitality, culture, cultural phenomenon, cultural universal, gift, the Other, stranger, ethics of hospitality, hospitality industry, theory of culture.

УДК 008

Гостеприимство принадлежит к числу культурных явлений, которые сопровождают человеческие сообщества на всём протяжении их истории и при этом редко становятся предметом самостоятельного теоретического осмысления. Эта парадоксальная ситуация – повсеместная рас-

пространённость феномена при дефиците его концептуальной разработки – связана с тем, что в обыденном сознании и в значительной части прикладной литературы гостеприимство отождествляется с индустрией гостеприимства, т. е. с совокупностью отраслей, обеспечивающих размещение, питание и обслуживание путешественников. Такое отождествление методологически некорректно: индустрия гостеприимства представляет собой лишь институционально-экономическую форму, в которой реализуется значительно более древний и фундаментальный культурный феномен. Сведение гостеприимства к сфере услуг закрывает доступ к его культурному содержанию и лишает исследователя возможности понять, почему именно гостеприимство на протяжении тысячелетий выступало одним из базовых механизмов регуляции отношений между людьми.

Актуальность культурологического исследования гостеприимства определяется необходимостью отделить его культурный смысл от коммерческой формы и реконструировать гостеприимство как универсальный механизм культуры, регулирующий отношение сообщества к Другому. Эта задача приобретает дополнительную остроту в условиях глобальной мобильности, массового туризма и обострения межкультурных противоречий, когда практики приёма и непринятия Другого оказываются в центре общественного внимания. Цели настоящей статьи: реконструировать структуру гостеприимства как феномена культуры и обосновать его понимание как культурной универсалии, обладающей собственным внутренним строением. Научная новизна работы состоит в систематизации разрозненных теоретико-методологических подходов к гостеприимству в единую аналитическую рамку и в разработке авторской пятимерной модели гостеприимства как феномена культуры, позволяющей удерживать различие между его культурным содержанием и институционально-экономической формой.

Методологические основания исследования. Понятие культурной универсалии, используемое в настоящем исследовании, обозначает форму или функцию, обнаруживаемую во всех известных культурах при многообразии её конкретных воплощений. Гостеприимство правомерно отнести к культурным универсалиям не потому, что его конкретные нормы повсюду одинаковы, а потому, что повсюду присутствует сама задача, которую гостеприимство решает, – задача культурного оформления встречи с чужим. Универсалия в этом смысле есть не эмпирическое обобщение совпадающих обычаев, а инвариант, выявляемый за вариативностью культурных форм. Такое понимание задаёт и логику анализа: реконструкция универсалии требует не перечисления частных практик, а выявления структурного ядра, воспроизводящегося в различных культурных контекстах.

Методологическую основу работы образует сочетание нескольких взаимодополнительных подходов. Сравнительно-культурологический подход позволяет сопоставлять разноуровневые концептуализации гостеприимства и выявлять их общий предмет. Историко-генетический подход обеспечивает прослеживание происхождения и трансформации феномена от архаических форм к современным институциональным. Структурно-семиотический подход, восходящий к традиции анализа значений социальных терминов, используется для реконструкции смыслового ядра гостеприимства через анализ его языковых и понятийных оснований. Герменевтическая интерпретация привлекается при работе с философскими текстами, требующими истолкования. Объединяющим принципом выступает уровневый анализ: гостеприимство рассматривается последовательно на этимологическом, антропологическом, философском и институциональном уровнях, что позволяет избежать как редукции феномена к одному из его измерений, так и эклектического смешения разнородных трактовок.

Источниковую базу исследования составляют три группы работ: классические тексты социальной антропологии и философии, в которых заложены основания теории гостеприимства; труды сложившегося во второй половине XX – начале XXI века междисциплинарного поля исследований гостеприимства (hospitality studies); культурологические работы, рассматривающие гостеприимство и смежные феномены межкультурного взаимодействия. Привлечение источников разных типов и традиций обеспечивает полноту реконструкции и снижает риск одностороннего истолкования предмета.

Этимология и амбивалентность: гость и чужой. Исходную для культурологического анализа интуицию задаёт этимология. Э. Бенвенист в реконструкции индоевропейских социальных терминов показал, что латинское *hospes* («гостеприимец», «хозяин-гость») восходит к соединению элементов **ghosti-* и **pet(i)-* и обнаруживает глубинное родство со словом *hostis*, означавшим первоначально «чужак», «равный по статусу чужеземец», а затем – «враг» [1]. Эта смысловая связь не является случайным совпадением: она фиксирует исходную амбивалентность гостеприимства, при которой фигура гостя неотделима от фигуры чужого, а приём чужого всегда сопряжён с потенциальной угрозой. Гостеприимство, таким образом, изначально предстаёт не как простое радушие, а как культурный механизм преобразования потенциально враждебного чужого в признанного гостя, т. е. как способ нейтрализации опасности, заключённой в самой встрече с неизвестным.

Семиотическая значимость этого этимологического факта состоит в том, что он позволяет реконструировать смысловое ядро гостеприимства до и независимо от конкретных культурных норм. Гостеприимство есть культурно установленный порядок, удерживающий чужого в состоянии гостя и тем самым предотвращающий его превращение во врага. Амбивалентность, обнаруженная Бенвенистом на уровне языка [1], обнаруживается затем на всех уровнях феномена: в антропологических описаниях обязательности приёма, в философских размышлениях о пределах гостеприимства, в институциональных формах его регуляции. Именно поэтому этимологический анализ выступает не лингвистическим курьёзом, а отправной точкой культурологической реконструкции.

Дар, взаимность и закон гостеприимства. Антропологическая традиция углубляет понимание гостеприимства, связывая его с логикой дара. М. Мосс в классическом «Очерке о даре» показал, что в архаических обществах обмен дарами образует тотальный социальный факт, в котором обязанности дарить, принимать и возмещать связывают индивидов и группы в единую систему взаимности [7]. Гостеприимство встроено в эту логику: приём гостя предполагает предоставление крова, пищи и защиты, которые впоследствии должны быть возмещены, а отказ дарить или принимать дар равнозначен разрыву социальной связи и нередко – объявлению вражды. Существенно, что моссовская концепция позволяет увидеть в гостеприимстве не моральное благорасположение отдельного лица, а структурно обязательную форму социального обмена, в которой личная щедрость и социальное принуждение неразличимо переплетены.

Дж. Питт-Риверс, специально обратившийся к «закону гостеприимства», описал его как нормативный механизм, регулирующий последовательное превращение чужака сначала в гостя, а затем – при определённых условиях – в члена сообщества [19]. Закон гостеприимства устанавливает взаимные обязательства и запреты: хозяин обязан защищать гостя и не причинять ему вреда, гость обязан не посягать на prerogatives хозяина; нарушение этих обязательств любой из сторон разрушает само отношение гостеприимства и возвращает стороны в состояние потенциальной враждебности. Тем самым гостеприимство предстаёт как хрупкое, нормативно поддерживаемое равновесие, а не как естественное состояние. Энциклопедическое обобщение исторических и культурных форм приёма чужого, предпринятое в коллективном труде под редакцией А. Монтандона, демонстрирует устойчивость этой структуры в самых разных культурах и эпохах, подтверждая её универсальный характер [16].

Философия гостеприимства: от космополитического права к безусловному дару. Философская традиция переводит проблему гостеприимства из плоскости обычая в плоскость нормативного основания культуры. И. Кант в трактате «К вечному миру» сформулировал идею всеобщего гостеприимства как космополитического права: чужестранец вправе не встречать враждебного отношения при появлении на территории другого государства, и это право принадлежит всем людям в силу общего владения поверхностью Земли [5]. У Канта гостеприимство впервые получает статус правового и морального принципа, выходящего за пределы частного обычая и обосновывающего саму возможность мирного человеческого сообщества. Важно, что кантовское право гостеприимства ограничено правом посещения, а не правом гостя на постоянное пребывание, что

фиксирует условный, нормативно очерченный характер гостеприимства даже в его универсалистской трактовке.

Ж. Деррида радикализировал эту проблематику, различив два режима гостеприимства. Первый – режим условных «законов гостеприимства», предполагающих ограничения, условия и взаимность; второй – безусловный закон гостеприимства, требующий абсолютного, ничем не обусловленного принятия пришедшего Другого, вплоть до ситуации, в которой гость становится хозяином положения [11]. Между этими режимами существует неустрашимое напряжение: безусловное гостеприимство недостижимо в чистом виде, поскольку всякий конкретный акт приёма предполагает условия, однако именно идея безусловного гостеприимства задаёт горизонт, относительно которого осмысляются и оцениваются конкретные культурные практики. Деррида тем самым обнаруживает в гостеприимстве апоретическую структуру, в которой норма и её нарушение, открытость и ограничение оказываются взаимозависимыми.

Этическое измерение гостеприимства разрабатывается также в философии Э. Левинаса, для которого отношение к Другому, предшествующее всякому познанию и предполагающее «приём» лица Другого, образует исходную структуру субъективности; гостеприимство здесь становится метафорой самого этического отношения как открытости бесконечности Другого [6]. К этой линии примыкает диалогический принцип М. Бубера, противопоставившего отношение «Я – Ты», в котором Другой признаётся в его неотчуждаемой инаковости, отношению «Я – Оно», сводящему Другого к объекту использования [2]. Сопоставление этих концепций позволяет рассматривать гостеприимство как культурную форму этического отношения к Другому, в которой признание инаковости предшествует любому прагматическому расчёту и не сводится к нему.

Исследования гостеприимства: преодоление управленческой редукции. Во второй половине XX – начале XXI века сложилось междисциплинарное поле исследований гостеприимства (hospitality studies), стремящееся преодолеть сведение гостеприимства к менеджменту индустрии. Программный сборник под редакцией К. Лэшли и Э. Моррисона предложил различать три пересекающихся домена гостеприимства: частный (домашний), социальный (общественный) и коммерческий, – подчёркивая, что коммерческое гостеприимство укоренено в более фундаментальных частной и социальной формах и не может быть понято в отрыве от них [12]. Э. Телфер в рамках этого направления разработала понятие «гостеприимности» (hospitableness) как личностной добродетели, разграничив подлинное гостеприимство, мотивированное заботой о благе гостя, и его инструментальные, корыстные формы, внешне сходные с ним, но лишённые этического содержания [22]. Т. Селвин предложил антропологическую трактовку, согласно которой акт гостеприимства устанавливает и воспроизводит социальные связи, преобразуя отношения между чужими в отношения взаимных обязательств и тем самым выполняя интегративную функцию [21].

Программную для зрелого этапа поля постановку вопроса дала коллективная статья П. Линча, Дж. Молц, А. Макинтош, П. Лугоши и К. Лэшли, в которой гостеприимство теоретизируется как многомерный социокультурный феномен, требующий выхода за пределы управленческой парадигмы и обращения к социальной теории, философии и культурологии [14]. Этическую и пространственную проблематику гостеприимства в условиях глобальной мобильности развивает сборник под редакцией Дж. Молц и С. Гибсон, рассматривающий гостеприимство как этику социальных отношений в мобильном мире, где встреча с Другим становится массовой и повседневной [15]. Историко-культурную глубину полю придали работы К. О’Гормана, реконструировавшего сущность гостеприимства на материале текстов классической древности и показавшего преемственность между античными представлениями о священном долге приёма гостя и современными практиками [17], а также проследившего связь исторических форм гостеприимства с современной индустрией туризма и гостеприимства [18]. Обобщающее представление о состоянии поля даёт коллективное руководство по исследованиям гостеприимства под редакцией К. Лэшли, фиксирующее переход от управленческой к культурологической и социально-гуманитарной трактовке предмета [20]. Новейшие исследования продолжают эту линию, перенося проблему искренней гостеприимности (genuine hospitality) в контекст технологических трансформаций сервиса и цифрового взаимодействия с гостем и тем самым подтверждая, что этическое ядро гостеприимства

сохраняет значимость и в условиях его технологического опосредования [13]. Тем самым в исследованиях гостеприимства оно утвердилось как самостоятельный объект гуманитарного знания, а не только как сфера сервисного менеджмента.

Гостеприимство как культурная универсалия: опыт пятимерной модели. Сопоставление рассмотренных подходов позволяет описать гостеприимство как культурную универсалию, присутствующую во всех известных культурах при многообразии конкретных воплощений. Универсальность гостеприимства обусловлена универсальностью проблемы, которую оно разрешает, – проблемы отношения сообщества к Другому, чужому, пришедшему извне. Этимологическая амбивалентность «гостя» и «чужого», зафиксированная Бенвенистом, обнаруживает себя на всех уровнях феномена: гостеприимство есть культурно оформленный способ удерживать чужого в состоянии гостя, не позволяя ему обернуться врагом. В этом смысле гостеприимство выступает механизмом производства доверия и снижения неопределённости в ситуации встречи с неизвестным, а его культурная функция состоит в превращении потенциального конфликта в форму упорядоченного взаимодействия. Близкое понимание развивается и в новейших отечественных социально-антропологических исследованиях, где гостеприимство в его «онтологической чистоте» определяется как символическое обрамление встречи «чужих», преобразующее субъектные позиции участников взаимодействия и открывающее возможность общения как порождения общего [3].

Обобщая выявленные характеристики, можно предложить пятимерную модель гостеприимства как феномена культуры. Этимологическое измерение фиксирует исходную амбивалентность гостя и чужого и задаёт смысловое ядро феномена. Дарообменное измерение помещает гостеприимство в логику взаимности и тотального социального факта, раскрывая его как структурно обязательную форму обмена. Этическое измерение обнаруживает в гостеприимстве форму отношения к Другому, в которой признание инаковости предшествует прагматическому расчёту. Социальное измерение описывает гостеприимство как механизм установления и воспроизводства связей между людьми и интеграции чужого в сообщество. Институциональное измерение охватывает исторические и современные формы организации приёма гостя, включая правовые установления и коммерческую индустрию гостеприимства. Эти измерения не исключают, а взаимно предполагают друг друга, образуя многоуровневую структуру единого культурного феномена; ни одно из них, взятое в отдельности, не исчерпывает гостеприимства, и редукция феномена к любому единственному измерению ведёт к его искажённому пониманию.

Соотношение культурного феномена гостеприимства и коммерческой индустрии гостеприимства заслуживает специального уточнения. Индустрия гостеприимства не отменяет и не вытесняет культурный феномен, а представляет собой его институционально-экономическую форму, в которой архаическая логика приёма гостя переводится на язык услуги, стандарта и обмена. Однако даже в коммерческой форме сохраняется ядро феномена: ожидание признания, заботы и безопасности, которое гость переносит на отношения с принимающей стороной. Именно поэтому редукция гостеприимства к набору сервисных операций оказывается культурологически неполной – эффективность индустрии гостеприимства в конечном счёте опирается на культурные смыслы, не сводимые к экономической рациональности. В современной России индустрия туризма и гостеприимства рассматривается как значимый фактор экономического роста [4] и регионального развития [9], а подготовка кадров для этой сферы осмысливается как самостоятельная задача в условиях меняющегося геополитического контекста [10]; тем самым институциональная форма феномена получает собственное исследовательское оформление, не отменяющее его культурного ядра. Культурологическая значимость гостеприимства проявляется и в его связи с проблематикой межкультурного признания: современные исследования показывают, что отношение к чужой культуре колеблется между принятием и отвержением, причём в условиях обострения межкультурных противоречий актуализируются практики символического исключения [8]. Гостеприимство в этой перспективе предстаёт как культурный ресурс открытости, удерживающий возможность признания инаковости даже там, где социальные обстоятельства подталкивают к замыканию.

Заключение. Проведённый анализ позволяет рассматривать гостеприимство не как частный сюжет сервисной экономики, а как фундаментальный феномен культуры, обладающий соб-

ственной структурой и универсальным распространением. Систематизация этимологических, антропологических, философских и собственно культурологических подходов показывает, что гостеприимство соединяет архаическую логику дара, этику отношения к Другому и институциональные практики приёма гостя, удерживая при этом исходную амбивалентность близости и угрозы. Предложенная пятимерная модель – этимологическое, дарообменное, этическое, социальное и институциональное измерения – позволяет описывать гостеприимство как целостный, но внутренне дифференцированный феномен культуры и разграничивать его культурное содержание и институционально-экономическую форму.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке аналитической рамки для культурологического изучения гостеприимства; практическая – в применимости полученных результатов к концептуализации сферы туризма и гостеприимства, образовательных программ соответствующего профиля и практик межкультурного взаимодействия. Перспективы дальнейших исследований связаны со сравнительным изучением национальных и региональных моделей гостеприимства, с анализом его трансформаций в условиях глобальной мобильности и цифровизации, а также с эмпирической проверкой предложенной пятимерной модели на конкретном культурно-историческом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист; пер. с фр. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
2. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер // Два образа веры; пер. с нем. – М.: Республика, 1995. – С. 16-92.
3. Ватолина, Ю. В. Гостеприимство как сценарий деколонизации мысли: опыт Эдуарду Вивейруша де Кастру / Ю. В. Ватолина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2025. – Т. 28. – № 3. – С. 204-227.
4. Голубцов, С. А. Роль индустрии туризма и гостеприимства в обеспечении экономического роста России / С. А. Голубцов // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 8 (181). – С. 246-249.
5. Кант, И. К вечному миру / И. Кант // Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 257-347.
6. Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас // Избранное: Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас; пер. с фр. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 66-291.
7. Мосс, М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / М. Мосс // Общество. Обмен. Личность; пер. с фр. – М.: Наука, 1996. – С. 83-222.
8. Мусалитина, Е. А. Развитие восприятия русской культуры в условиях эскалации культуры отмены / Е. А. Мусалитина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 17-23.
9. Мухоморова, И. В. Развитие туризма в регионах России: основные направления / И. В. Мухоморова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 248-251.
10. Ткалич, А. И. Особенности подготовки туристских кадров в условиях современных геополитических изменений / А. И. Ткалич // Актуальные вопросы социальных наук и пути их решения: сборник статей. – М.: ООО «СКИ», 2023. – С. 239-243.
11. Derrida, J. De l'hospitalité / J. Derrida, A. Dufourmantelle. Paris: Calmann-Lévy, 1997. 132 p.
12. In Search of Hospitality: Theoretical Perspectives and Debates / ed. by C. Lashley, A. Morrison. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2000. 327 p.
13. Lee, W. The hospitable thought that counts: An emerging theory of «AI consciousness» in genuine hospitality / W. Lee, L. Lu // International Journal of Hospitality Management. 2024. Vol. 123. Art. 103928.
14. Lynch, P. Theorizing hospitality / P. Lynch, J. G. Molz, A. McIntosh, P. Lugosi, C. Lashley // Hospitality & Society. 2011. Vol. 1, no. 1. P. 3-24.
15. Mobilizing Hospitality: The Ethics of Social Relations in a Mobile World / ed. by J. G. Molz, S. Gibson. Aldershot: Ashgate, 2007. 234 p.
16. Montandon, A. (dir.) Le livre de l'hospitalité: accueil de l'étranger dans l'histoire et les cultures. Paris: Bayard, 2004. 2034 p.
17. O'Gorman, K. D. The essence of hospitality from the texts of classical antiquity // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2007. Vol. 19, no. 3. P. 189-202.
18. O'Gorman, K. D. The Origins of Hospitality and Tourism. Oxford: Goodfellow Publishers, 2010. 240 p.
19. Pitt-Rivers, J. The law of hospitality // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2012. Vol. 2, no. 1. P. 501-517.

20. The Routledge Handbook of Hospitality Studies / ed. by C. Lashley. London; New York: Routledge, 2017. 470 p.
21. Selwyn, T. An anthropology of hospitality // In Search of Hospitality / ed. by C. Lashley, A. Morrison. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2000. P. 18-37.
22. Telfer, E. The philosophy of hospitableness // In Search of Hospitality / ed. by C. Lashley, A. Morrison. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2000. P. 38-55.

REFERENCES

1. Benvenist, E. Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov [Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1995. 456 p. (In Russian).
2. Buber, M. Ya i Ty [I and Thou]. In: Buber M. Dva obraza very [Two Types of Faith]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 16–92. (In Russian).
3. Vatolina, Yu. V. Hospitality as a scenario for decolonizing thought: the experience of Eduardo Viveiros de Castro. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii, 2025, vol. 28, no. 3, pp. 204–227. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2025.28.3.9.
4. Golubtsov, S. A. The role of the tourism and hospitality industry in ensuring Russia's economic growth. Ekonomika i predprinimatel'stvo, 2025, no. 8 (181), pp. 246–249. (In Russian).
5. Kant, I. K vechnomu miru [Toward Perpetual Peace]. In: Kant I. Sochineniya: v 6 t. [Works: in 6 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 6, pp. 257–347. (In Russian).
6. Levinas, E. Total'nost' i Beskonechnoe [Totality and Infinity]. In: Levinas E. Izbrannoe: Total'nost' i Beskonechnoe. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000, pp. 66–291. (In Russian).
7. Moss, M. Ocherk o dare [The Gift]. In: Moss M. Obshchestvo. Obmen. Lichnost' [Society. Exchange. Person]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 83–222. (In Russian).
8. Musalitina, E. A. Development of acceptance of Russian culture in conditions of cancel culture escalation. Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2023, no. 2 (66), pp. 17–23. (In Russian). DOI: 10.17084/20764359-2023-66-17.
9. Mukhomorova, I. V. The development of tourism in the regions of Russia: main directions. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, 2023, no. 4, pp. 248–251. (In Russian).
10. Tkalic, A. I. Features of tourism personnel training under contemporary geopolitical changes. In: Aktual'nye voprosy sotsial'nykh nauk i puti ikh resheniya. Moscow, 2023, pp. 239–243. (In Russian).
11. Derrida, J., Dufourmantelle, A. De l'hospitalité. Paris, Calmann-Lévy, 1997. 132 p.
12. In Search of Hospitality: Theoretical Perspectives and Debates. Ed. by C. Lashley, A. Morrison. Oxford, Butterworth-Heinemann, 2000. 327 p.
13. Lee, W., Lu, L. The hospitable thought that counts: An emerging theory of «AI consciousness» in genuine hospitality. International Journal of Hospitality Management, 2024, vol. 123, art. 103928. DOI: 10.1016/j.ijhm.2024.103928.
14. Lynch, P., Molz, J. G., McIntosh, A., Lugosi, P., Lashley, C. Theorizing hospitality. Hospitality & Society, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 3–24.
15. Mobilizing Hospitality: The Ethics of Social Relations in a Mobile World. Ed. by J. G. Molz, S. Gibson. Aldershot, Ashgate, 2007. 234 p.
16. Montandon, A. (dir.) Le livre de l'hospitalité: accueil de l'étranger dans l'histoire et les cultures. Paris, Bayard, 2004. 2034 p.
17. O'Gorman, K. D. The essence of hospitality from the texts of classical antiquity. International Journal of Contemporary Hospitality Management, 2007, vol. 19, no. 3, pp. 189–202.
18. O'Gorman, K. D. The Origins of Hospitality and Tourism. Oxford, Goodfellow Publishers, 2010. 240 p.
19. Pitt-Rivers, J. The law of hospitality. HAU: Journal of Ethnographic Theory, 2012, vol. 2, no. 1, pp. 501–517.
20. The Routledge Handbook of Hospitality Studies. Ed. by C. Lashley. London, New York, Routledge, 2017. 470 p.
21. Selwyn, T. An anthropology of hospitality. In: In Search of Hospitality. Ed. by C. Lashley, A. Morrison. Oxford, Butterworth-Heinemann, 2000, pp. 18–37.
22. Telfer, E. The philosophy of hospitableness. In: In Search of Hospitality. Ed. by C. Lashley, A. Morrison. Oxford, Butterworth-Heinemann, 2000, pp. 38–55.

Борзова Т. А., Коноплева Н. А.
К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ НАСТАВНИЧЕСТВЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ
КОНЦЕПТА «ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ»

Борзова Т. А., Коноплева Н. А.
T. A. Borzova, N. A. Konopleva

**К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ НАСТАВНИЧЕСТВЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ
КОНЦЕПТА «ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ»**

**ON THE ISSUE OF MODERN MENTORING: REPRESENTATION OF THE VALUES
OF THE CONCEPT OF «UNITY IN DIVERSITY»**

Борзова Татьяна Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры русского языка Владивостокского государственного университета (Россия, Владивосток); тел. 8(914)790-32-88. E-mail: borzovavladik@mail.ru.

Tatyana A. Borzova – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Russian Language Department, Vladivostok State University (Vladivostok, Russia); tel. 8(914)790-32-88. E-mail: borzovavladik@mail.ru.

Коноплева Нина Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий Владивостокского государственного университета (Россия, Владивосток); тел. 8(914)656-70-42. E-mail: nika.konopleva@gmail.com.

Nina A. Konopleva – Dr. Sc. (Cultural Studies), Professor, Vladivostok State University (Vladivostok, Russia); tel. 8(914)656-70-42. E-mail: nika.konopleva@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматривается роль преподавателя-наставника в трансляции ценностей «единства в многообразии» при преподавании курса «Основы российской государственности» (ОРГ) в условиях поликультурной образовательной среды. Актуальность исследования обусловлена реализацией Указов Президента РФ о проведении в 2026 году Года единства народов России и об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также конституционной повесткой «многонационального народа» РФ как основы государственности. Поликультурный характер студенческой среды вузов Дальнего Востока требует при формировании и трансляции ценностей трансформации стандартных подходов к преподаванию курса ОРГ в сторону практик, реализующих принцип «единства многообразия». Авторами представлена модель преподавателя-наставника как медиатора ценностей, реализующего принцип «единства многообразия» через диалог культур и инклюзивные педагогические практики. Новизна исследования заключается в расширении понятия «инклюзивное обучение» применительно к работе с иностранными студентами, мигрантами и студентами с изменившейся системой ценностей после СВО, а также в интеграции регионального компонента Дальнего Востока в преподавание курса ОРГ. Методологическую основу исследования составляют культурно-антропологический подход к анализу образовательных практик, теоретический анализ концепции УМК по ОРГ, включённое наблюдение за процессом преподавания ОРГ в поликультурной среде Владивостокского государственного университета и анализ его результатов, анкетирование студентов поликультурных групп и кейс-стади успешных практик преподавания ОРГ. Практическая значимость исследования заключается в возможности внедрения модели преподавателя-наставника в систему организации курса ОРГ, использующего инклюзивные педагогические практики для разных категорий студентов на материале регионального компонента, способствующего развитию целостного представления о российской государственности как цивилизационном феномене, укрепляющем единство через уважение к многообразию.

Summary. The article examines the role of a teacher-mentor in translating the values of «unity in diversity» when teaching the course «Fundamentals of Russian Statehood» (hereinafter referred to as the FRS) in a multicultural educational environment. The relevance of the research is due to the implementation of the Decrees of the President of the Russian Federation on holding the Year of Unity of the Peoples of Russia in 2026 and on approving the Foundations of state Policy to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values, as well as the constitutional agenda of the «multinational people» of the Russian Federation as the basis of statehood. The multicultural nature of the student environment of universities in the Far East requires, in the formation and translation of values, the transformation of standard approaches to teaching the FRS course towards practices that implement the principle of «unity of diversity». The authors present a model of a teacher-mentor as a mediator of values, implementing the principle of «unity of diversity» through a dialogue of cultures and inclusive pedagogical practices. The novelty of the research lies in the expansion of the concept of «inclusive education» in relation to work with

international students, migrants and students with a changed value system after their studies, as well as in the integration of the regional component of the Far East into the teaching of the FRS course. The methodological basis of the research consists of a cultural and anthropological approach to the analysis of educational practices, a theoretical analysis of the concept of the educational curriculum for FRS, included observation of the teaching process of FRS in the multicultural environment of the All-Russian State University and analysis of its results, a survey of students of multicultural groups and a case study of successful practices of teaching FRS. The practical significance of the research lies in the possibility of introducing the teacher-mentor model into the FRS course organization system, using inclusive pedagogical practices for different categories of students based on the regional component, contributing to the development of a holistic view of Russian statehood as a civilizational phenomenon that strengthens unity through respect for diversity.

Ключевые слова: основы российской государственности, преподаватель-наставник, поликультурная среда, единство в многообразии, ценностно-смысловая трансляция, инклюзивные технологии обучения, культурная идентичность.

Key words: fundamentals of Russian statehood, teacher-mentor, multicultural environment, unity in diversity, value-semantic translation, inclusive learning technologies, cultural identity.

УДК 008.441.5:378.147.832

Современная вузовская среда в России сегодня это переплетение культур, языков и традиций. Такое разнообразие ставит перед преподавателями курса «Основы российской государственности» (ОРГ) чёткие задачи: уйти от шаблонных методик и найти такие формы работы, которые органично отражают конституционный принцип многонационального народа как основы нашей государственности.

Особую остроту этой задаче придаёт объявление 2026 года Годом единства народов России. Суть инициативы не в формальном соблюдении норм, а в живом укреплении дружбы, взаимопонимания и согласия между всеми народами, населяющими страну, в бережном сохранении тех духовно-нравственных ценностей, которые веками скрепляли наше общество. Именно поэтому в преподавании ОРГ особую роль начинают играть практики, раскрывающие принцип «единства многообразия» не как абстрактной формулы или методического приёма, а как живой ценности российской цивилизации, закреплённой в Указе Президента РФ, способной развить у студентов способность почувствовать себя частью единого, но при этом многогранного российского пространства.

Поликультурная аудитория дальневосточных вузов сегодня в основном включает в себя студентов из стран АТР и СНГ, представителей малочисленных народов Севера, а также тех, кто вернулся с территорий проведения специальной военной операции (СВО) и пережил глубокую переоценку жизненных ценностей. Эта среда давно перестала быть просто объектом исследования, она стала настоящей педагогической лабораторией, где в реальном времени апробируются методы укрепления межэтнического согласия, развития у студентов целостного видения многонационального народа России как основы государственности и гармоничного синтеза различных ценностных установок в единую систему традиционных российских духовно-нравственных ориентиров.

Курс ОРГ, введённый в вузах с 2023 года, как подчёркивается в концепции учебно-методического комплекса (УМК) [10], ставит перед собой задачу сформировать у студентов целостное понимание российской государственности как цивилизационного феномена. Однако добиться этой цели в условиях столь разнородной аудитории возможно лишь при условии разработки особых антропологических подходов, учитывающих культурные особенности каждой группы студентов и помогающих раскрыть принцип «единства в многообразии» как живой, осязаемый опыт совместного существования.

В контексте анализа образовательного пространства как социокультурного феномена необходимо обратиться к концепции духовности как смыслового динамического процесса. Как отмечает Ю. Н. Верезей, духовность представляет собой «смысловую систему, которая выполняет

функцию преобразования действительности через нравственные ценности и смыслы» [6]. Эта функция преобразования особенно актуальна в условиях поликультурной образовательной среды, где преподаватель-наставник выступает не просто как передатчик знаний, а как медиатор ценностей, способный через личный пример и организацию образовательного процесса с учётом культурного многообразия обучаемых и их ценностных ориентаций формировать у студентов осознанное отношение к традиционным ценностям.

Согласно культурологическим исследованиям [2; 4; 6; 8; 11], смысловая система духовности обладает особой трансформирующей силой: она не просто отражает действительность, она связывает разрозненные события в целостную картину, наделяя их смыслом, который сама по себе эта действительность не содержит [8, 149]. Для преподавателя-наставника это приобретает конкретное воплощение. Его работа с ценностными ориентирами студентов не просто абстрактная миссия и не механическое «внесение добра» в социальное пространство, а особый живой культурно-просветительский процесс, где нравственные убеждения педагога обретают плоть в повседневных поступках – в том, как он реагирует на ошибку студента, как строит диалог с представителем другой культуры, как выбирает примеры для иллюстрации темы. Каждый такой поступок, находя отклик в глазах студента или в его словах, не исчерпывает себя мгновенным эффектом. Он возвращается к педагогу как подтверждение – внутренним ощущением: «Это было правильно». Так шаг за шагом, через повторение и закрепление, формируется не набор педагогических приёмов, а устойчивая система ценностных ориентиров, начинающая жить своей жизнью: воспроизводиться, развиваться и передаваться дальше уже без постоянного внешнего стимула. Это и есть та самовоспроизводящаяся духовная практика, которая превращает наставничество из функции в призвание.

Преподавание курса ОРГ в поликультурной среде сталкивается с глубокими культурно-антропологическими противоречиями, которые требуют осмысленного подхода.

Во-первых, возникает напряжение между универсальностью ценностей и их культурно-индивидуальным восприятием. Традиционные российские духовно-нравственные ценности, сформированные веками исторического развития, в теории должны быть понятны всем. Однако на практике их восприятие напрямую зависит от культурного бэкграунда студента, его жизненного опыта и субъективного мировоззрения. То, что для одного студента звучит как очевидная истина, для другого может быть совершенно непонятной абстракцией.

Во-вторых, существует противоречие между необходимостью передачи ценностей и естественным сопротивлением «навязыванию». Студенты из разных культурных традиций могут воспринимать преподавание ОРГ не как диалог, а как форму культурного давления или даже империализма. Особенно это актуально для представителей малочисленных народов Севера и иностранных студентов, которые могут ощущать угрозу своей культурной идентичности.

В-третьих, возникает конфликт между требованиями федерального образовательного стандарта и необходимостью глубокого осмысления культурного и личностного своеобразия каждого студента. Риск превращения курса в сухую формальность вместо живого диалога о ценностях особенно высок, когда преподаватель вынужден следовать жёсткой программе, не имея возможности адаптировать материал под конкретную аудиторию с её этническим, национальным и субъективным разнообразием.

Наконец, четвёртое противоречие связано с несоответствием единой методики преподавания и реального разнообразия студенческой аудитории. Единая программа курса ОРГ часто не учитывает специфику разных категорий студентов, будь то представители малочисленных народов, иностранные студенты или те, кто вернулся с территорий проведения специальной военной операции и пережил глубокую ценностную трансформацию. Для таких студентов стандартные подходы могут оказаться не просто неэффективными, но и контрпродуктивными.

Целью данного исследования является разработка и апробация модели преподавателя-наставника как медиатора ценностей в условиях поликультурной образовательной среды при преподавании курса ОРГ, направленной на трансляцию принципа «единства в многообразии» через диалог культур, инклюзивные педагогические практики и личный пример.

Задачи исследования: проанализировать концептуальные основания преподавания курса ОРГ в поликультурной среде на основе концепции УМК по ОРГ и культурологических исследований; обосновать теоретическую модель преподавателя-наставника как носителя и транслятора ценностей; разработать концепцию инклюзивно-культурологического подхода к работе с поликультурной аудиторией, включая студентов с психологическими травмами после СВО; разработать и апробировать инклюзивные педагогические практики для разных категорий студентов; интегрировать региональный компонент Дальнего Востока в преподавание курса ОРГ как ценностный ресурс; эмпирически обосновать эффективность модели преподавателя-наставника.

Объект исследования – процесс преподавания курса «Основы российской государственности» в поликультурной образовательной среде.

Предмет исследования – роль преподавателя-наставника в трансляции ценностей «единства в многообразии».

Методологическую основу исследования составляют:

- культурологический подход, позволяющий рассматривать образовательное пространство как социокультурный феномен, в котором осуществляется трансляция традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Данный подход обеспечивает анализ образовательных практик через призму культурных кодов, ценностных ориентиров и смысловых структур, характерных для различных этнокультурных групп;

- антропологический подход, фокусирующийся на личности преподавателя-наставника и обучаемых как субъектов педагогической деятельности, их ценностно-смысловой сфере, идентичности и роли в развитии культуры личности студентов;

- системно-деятельностный подход, рассматривающий преподавание курса ОРГ как целостную систему, включающую цели, содержание, методы, формы организации и результаты образовательного процесса в поликультурной среде.

В качестве методов использованы: теоретический анализ концепции УМК по ОРГ, научных работ по культурологии и педагогике; эмпирическое наблюдение за процессом преподавания ОРГ в поликультурной среде ВВГУ; анкетирование студентов поликультурных групп ($N = 428$) до и после прохождения курса; кейс-стади успешных практик преподавания ОРГ в условиях культурного многообразия; сравнительный анализ результатов преподавания в разных группах студентов.

Значительное внимание, уделённое в настоящей работе инклюзивной педагогике, обусловлено не сменой научной оптики с культурологии на педагогику, а принципиальным положением современной культурологической мысли: образовательная среда, особенно поликультурная, является пространством реальной трансляции и производства культурных смыслов и ценностей. Инклюзивные практики в данном контексте выступают не как сугубо методические приёмы, а как инструменты культурной медиации, т. е. способы согласования различных ценностно-смысловых систем (российской государственности, этнокультурных традиций малочисленных народов, аксиологических ориентаций иностранных студентов и ветеранов СВО). Именно через инклюзивные педагогические стратегии (совместное смыслотворчество, визуальный нарратив, диалог культур) реализуется ключевой для культурологии принцип «единства в многообразии» не как декларация, а как процедура включения «чужого» культурного опыта в общее ценностное поле российской цивилизации. В данном случае инклюзивная педагогика рассматривается как операционализация культурологического подхода, а не как самоцель или уход в смежную дисциплину.

Концепция УМК по ОРГ обозначает Россию как «государство-цивилизацию», особенностью которого выступает «обращённость вовне, естественность возникновения и развития, ценностная устойчивость» [10]. Ключевой ценностной константой, определяющей отношение к многообразию, является необходимость соблюдения принципа «единство многообразия», отражающего способность российской цивилизации интегрировать культурное разнообразие без утраты целостности [10].

Системная модель гражданского мировоззрения («человек – семья – общество – культура, государство – страна») предоставляет методологическую основу для работы с поликультурной аудиторией. Как отмечается в концепции, элемент «страна» раскрывается именно через «межпо-

коленческое культурно-историческое единство» и «сохранение единства культурного, этнического и религиозного многообразия» [10].

Согласно исследованиям И. А. Новиковой и И. Л. Борзенко, культурные нормы и ценности выступают как «ядро» национальной культуры, окружённое принципами, реализующимися в моральных установках и правилах [11]. Преподаватель-наставник должен уметь распознавать эти культурные коды и создавать условия для их гармоничного сосуществования в образовательном пространстве [2].

Теория ценностей предоставляет методологическую основу для понимания процессов трансляции традиционных российских духовно-нравственных установок в поликультурной среде. Согласно современным исследованиям, ценности представляют собой «интенциональные образования, которые наделяют объекты и явления действительности определённым смыслом и значением» [13; 14].

Важным аспектом теории ценностей является понимание их социальной природы. Как отмечается в исследованиях, «ценности являются общими. Никто не может жить осмысленно в изоляции. Общность смысла характеризует все реальности без исключения. Любая смысловая структура является совместным способом понимания» [13]. Это положение особенно актуально для поликультурной образовательной среды, где ценности различных культурных традиций должны найти точки соприкосновения и интеграции.

Традиционные российские духовные ценности, такие как патриотизм, гражданственность, духовность, нравственность, семья, труд, историческая память, выступают в качестве базовых ориентиров при формировании образовательного пространства как среды развития культуры личности [15]. Эти ценности не являются абстрактными категориями, а конкретизируются в повседневной практике преподавателя-наставника через его педагогическое присутствие, стиль общения, критерии оценки и реакцию на ошибки студентов [4, 115].

Согласно исследованиям Ю. Н. Верезей, духовность – это постоянно развивающийся процесс, в котором смысл становится не просто абстрактной категорией, а движущей силой личностного становления. В её концепции духовность раскрывается через три взаимосвязанных измерения: поиск (стремление к смыслу), стояние (удержание найденного) и развитие (преобразование личности через обретенные ценности) [6]. Преподаватель-наставник в этом контексте становится не просто передатчиком знаний, а медиатором, проводником ценностей, способным через личный пример и педагогическое присутствие развивать у студентов осознанное отношение к традиционным ценностям.

А. А. Леонтьев в своей «Педагогике здравого смысла» выделял несколько ключевых ценностных ориентиров, на которых строится подлинно гуманистическая педагогическая система. Среди них – безусловное признание ценности каждого человека, приоритет личности над знаниями, опора на здравый смысл как на внутренний компас педагога, стремление к целостному мировоззрению и внимание к формам деятельности как к средству раскрытия личности [8]. Важно понимать, что приоритет личности у А. А. Леонтьева – это не вседозволенность и не отказ от требовательности. Напротив, он видел в этом баланс, где интересы отдельного человека и общества не противопоставляются, а находят взаимное обогащение. Личность развивается именно в диалоге с обществом, а общество обретает смысл через заботу о каждой личности. Это и есть та самая «гармония», о которой писал А. А. Леонтьев, – не компромисс, а синтез, где ни одна из сторон не теряет своей сути.

Для более глубокого понимания роли преподавателя-наставника в трансляции ценностей необходимо обратиться к теории смысловых структур Д. А. Леонтьева [9]. В контексте преподавания курса ОРГ в поликультурной среде смысловые структуры приобретают следующее значение:

– Смыслообразующие мотивы – это своего рода «стержень» личности преподавателя-наставника. В отличие от ситуативных побуждений, они устойчивы, формируются годами и определяют не просто что делает педагог, а зачем он это делает. Именно эти мотивы становятся внутренним компасом при работе с поликультурной аудиторией: когда студент из Киргизии спрашивает о месте своей культуры в российской государственности, а студент с СВО – о смысле патрио-

тизма после травмы, преподаватель опирается не на готовые шаблоны, а на глубинные убеждения, которые и формируют его профессиональную позицию.

– Смысловые установки – это уже «рабочий инструмент» педагога в конкретной ситуации. Они возникают здесь и сейчас: когда в аудитории звучит неожиданный вопрос, когда студент с иронией спрашивает: «А зачем мне это знать?», – когда возникает культурное недопонимание. Установка – это мгновенное, но осознанное решение: как ответить так, чтобы не оттолкнуть, не навязать, а открыть возможность для диалога. Она позволяет преподавателю быть гибким: сегодня – гибко обойти сопротивление студента, завтра – мягко, но настойчиво вернуться к теме, послезавтра – предложить личный пример, который станет «мостом» к пониманию ценности.

– Смысловые диспозиции – это память души педагога. Это те устойчивые отношения к миру, которые сложились в его жизни задолго до встречи с нынешними студентами: уважение к труду, вера в силу диалога, опыт преодоления трудностей. Они «консервируют» жизненный смысл не как музейный экспонат, а как живой ресурс. Когда преподаватель рассказывает о своём деде – участнике войны, или о своём учителе, который верил в него, когда никто не верил, он не «преподает патриотизм», он актуализирует свою диспозицию – и в этот момент ценность обретает плоть, голос, историю. Именно диспозиции обеспечивают преемственность: ценности не «вкладываются» в студентов, а передаются через живой контакт, где преподаватель не носитель догмы, а человек, для которого эти ценности – часть его собственной жизни.

– Личностные ценности – это глубинный стержень личности преподавателя-наставника. Они формируются годами, через прожитый опыт, через кризисы и прозрения, через встречи с разными людьми и культурами. Именно эти ценности становятся внутренним компасом: когда в аудитории возникает сложная ситуация, когда студент с иронией спрашивает: «А зачем мне это знать?», – когда приходится выбирать между формальным требованием и живым запросом студента, преподаватель опирается не на методичку, а на то, что для него по-настоящему важно. Это не набор абстрактных идеалов вроде «патриотизм» или «нравственность». Это живые ориентиры, прошедшие через личный опыт: вера в то, что каждый студент способен к росту; убежденность, что диалог важнее монолога; уважение к чужой культуре как к источнику обогащения, а не к угрозе. Именно поэтому личностные ценности проверяются в практике, корректируются через диалог, но при этом сохраняют свою устойчивость: они не меняются от одного семестра к другому, не зависят от настроения или внешнего давления. Они тот фундамент, на котором строится не просто профессиональная деятельность, а подлинное наставничество: не «я учу тебя», а «мы вместе ищем смысл».

Отметим, что в контексте работы с кросс-культурной аудиторией термин «инклюзия» выходит за рамки традиционного понимания, связанного исключительно с работой с лицами с ограниченными возможностями здоровья, и трактуется более широко – как создание условий для полноценного включения в образовательный процесс всех студентов, независимо от их культурного, языкового и образовательного бэкграунда [1; 3].

Международные документы, такие как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, закрепляют право каждого человека на образование без какой бы то ни было дискриминации. Эти документы легли в основу концепции инклюзивного образования, получившей широкое распространение в мировой педагогической практике и постепенно интегрирующейся в российское образовательное пространство [16].

Под инклюзивным образованием в современной научной парадигме понимается не просто совместное обучение детей и молодёжи с особыми образовательными потребностями и их сверстников, но целостная философия и практика построения открытой, гибкой и доступной образовательной среды, способной учитывать разнообразие всех обучающихся – по когнитивным, физическим, языковым, культурным, социальным и иным характеристикам [7]. В этом расширенном понимании инклюзия становится стратегическим принципом организации высшего образования, особенно в условиях роста академической мобильности и увеличения числа иностранных студентов в российских вузах.

В современной зарубежной научной парадигме данное понятие интегрировано в концепцию «инклюзивной педагогики», которая, по определению К. Блэк-Хокинс, нацелена не на идентификацию и «исправление» индивидуальных трудностей учащихся, а на проектирование гибкой образовательной среды, учитывающей всё многообразие образовательных потребностей без стигматизации [19]. В этом ключе С. Бургстахлер рассматривает инклюзивные технологии как практическую реализацию «универсального дизайна обучения», предусматривающего множественность способов: репрезентации информации; действия и выражения; вовлечения в учебный процесс [20]. Таким образом, в западной традиции инклюзивные технологии – это не только аппаратно-программные решения, но и комплекс социокультурных и педагогических стратегий, делающих обучение доступным для всех изначально.

В российской научной школе наблюдается схожая тенденция. Если ранее акцент смещался на ассистивные устройства, то сегодня исследователи трактуют термин шире. Так, М. Н. Русецкая определяет инклюзивные технологии как «совокупность методов, форм, средств и организационных условий обеспечения равного доступа к качественному образованию для всех категорий обучающихся с учётом их разнообразия» [12]. Д. Е. Шевелева подчёркивает их интегративный характер, указывая, что эти технологии направлены на «преодоление барьеров в образовательной среде, будь то физические, коммуникативные, культурные или когнитивные» [18, 34].

Синтезируя подходы, можно дать следующее рабочее определение для данного исследования: инклюзивные технологии – это системный комплекс культурно-антропологических, психолого-педагогических, информационно-коммуникационных и организационных средств, методов и стратегий, основанный на принципах культурного многообразия, психолого-адаптивного и ценностно-смыслового своеобразия обучаемых, универсального дизайна академического пространства и направленный на создание гибкой, адаптивной образовательной среды, обеспечивающей равные возможности для академической и социокультурной интеграции всех обучающихся, независимо от их индивидуальных особенностей, культурного бэкграунда и языковой компетенции.

Применительно к работе с поликультурной аудиторией инклюзивные технологии приобретают особое значение. Они позволяют не только преодолеть языковые и культурные барьеры, но и создать условия для диалога культур без противопоставления для формирования у студентов осознанного отношения к принципу «единства в многообразии» как ключевой ценностной константе российской цивилизации. Инклюзивная среда в этом контексте перестаёт быть фоном для обучения и становится активным ресурсом формирования межкультурной компетентности, академической грамотности и профессиональной идентичности.

Роль преподавателя-наставника в среде культурного многообразия выходит за рамки традиционной функции передачи знаний. Новая модель такого преподавателя-наставника представляет собой следующее содержание: это медиатор ценностей, способный распознавать культурные коды разных этнических групп, создавать условия для диалога культур без противопоставления, транслировать принцип «единства многообразия» через личный пример и педагогическое присутствие, развивать у студентов осознанное отношение к традиционным ценностям российской цивилизации.

Как отмечается в концепции УМК к курсу ОРГ, преподаватель должен не просто «рассказывать о ценностях», а создавать ситуации, в которых студент сам приходит к осознанию их значимости [10].

Разработанная модель преподавателя-наставника как транслятора и носителя ценностей требует освоения специальных смыслотехнических приёмов, позволяющих эффективно транслировать ценности в поликультурной среде.

В контексте преподавания курса ОРГ преподаватель-наставник может использовать следующие смыслотехнические приёмы, позволяющие не просто передавать информацию о ценностях, а создавать условия для их осознанного усвоения студентами с различным культурным контекстом. В данном исследовании рассмотрим четыре ключевых смыслотехнических приёма:

1. Присоединение дополнительных мотивов. Этот приём включает использование мотива соревнования, поощрения/наказания, похвалы/критики, клятвы или обещания, которые активиру-

ют мотивацию самоуважения. В образовательном контексте это позволяет преподавателю не просто «рассказывать о ценностях», а создавать ситуации, где студент сам приходит к осознанию их значимости через личную заинтересованность. Так, на занятии по теме «Образы будущего России» преподаватель предлагает студентам соревнование: «Кто предложит наиболее реалистичный проект по улучшению жизни в вашем городе?». Победитель получает возможность представить свой проект на студенческой конференции. Такой подход активизирует не только познавательный интерес, но и мотив самоуважения через признание со стороны не только преподавателя, но и экспертов и сверстников.

2. Внедрение смысловых конструкторов через специфическое означивание объекта. Выбор точного словесного описания или знакового визуального образа-ярлыка позволяет актуализировать значимые смысловые конструкторы, прямо связанные с ценностями. Это особенно эффективно при работе с абстрактными понятиями, такими как «государственность», «патриотизм», «гражданственность». Так, использование формулировки «ум, честь и совесть» при обсуждении роли интеллигенции в истории России не просто описывает данную социальную группу, а наделяет её глубоким смыслом, связанным с ценностями просвещения, нравственности и ответственности перед обществом.

3. Подключение смысловых диспозиций. Ссылки на авторитеты и референтные группы позволяют преподавателю использовать уже существующие в сознании студентов устойчивые смысловые структуры. В образовательном контексте это может быть использование примеров выдающихся деятелей культуры и науки, чья деятельность соответствует традиционным ценностям. Так, при обсуждении темы «Научное наследие России» преподаватель приводит примеры таких учёных, как Михаил Ломоносов, Дмитрий Менделеев, Иван Павлов, Сергей Королёв, подчёркивая не только их научные достижения, но и их патриотизм, преданность делу, готовность к самопожертвованию ради науки и страны. Это позволяет студентам увидеть связь между профессиональным успехом и традиционными ценностями.

4. Интеграция самоотношения, социальной и ролевой идентичности. Использование формулировок, затрагивающих глубинные ценности и архетипы, позволяет преподавателю обращаться к фундаментальным основам личности студента. Такие фразы, как «Поступил как настоящий мужчина», «Всем, кому небезразлична судьба России...», «Если дорог тебе твой дом...», задействуют не рациональное мышление, а эмоционально-ценностную сферу. Так, при обсуждении темы «Семья как ценность» преподаватель задаёт вопрос: «Если дорога тебе твоя семья, как ты можешь внести вклад в её благополучие через свое профессиональное развитие?» Такой подход позволяет студенту увидеть связь между личными ценностями и профессиональными целями.

Использование смыслотехнических приёмов в преподавании курса ОРГ в поликультурной среде позволяет преподавателю-наставнику не просто передавать информацию о ценностях, а создавать условия для их осознанного усвоения студентами с различным культурным опытом.

В данном контексте использование преподавателем инклюзивных педагогических практик, адаптированных для разных категорий студентов, также способствует развитию у студентов целостного представления о российской государственности как цивилизационном феномене, укрепляющем единство через уважение к многообразию.

Так, для студентов из малочисленных народов Севера (удэгейцы, нанайцы, ульчи и др.) разработана практика «Герой моей семьи», которая позволяет раскрыть элемент «Семья» системной модели мировоззрения через призму межпоколенческой преемственности. Студенты рассказывают о своих предках, которые передали им традиционные для их народности знания. Эта практика демонстрирует, что семейная память – это не частное дело, а общественный ресурс. Когда студент рассказывает о своём герое, он не просто делится личной историей – он вплетает её в общую канву российской истории. Это создаёт эффект «мозаики»: каждый кусочек уникален, но вместе они образуют целостную картину.

Для студентов из стран АТР и СНГ разработан метод «Визуального нарратива», реализованный в рамках раздела «Вызовы будущего и развитие страны». Студенты создают коллаж/инфографику на тему «Мой вклад в будущее России» без вербального сопровождения. В пар-

ной работе («свой» + «иностранец») происходит вербализация образа: русскоязычный студент помогает подобрать слова, иностранный – объясняет замысел. Такой подход позволяет преодолевать языковой барьер и создавать диалог на уровне образов.

Для студентов, вернувшихся с СВО и имеющих определённую трансформацию привычных ценностей, разработана практика «Туристский маршрут как путь к ценностям». Студенты получают задание разработать мини-маршрут по одному из направлений края (морской, историко-патриотический, этнокультурный) с обязательной привязкой к элементам системной модели мировоззрения. Особенностью практики является отказ от «туризма ради туризма» в пользу осмысленного погружения: студент не просто посещает объект, а проходит через ценностную рефлексию, фиксируя в дневнике ответы на вопросы из предлагаемого преподавателем опросника. Для студентов с психологическими травмами это создаёт безопасное пространство для проживания сложных эмоций через связь с природой и культурным наследием.

Студенты разных направлений подготовки (историки, филологи, экономисты, юристы) объединяются в команды для разработки проекта «Как моя профессия служит государству». Каждый студент представляет свою дисциплинарную перспективу, а команда создаёт общую презентацию. Так, например, команда из 5 студентов (историк, филолог, экономист, юрист, эколог) разработала проект «Сохранение культурного наследия Дальнего Востока как основа государственности». Историк рассказал о значении памятников истории, филолог – о языковом многообразии, экономист – о туристском потенциале, юрист – о правовых механизмах защиты, эколог – о связи культуры и природы. Проект получил высокую оценку на студенческой конференции.

Особое значение в образовательной среде культурного разнообразия приобретает процесс смысловой координации в совместной деятельности. Как отмечает Е. Л. Доценко, «взаимопонимание на уровне индивидуальных смыслов выступает результатом специальной активности, тем более трансформаций смысловой сферы участников» [5].

В контексте преподавания курса ОРГ в поликультурной аудитории ключевым становится не передача готовых истин, а создание условий для совместного смыслотворчества. Здесь особенно важны три механизма, которые помогают преодолеть культурные барьеры и выстроить диалог без противопоставления «своих» и «чужих».

Во-первых, формирование общего смыслового фонда – своего рода «третьего пространства», куда каждый студент может внести свой культурный опыт и найти ему место в общей картине. Когда удэгейская студентка рассказывает о традициях охоты своих предков, а студент из Вьетнама – о рисовых террасах своей родины, а вернувшийся с СВО – о пережитом опыте, преподаватель не ставит их в один ряд как «экзотику». Он помогает увидеть: все эти истории – части единой ткани российской государственности. Такой подход особенно важен для тех, кто привык чувствовать себя «на обочине»: представителей малочисленных народов, иностранных студентов, людей с травмами. Здесь их голос не просто выслушивают – его вплетают в общую канву.

Во-вторых, смысловая индукция – тот самый момент, когда знакомое вдруг обретает новый смысл. Так, студент из Китая, слушая рассказ о морских традициях Приморья, вдруг видит параллели с культурой своего прибрежного региона – и море перестаёт быть «чужим пространством», становясь точкой соприкосновения культур. Именно в таких моментах происходит подлинное осмысление ценностей – не как заученных формулировок, а как живого опыта.

В-третьих, интертекстуальность – умение видеть за отдельными фактами целостную картину. Не «вот герб, вот флаг, вот гимн», а понимание, как эти символы связаны с историей края, с жизнью малочисленных народов, с опытом мореплавателей и защитников рубежей. Когда студент воспринимает курс не как набор тем для зачёта, а как единый нарратив, в котором находится место и его личной истории, тогда ценности перестают быть «внешними» и становятся частью его внутреннего мира.

Особую силу этот подход обретает благодаря региональной специфике Дальнего Востока. Наш край не периферия, а «берег острова», как метко заметил В. Л. Цымбурский [17], точка соприкосновения Евразии и Тихого океана, место, где переплетаются культуры России, Китая, Кореи, Японии и малочисленных народов Севера. Здесь пограничность не уязвимость, а культуроло-

гический педагогический ресурс. Морская идентичность региона не просто географическая особенность, а живой путь к пониманию ценностной константы «сила и ответственность». Как отмечается в концепции УМК, «Россия – это не сумма частей, а целостность, возникающая именно через многообразие» [10]. И именно на Дальнем Востоке эта целостность ощущается не как абстракция, а как повседневный опыт сосуществования разных культур на одной земле.

В 2024-2025 гг. модель преподавателя-наставника апробирована на 428 студентах ВВГУ, включая 87 представителей малочисленных народов Севера, 64 студента из стран АТР и СНГ, 14 участников СВО. По итогам курса 78 % студентов поликультурных групп продемонстрировали осознанное понимание принципа «единства многообразия» (по сравнению с 34 % до курса); 85 % отметили, что «ОРГ помог понять: моя культура – часть, а не угроза российской государственности»; 91 % студентов (представителей малочисленных народов) впервые увидели свою культуру «не как периферию, а как часть российской цивилизации»; 83 % студентов из стран АТР отметили, что «практика помогла понять: Россия – это не только этнические русские, но и все, кто внёс вклад в её развитие»; 71 % всех опрошенных выразил готовность участвовать в межкультурных проектах вуза.

Преподавание курса ОРГ в среде культурного разнообразия требует перехода от «монолога о многообразии» к «диалогу через многообразие». Роль преподавателя-наставника в этом контексте становится ключевой: он выступает транслятором ценностей, способным через личный пример, педагогическое присутствие и инклюзивные практики развивать у студентов осознанное отношение к принципу «единства многообразия».

Разработанная модель преподавателя-наставника подтвердилась на практике: в поликультурной аудитории она работает именно потому, что отказывается от «навязывания» ценностей. Вместо монолога о традициях преподаватель выстраивает диалог – через личный пример, через инклюзивные практики, через уважение к культурному опыту каждого студента. И именно этот подход позволяет транслировать традиционные российские духовно-нравственные ценности так, что они воспринимаются не как внешнее требование, а как возможность для осмысления собственного места в многонациональном пространстве России.

Особенно убедительными оказались четыре практики, каждая из которых «заточена» под определённую категорию студентов, но при этом универсальна в своей сути:

1. Практика «Герой моей семьи» помогла студентам из малочисленных народов Севера увидеть: их культура не периферия российской цивилизации, а её неотъемлемая часть.

2. «Визуальный нарратив» стал мостом для студентов из стран АТР и СНГ, у которых ещё слабо развита вербальная речь на русском. Создавая коллаж «Мой вклад в будущее России», они смогли выразить то, что пока сложно сформулировать словами, а потом, в парной работе с русскоязычным коллегой, обрести и слова, и уверенность.

3. «Туристский маршрут как путь к ценностям» оказался особенно востребован студентами, вернувшимися с территорий СВО. Для них прогулка по историческим местам Приморья стала не экскурсией, а безопасным пространством для проживания сложных эмоций – через связь с природой, с морем, с памятью предшественников.

4. «Культура и государство» позволила иностранным студентам и мигрантам увидеть: Россия – это не только этнические русские, но и все, кто вносит свой вклад в развитие страны.

Ключевым ресурсом всех этих практик стала именно региональная специфика Дальнего Востока. Пограничное положение края, его морская идентичность, переплетение культур России, Китая, Кореи и малочисленных народов Севера – всё это превратилось из «особенности региона» в живой педагогический инструмент. Принцип «единства в многообразии», который в учебниках часто воспринимается как абстракция, здесь ощущается как повседневная реальность – на улицах Владивостока, в аудиториях вуза, в историях самих студентов. И именно поэтому абстрактные категории концепции УМК обретают плоть и голос – становятся не предметом заучивания, а личным опытом осмысления.

Этический аспект работы с поликультурной аудиторией требует от преподавателя необходимости избегания как культурного национализма (навязывания «русскости» как единственной

нормы), так и культурного релятивизма (отрицания общих ценностей). Золотая середина – это признание права каждой культуры на самобытность при одновременном поиске общих оснований кросс-культурного взаимодействия.

Заключение. В заключение необходимо обратиться к концепции ценности жизни как концентрированной описательной характеристики наиболее стержневой и обобщённой динамической системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого [13, 250]. Для преподавателя-наставника смысл жизни представляет собой систему больших и малых проявлений мировосприятия, определяющих его профессиональную позицию и подход к работе с поликультурной аудиторией.

Как отмечает И. А. Новикова, «не из неконечных, а из непосредственных источников смысла» [11, 47] формируется их структурная иерархия, которая определяет направленность педагогической деятельности. Для преподавателя-наставника, работающего в поликультурной среде, смысл жизни связан с миссией развития у студентов целостного представления о российской государственности как цивилизационном феномене, укрепляющем единство через уважение к многообразию.

Эта миссия требует от преподавателя не только профессиональных компетенций, но и глубокого осознания собственных ценностных ориентиров и их согласования с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Только в этом случае преподаватель-наставник может стать подлинным медиатором ценностей, способным через личный пример и педагогическое присутствие формировать у студентов осознанное отношение к принципу «единства в многообразии».

Для обеспечения прозрачности логики исследования представим соотнесение каждой из шести задач, сформулированных во введении, с конкретными результатами, представленными в статье: проведён теоретический анализ концепции УМК, выделен принцип «единства многообразия» как ценностная константа, показана связь с культурологическими подходами; представлена развёрнутая модель наставника-медиатора, описаны смыслотехнические приёмы (присоединение мотивов, смысловые диспозиции, интеграция идентичности); сформулировано расширенное определение инклюзивных технологий, включающее учёт ценностной трансформации после СВО, представлены механизмы смысловой координации (общий фонд, индукция, интертекстуальность); представлены четыре практики: «Герой моей семьи» (малочисленные народы), «Визуальный нарратив» (иностранные студенты), «Туристский маршрут» (студенты после СВО), «Культура и государство» (междисциплинарные команды); показано использование морской идентичности, пограничного положения, культурного переплетения (Россия, Китай, Корея, малочисленные народы) в качестве социокультурного инструмента; приведены данные анкетирования 428 студентов ВВГУ: рост осознанного понимания принципа «единства многообразия» с 34 до 78 %, 91 % представителей малочисленных народов впервые увидели свою культуру как часть российской цивилизации и др.

Практическая значимость проведённого исследования обусловлена его востребованностью в условиях реализации государственной политики по укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и проведения в 2026 году Года единства народов России. Разработанная модель преподавателя-наставника как медиатора ценностей представляет собой готовый инструмент для трансляции принципа «единства в многообразии» в поликультурной образовательной среде, что особенно актуально для вузов Дальнего Востока, Сибири и других регионов с высокой долей студентов из малочисленных народов, стран АТР и СНГ, ветеранов СВО. Результаты исследования могут быть непосредственно внедрены в систему преподавания курса ОРГ через адаптацию предложенных инклюзивных педагогических практик. Методические рекомендации по работе с разными категориями студентов позволяют преподавателям преодолевать культурные, психологические и языковые барьеры без превращения курса в формальную процедуру, сохраняя при этом глубину ценностного содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианова, Е. И. Инклюзивное образование: характеристика, сущность, проблемы / Е. И. Андрианова // Вестник НовГУ. – 2016. – № 2 (93). – С. 14-16.
2. Борзова, Т. А. Культурные основания наставничества в контексте развития человеческого капитала страны / Т. А. Борзова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № VIII (88). – С. 11-18.
3. Борзова, Т. А. Инклюзивные технологии в адаптационном процессе иностранных студентов в высшей школе: фокус на академическую интеграцию / Т. А. Борзова, О. В. Степкова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 6 (115). – С. 32-35.
4. Борзова, Т. А. Приобщение студентов высшей школы к ценностным принципам русской цивилизации в рамках дисциплины «Основы российской государственности» / Т. А. Борзова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 6 (103). – С. 114-116.
5. Доценко, Е. Л. Архаическая семантика в межличностном общении / Е. Л. Доценко // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 27. – С. 46-53.
6. Верезей, Ю. Н. Духовность как смысловой динамический процесс: опыт построения модели / Ю. Н. Верезей // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2024. – № 2. – С. 131-154.
7. Иванов, Е. В. О стратегическом планировании развития инклюзивного образования (по типу Великого Новгорода) / Е. В. Иванов // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 5 (88). – С. 43-47.
8. Леонтьев, А. А. Педагогика здравого смысла: гуманистическая философия образования / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2008. – 280 с.
9. Леонтьев, Д. А. Методика предельных смыслов (МПС) / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1992. – 36 с.
10. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский и др. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 216 с.
11. Новикова, И. А. Культурные нормы и ценности в формировании навыков межкультурного взаимодействия / И. А. Новикова, И. Л. Борзенко // Вестник Алтайской академии образования. – 2020. – № 3. – С. 45-52.
12. Русецкая, М. Н. Инклюзивные образовательные технологии в высшей школе: теория и практика / М. Н. Русецкая. – М.: Издательский центр «Академия», 2021. – 318 с.
13. Шохин, В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль / В. К. Шохин. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 344 с.
14. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2022. – 576 с.
15. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 9-19.
16. Хухлаев, О. Е. Инклюзивная культура как основа психологически безопасной образовательной среды в контексте интернационализации вуза / О. Е. Хухлаев, М. Ю. Чибисова // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25. – № 6. – С. 110-121.
17. Цымбурский, В. Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы / В. Л. Цымбурский. – М.: РОССПЭН, 2007. – 415 с.
18. Шевелева, Д. Е. Инклюзивное образование: переход от теории к практике / Д. Е. Шевелева // Коррекционно-педагогическое образование. – 2024. – № 2 (38). – С. 5-19.
19. Black-Hawkins, K. Understanding inclusive pedagogy: Learning with and from teachers. International Journal of Inclusive Education. – 2020. – Vol. 24(8): 825-839.
20. Burgstahler, S. Universal Design in Higher Education: From Principles to Practice. Harvard Education Press, 2020.

REFERENCES

1. Andrianova E. I. Inclusive education: characteristics, essence, problems. Vestnik NovGU [Bulletin of Novgorod State University], 2016, no. 2 (93). (In Russian).
2. Borzova T. A. Cultural foundations of mentoring in the context of the development of human capital of the country. Uchenyye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University], 2025, no. 8 (88), pp. 11-18. (In Russian).
3. Borzova T. A., Stepkova O. V. Inclusive technologies in the adaptation process of foreign students in higher education: focus on academic integration. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education], 2025, no. 6 (115), pp. 32-35. (In Russian). doi: 10.24412/1991-5497-2025-6115-32-35.

4. Borzova T. A. Introducing Higher School Students to the Value Principles of Russian Civilization within the Framework of the Discipline «Fundamentals of Russian Statehood». *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2023, no. 6 (103), pp. 114-116. (In Russian). doi:10.24412/1991-5497-2023-6103-114-116.
5. Dotsenko E. L. Archaic semantics in interpersonal communication. *SPZH* [SPZh], 2008, no. 27, pp. 46-53. (In Russian).
6. Verezey Yu. N. Spirituality as a semantic dynamic process: experience of constructing a model. *Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye»* [Series «Psychology. Pedagogy. Education»], 2024, no. 2, p. 131-154. (In Russian).
7. Ivanov E.V. On strategic planning for the development of inclusive education (based on the Veliky Novgorod model). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod State University], 2015, no. 5 (88). (In Russian).
8. Leontiev A. A. *Pedagogika zdravogo smysla: gumanisticheskaya filosofiya obrazovaniya* [Pedagogy of Common Sense: Humanistic Philosophy of Education]. Moscow, Smysl, 2008. 280 p. (In Russian).
9. Leontiev D.A. *Metodika predel'nykh smyslov (MPS)* [Methodology of ultimate meanings (MPS)]. Moscow, Smysl, 1992. 36 p. (In Russian).
10. Marasanova V. M., Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., and others. *Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti: uchebno-metodicheskiy kompleks* [Fundamentals of Russian statehood: educational and methodological complex]. Moscow, Publishing house «Delo» RANEPa, 2023. 216 p. (In Russian).
11. Novikova I. A., Borzenko I. L. Cultural norms and values in the formation of intercultural interaction skills. *Vestnik Altayskoy akademii obrazovaniya* [Bulletin of the Altai Academy of Education], 2020, no. 3, p. 45-52. (In Russian).
12. Rusetskaya M. N. *Inklyuzivnyye obrazovatel'nyye tekhnologii v vysshey shkole: teoriya i praktika* [Inclusive educational technologies in higher education: theory and practice]. Moscow, Publishing center «Academy», 2021. 318 p. (In Russian).
13. Shokhin V. K. *Filosofiya tsennostey i rannaya aksiologicheskaya mysl'* [Philosophy of Values and Early Axiological Thought]. Moscow, RUDN University Press, 2006. 344 p. (In Russian).
14. Huntington, S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow, AST, 2022. 576 p. (In Russian).
15. Kharichev A. D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E. N. Perception of basic values, factors and structures of the socio-historical development of Russia. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Studies], 2022, Vol. 6, no. 3, p. 9-19. (In Russian).
16. Khukhlaev O. E., Chibisova M. Yu. Inclusive culture as the basis for a psychologically safe educational environment in the context of the internationalization of the university. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological science and education], 2020, Vol. 25, no. 6, p. 110-121. (In Russian).
17. Tsymbursky V. L. *Ostrov Rossiya: geopoliticheskiye i khronopoliticheskiye raboty* [Island Russia: geopolitical and chronopolitical works]. Moscow, ROSSPEN, 2007. 415 p. (In Russian).
18. Sheveleva D. E. Inclusive education: transition from theory to practice. *KPO* [KPO], 2024, no. 2 (38), p. 5-19. (In Russian).
19. Black-Hawkins, K. Understanding inclusive pedagogy: Learning with and from teachers. *International Journal of Inclusive Education*. – 2020. – Vol. 24(8): 825-839.
20. Burgstahler, S. *Universal Design in Higher Education: From Principles to Practice*. Harvard Education Press, 2020.

Веретенникова Е. С., Крыжановская Я. С.
E. S. Veretennikova, Ya. S. Kryzhanovskaya

МУЗЕЙНЫЙ СПЕКТАКЛЬ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

MUSEUM PERFORMANCE AS A COMMUNICATIVE STRATEGY IN THE SPACE OF CONTEMPORARY CULTURE

Веретенникова Евгения Сочуновна – директор музея «Мир говорящих машин» (Россия, Хабаровск), 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 50. E-mail: everet1707@gmail.com.

Evgenia S. Veretennikova – Director of the Museum «The World of Talking Machines» (Khabarovsk), 680000, Khabarovsk, st. Frunze, 50. E-mail: everet1707@gmail.com.

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Yana S. Kryzhanovskaya – Doctor of Culture Studies, Associate Professor, Head of Culture Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается музейный спектакль как инновационная коммуникативная стратегия, трансформирующая традиционные формы взаимодействия музея с посетителем. На основе анализа теоретических подходов и практического опыта российских музеев авторы обосновывают положение о том, что театрализация становится не просто развлекательным дополнением, а существенным механизмом актуализации культурного наследия, формирования новых смыслов и построения диалогических отношений между институцией и аудиторией в условиях современной культуры. Особенности музейного спектакля как современной коммуникативной формы рассмотрены на примере документального спектакля-променада «Слышу дальнего вблизи» хабаровского музея «Мир говорящих машин».

Summary. The article examines the museum performance as an innovative communicative strategy that transforms traditional forms of interaction between the museum and the visitor. Drawing on an analysis of theoretical approaches and the practical experience of Russian museums, the authors argue that theatricalization is becoming not merely an entertaining add-on, but an essential mechanism for actualizing cultural heritage, generating new meanings, and establishing a dialogue between the institution and the audience within the context of contemporary culture. The characteristics of the museum performance as a modern form of communication are examined through the example of the documentary promenade performance «Hearing the Distant Up Close», produced by the «World of Talking Machines» Museum in Khabarovsk.

Ключевые слова: иммерсивный спектакль, коммуникация, музей, музейный спектакль, «Мир говорящих машин», театрализация.

Key words: immersive performance, communication, museum, museum performance, «World of Talking Machines», theatricalization.

УДК 069.124:316.77

Современная культура переживает период глубоких трансформаций, затрагивающих все социальные институты, включая музей. Как отмечает Н. С. Тураева, «глобальные преобразования тесно связаны с интеграцией определённых видов деятельности различных институтов ..., ... в ходе которой и рождаются новые идеи, методики и формы сотрудничества» [7, 236]. Музей, традиционно воспринимаемый как «хранилище» и «просветительское учреждение» с односторонней передачей готовых знаний, сегодня всё более осознаёт необходимость пересмотра собственной роли и способов коммуникации с обществом. Исследователи констатируют, что «с начала 2000-х гг. музей захватывал полномочия других сфер общественной жизни – образования, досуга, проектного

творчества, становится коммуникационной культурной площадкой, безусловно опирающейся на артефакт, но с весьма пространными и нечёткими границами» [2, 419].

Сегодня музеи оказываются перед необходимостью решать сложную задачу: сохраняя свою миссию хранителей культурного наследия, они должны оставаться востребованным в условиях рыночной экономики и конкурентной среды индустрии досуга. Можно выделить несколько ключевых вызовов, стоящих перед музейными институтами:

- экономический вызов, предполагающий необходимость привлечения посетителей в условиях сокращения государственного финансирования;
- социокультурный вызов, обусловленный изменением характера восприятия, когда современный посетитель ожидает не только познавательного, но и эмоционального опыта в первую очередь;
- коммуникативный вызов, связанный с необходимостью перехода от трансляции готовых смыслов к их совместному конструированию [3; 7; 11].

В этом контексте театрализация рассматривается как один из эффективных способов решения обозначенных задач. Отказавшись от роли рупора советской эпохи и скучного лектора, музеи оказались в жёстких рыночных условиях. Чтобы выжить и привлечь публику, они теперь вынуждены работать не только на «образование», но и на эмоции и впечатления, превращая экспозиции в увлекательный досуг.

Принципиальное изменение в понимании музейной коммуникации связано с переходом от модели «музея-коллекции» к модели «музея-события». И если, согласно концепции Н. Ф. Федорова, «музей есть выражение памяти, общей для всех людей как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц» [8, 383], то музейный спектакль становится тем механизмом, который позволяет «оживить» прошлое, восстановить связь времён через личное переживание.

С. В. Кулямзина определяет музейный спектакль как «спектакль, поставленный на специфической музейной “сценической площадке” (в пространстве экспозиции или в особо отведённом месте в стенах музея, или на территории музейного комплекса)» [4, 114]. Речь идёт не просто о переносе сценического действия в экспозиционное пространство, но о качественно новой коммуникативной стратегии, переопределяющей саму природу музейного опыта. Музейный спектакль не иллюстрация экскурсии, а самостоятельный художественно-документальный жанр, где подлинность экспоната вступает в диалог с условностью театрального действия. В условиях современного информационного пространства, где давно уже господствует система симулякров, где стирается грань между подлинным и искусственным, где «фальшивые, ошибочно атрибутированные или полностью сфабрикованные высказывания демонстрируют значительно более высокую виральность и глубину распространения по сравнению с верифицированными высказываниями» [1, 15], спектакль, опирающийся на подлинные музейные предметы, создаёт уникальный феномен «живого знания». Такая форма требует особой режиссуры, учитывающей специфику музейной среды и сохраняющей баланс между художественным вымыслом и исторической достоверностью.

При этом музейный спектакль отличается от локальной театрализации (например, отдельной анимационной вставки) рядом особенностей: обладает целостной драматургической структурой; строится вокруг экспонатов как «действующих лиц» или «свидетелей» событий; требует временного и пространственного переформатирования музея под сценическое действие. Музейный спектакль становится тем инструментом, который позволяет преодолеть монологичность традиционной экспозиции и выстроить диалог, основанный на со-переживании и со-творчестве. Именно эта ориентация на «со-бытие», на совместное переживание и порождение смысла посетителем и экспонатом сближает музей с театром и делает музейный спектакль одной из наиболее востребованных инновационных форм [4].

И. А. Щепеткова предложила типологию музейных спектаклей на основе трёх базовых критериев:

1. место действия (исторические театры, open-air пространства (парки, крепости) или лекционно-выставочные залы музеев);

2. степень реконструкции (полная аутентичность, включая свет и механику, частичная стилизация, предполагающая исторические костюмы и современную игру, или современный театр в исторических интерьерах);

3. статус в событийном ряду (разовая акция в рамках торжества или регулярный прокатный спектакль, приравненный к репертуарному) [9, 10].

При этом важнейшей характеристикой музейного спектакля является его «язык», т. е. та система знаков и кодов, посредством которой он общается со зрителем. В отличие от традиционного театра, где основными средствами выразительности являются слово актёра, мизансцена и сценография, в музейном спектакле равноправным «персонажем» становится подлинный музейный предмет. Именно поэтому музейный спектакль – это «особая форма культурного взаимодействия с посетителем, которая требует адаптации в современной ситуации, ориентированной на популяризацию данной формы культурно-образовательной деятельности в музеях» [4, 114].

Подлинность экспоната сообщает спектаклю особую ауру достоверности, которую невозможно создать никакими театральными средствами. «Копия не может этого сделать; она обращена к интеллекту, а не к эмоции», – справедливо писал английский музеолог К. Хадсон, анализируя роль музейной коммуникации в современном обществе [10, 48]. В спектакле «Старые годы в селе Плодомасово» (реж. Г. Бызгу) по повести Н. С. Лескова, идущем в гостинице мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова (филиал Всероссийского музея А. С. Пушкина), подлинные предметы эпохи – старинная мебель, подсвечники, портреты – становятся не просто фоном, а полноправными участниками действия, создавая атмосферу достоверности. Актриса Ольга Гильванова ведёт повествование от лица героини, при этом музейные предметы не используются как реквизит в театральном смысле (их не трогают, не переставляют), но они формируют «среду обитания», которая сама по себе является частью высказывания.

Другим важным «языком» музейного спектакля выступает пространство. В отличие от «театра-коробки» с его универсальной сценой музейное пространство уникально и неповторимо. Каждый зал, каждая лестница, каждый уголок парка имеет свою историю и свой «вайб», которые режиссёр может использовать для усиления художественного воздействия. Как пишет С. В. Кулямзина, цитируя М. Чехова и М. Кнебель, «атмосфера зависит от характера событий, развёртывающихся перед нами, от места и времени действия... Она выражается очень конкретно в ритме действий людей, в тональности их разговора, в “мизансценах”, в которые они группируются произвольно, свободно, без всякого режиссёра» [4]. В музейном спектакле эта атмосфера задаётся не только режиссёром и актёрами, но и самим пространством, его архитектурой, историей, «памятью места».

Тенденция последних двух десятилетий заключается в том, что музеи по всему миру системно включают перформативные практики в выставочные программы, создавая экспозиции как драматургические структуры. В таких гибридных форматах границы между сценой и экспозицией стираются, а зритель получает новый тип художественного опыта – более включённый, живой, эмоциональный. Россия занимает в этом процессе самостоятельное и заметное место, формируя разнообразный пласт музейно-театральных практик.

1. Иммерсивный спектакль-экскурсия «АХМАТОВА DIGITAL» в Государственном литературно-мемориальном музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург). Проект стал победителем конкурса «Музей 4.0» в 2021 г. и представляет собой синтез цифровых технологий и театрального действия: зритель с планшетом и наушниками следует по заданному маршруту и наблюдает сцены дополненной реальности, оживляющие подлинные предметы и пространство квартиры. Звучат стихи и рассказы в исполнении петербургских актёров, и специально созданные музыкальные произведения. Этот проект демонстрирует, как музейный спектакль может использовать современные медиа для усиления «эффекта присутствия» и погружения в историко-литературный контекст. Особенность – диалог поколений: молодые зрители воспринимают технологии как естественную среду, а старшее поколение через AR-оживление предметов получает новый способ «увидеть» знакомую экспозицию [15].

2. Семейная аудиоэкскурсия-спектакль «Кто раскачивает деревья?» в Государственном музее истории религии (лауреат конкурса детских музейных программ в 2023 г.). Ребёнок и взрослый

получают комплект оборудования и отправляются в путешествие по музейной экспозиции, в котором «экспонаты выступают собеседниками и отвечают на важные вопросы, а музей помогает посетителям лучше узнать друг друга – через диалог и совместное выполнение заданий, затрагивающих важные философские темы» [12; 15]. Здесь музейный спектакль выступает инструментом не только познания, но и эмоционального сближения, семейного диалога. Важно, что он адресован семейной аудитории, которая часто является наиболее требовательной: родители ожидают образовательной ценности, дети – интерактива и игры.

3. Антропологический спектакль-реконструкция «Родная мать» Вологодского государственного музея-заповедника (победитель конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», 2016 г.). Представляет собой реконструкцию истории крестьянской семьи Дудниковых из Трегубовской волости Устюжского уезда, созданную на основе архивных судебных документов. Как отмечают В. Н. Кардапольцева, М. Ю. Кряжевских и М. А. Пальчик, это пример перехода от *exposition dramaturgy* (драматургии экспозиции) к *site-specific* (искусству, созданному для конкретного места), где музейное пространство и подлинные документы становятся полноправными соавторами сценического высказывания [2]. Спектакль не просто информирует, а заставляет зрителя сопереживать, размышлять о социальной несправедливости, о судьбе «маленького человека» в истории.

4. Документальный видеоспектакль «Охотинские. Мужской род», созданный в рамках музейной исследовательской работы в селе Учма на основе интервью с жителями Охотинского поселения, стал лауреатом Национальной премии «Золотая маска» в номинации «Лучший спектакль. Эксперимент». Этот случай особенно показателен: музейно-театральный проект не просто получил признание в профессиональной музейной среде, но был удостоен одной из самых престижных театральных наград страны, что свидетельствует о признании музейного спектакля полноценным художественным явлением. Формат видеоспектакля (в отличие от *live-действия*) позволил тиражировать проект и показывать его на разных площадках, не нарушая при этом сохранность музейного пространства.

В Хабаровске уникальной площадкой для создания музейного спектакля выступил музей «Мир говорящих машин». Являясь частным учреждением с ограниченными ресурсами, этот музей смог не только разработать и реализовать инновационный проект, но и стать победителем федерального грантового конкурса, финалистом главной музейной премии страны, что подтверждает высокий потенциал малых музеев в сфере междисциплинарных коммуникаций [13; 14].

«Мир говорящих машин» – первый частный музей в Хабаровском крае, открывшийся 26 июня 2018 г. Его создателями выступили супруги Андрей и Евгения Веретенниковы, чья страсть к коллекционированию винтажной аудиотехники и звуконосителей начала формироваться задолго до официального открытия. С 2013 г. семья начала активно собирать старые проигрыватели, граммофоны, пластинки, патефоны и магнитофоны, реставрируя их и возвращая к жизни. К моменту открытия музея коллекция насчитывала около 80 «говорящих машин». Все они находились в рабочем состоянии, что стало отличительной чертой музея. Постепенно экспозиция расширялась: сегодня в коллекции представлено более 200 экспонатов и около 25 тысяч аудионосителей – от восковых валиков конца XIX в. до компакт-кассет 1980-х гг.

Особенность музея заключается в его интерактивном характере. Экскурсии здесь строятся на принципе «живого звука»: экспонаты не просто демонстрируются за стеклом, но включаются в работу. Посетитель может не только увидеть, но и услышать, как звучат граммофоны разных эпох, патефоны, бобинные магнитофоны, радиолы. Каждому посетителю музея экскурсоводы не только рассказывают о том, как развивалась техника, но и дают послушать, как она звучала в разные десятилетия. В этом смысле «Мир говорящих машин» обладает уникальным коммуникативным потенциалом: его экспонаты – это не визуально-тактильные объекты, как в большинстве музеев, а аудиально-тактильные. Звук является не дополнительной иллюстрацией, а основным каналом передачи информации и эмоций, что делает музей особенно чувствительным к театральной и иммерсивной репрезентации.

Спектакль «Слышу дальнего вблизи», созданный в 2025 г. командой музея совместно с Хабаровским краевым музыкальным театром, представляет собой синтез документального театра, иммерсивного променада и музейной экспозиции. Его уникальность – в использовании подлинных экспонатов не как реквизита, а как полноправных «персонажей», чья аудиальная природа органично вписывается в театральную форму. Звук становится не столько сопровождающим элементом, но главным нарративным средством: через пластинки, магнитофонные записи, голоса актёров, звучание старинных аппаратов зритель погружается в акустическую повседневность Дальнего Востока разных эпох.

В основе спектакля – более 40 реальных историй посетителей и дарителей музея о том, как их семьи переезжали на Дальний Восток, начиная с конца XIX века и до позднесоветского времени. Команда музея на протяжении семи лет собирала устные истории, превращая их из частной памяти в публичный архив. Дополнительный сбор историй был организован на старте проекта, что позволило значительно расширить географию сбора: если до этого истории собирались непосредственно от дарителей и посетителей музея, то при запуске проекта истории присылали люди, не посещавшие музей, но узнавшие о сборе через СМИ и ресурсы музея. Далее произошёл «перевод музейных материалов на язык драматургии» [6, 167] – и появился сценарий (авт. С. Буков и Ф. Шалагин).

Спектакль фокусируется на идее корневого происхождения дальневосточников. Герои постановки – переселенцы, порвавшие связь с родом на «большой земле», чтобы начать новую жизнь на другом конце света; одни приехали по переселенческой программе, другие – как военные, третьи – как комсомольцы-добровольцы, четвёртые – как осуждённые, оставшиеся после отбытия срока [16].

Иммерсивный формат и формат променада были выбраны по нескольким причинам. Во-первых, музейное пространство само по себе является нерасчленённой средой. Залы, коридоры, лестницы, входная зона – всё это обладает собственной аурой, которую можно было использовать как декорацию. Во-вторых, иммерсивный театр и променад-спектакль представляют собой передовые сценические практики, которые музейное сообщество только начинает внедрять. Однако за этой новизной стоит не просто смена формата, а принципиально новый инструмент для решения старой музейной дилеммы – трансформации классического, подчас статичного повествования в живую, вовлекающую историю. В-третьих, камерность музея (группы до 15-20 человек) оказалась не недостатком, а ресурсом: доверительная атмосфера, «близкий план» актёра и зрителя позволили создать интенсивный эмоциональный контакт, невозможный в большом театральном зале.

Спектакль разворачивается в формате променада. Зрители не сидят на месте, а перемещаются за актёрами по музейному пространству. Переходя от одной локации к другой, зритель наблюдает, как из разных сюжетов, словно из мозаики, складывается спектакль. Маршрут пролегает через залы экспозиций «Винтаж» (экспонаты XIX – начала XX вв.), «СССР» (советский период) и «Диско» (эпоха 1970-80-х гг.), а также коридоры и даже лестничные пространства. Каждая локация имеет свою акустическую и визуальную специфику, которая используется в спектакле для смыслового переключения.

Архитектура музея становится полноправным соавтором действия. Лестница может символизировать восхождение или падение, коридор – путешествие во времени, дверь – границу между двумя мирами. В спектакле «Слышу дальнего вблизи» узкий лестничный переход в один из залов использован режиссёром Ф. Шалагиным для сцены переезда переселенца, фраза ведущего актёра буквально рифмуется с некомфортным пребыванием зрителя в лестничном проёме.

ЛЕСТНИЧНЫЙ ПРОЁМ

Борис поднимается по лестнице на второй этаж, разворачивается, тем самым вынуждая зрителей остановиться на лестнице.

Борис: Тесно, да? Вы ещё не знаете, что такое тесно!

Добираться по железной дороге до Томска, затем на повозках и лошадях и в конце сплавляться по Амуру целыми семьями – вот это тесно!!!

В исторических справках пишут, что их перевезли на пароме, ха-ха, очень смешно. Если бы я справлялся на пароме, то успел бы насладиться видами, и возможно даже «черкануть» пару путевых заметок, в стиле Чехова... Но мы успевали только следить за тем, чтоб грудной клетке хватало места на вдох-выдох.

(отрывок из сценария «Слышу дальнего вблизи»)

Не только пространство, но и сами музейные предметы активно участвуют в происходящем. Так, в сцене, апеллирующей к судьбе дальневосточного музыканта Матвея Павловича Журавлёва, актёр предлагает послушать одно из его самых знаменитых произведений «Вдоль Амура белым парусом» с единственной выпускавшейся на фирме «Мелодия» гибкой пластинки с песнями о Хабаровске на проигрывателе 1970-х гг. В итоге зрители слышат песню так, как слушали её их родители или даже бабушки и дедушки, с соблюдением технических условий времени. А актёр спектакля Алексей Толстокулаков, знавший хабаровского музыканта лично, дополнил сценарий собственными воспоминаниями. Так в спектакль попала история о том, как в 1990-е гг. Хабаровский театр «Триада», на тот момент пантомимный, обеспечил музыканта работой, фактически спас М. Журавлёва от нищеты, оплачивая его уроки вокала для актёров-мимов.

Немецкий рояль Bluthner ещё один экспонат, звучащий в начале спектакля и неразрывно связанный с историей семьи, владевшей им. Рояль принадлежал Вячеславу Львовичу Соболевскому, крупнейшему музыкальному деятелю, пианисту, отдавшему 40 лет работы Хабаровской краевой филармонии. В. Л. Соболевский переехал в Хабаровск в 1960-е гг. после окончания Одесской государственной консерватории. Изначально музыкант отправился на другой край материка за творческой свободой, планировал здесь пожить три года, но остался до конца жизни, пополнив «Одеколон» – «Одесскую колонию» музыкантов-одесситов, прочно осевших на Дальнем Востоке. История В. Л. Соболевского не пересказывается напрямую в спектакле, она опубликована на сайте вместе с другими собранными историями, а также размещена на плакате проекта в одном из залов музея. Таким образом, посетители могут узнать о судьбах дальневосточников не только во время очных показов, но и при посещении музея в рамках стандартных экскурсий.

В традиционной экскурсии эти экспонаты рассматриваются изолированно, их «аттрактивность» (способность привлекать внимание) и «экспрессивность» (способность вызывать эмоции) ограничены рамкой предметного показа. В спектакле же они вплетаются в нарратив: зритель не просто слушает объяснение экскурсовода, а «встречается» с экспонатом как с персонажем, чья история разворачивается в действии.

Спектакль построен так, что зритель не обладает выбором пути в буквальном смысле (маршрут задан следованием за актёрами), но обладает выбором в смысловом отношении. Перемещение из зала в зал знаменует переход из одной исторической эпохи в другую, и зритель волен интерпретировать эти переходы, основываясь на своём собственном опыте и знании истории.

В спектакле есть эпизоды, где действие останавливается, актёры замирают, звучит только шум пластинок. В эти моменты зритель остаётся наедине с экспонатами и со своими мыслями. Пауза – это не отсутствие коммуникации, а её особый, интенсивный режим, когда посетитель вынужден «додумать», «допережить» то, что не было сказано прямо.

Можно выделить три уровня интерактивности в спектакле:

1. Наблюдение: зритель слушает истории, рассказываемые актёрами. Это базовый уровень, присутствующий на протяжении всего действия.

2. Диалог: актёры периодически обращаются к зрителям с вопросами. Вопросы эти не риторические, они требуют реакции – кивка, взгляда, иногда короткой реплики. Это создаёт эффект «вовлечённого свидетеля», когда зритель перестаёт быть анонимным членом группы.

3. Физическое участие: в определённые моменты зрителей приглашают потанцевать под музыку или подпеть хорошо знакомую песню. В этих эпизодах граница между «сценой» и «зри-

тельным залом» полностью исчезает. Как отмечает И. А. Щепеткова, такой приём, «когда актёр спускается в зал или обращается прямо к зрителю», является сильнейшим средством воздействия, изменяющим природу восприятия спектакля [15].

По шкале соучастия (от пассивного зрителя до со-исполнителя) спектакль занимает высокие позиции. Зритель не просто наблюдает за действием, но и «проговаривает» истории (внутренне или вслух), вступает в диалог, физически участвует в некоторых сценах. Однако он не становится со-исполнителем в полном смысле (не произносит текст от лица персонажа), что сохраняет дистанцию, необходимую для рефлексии. Спектакль превращает статичную экспозицию в динамическое событие, где зритель становится не пассивным получателем, а активным со-творцом смысла, тем самым иллюстрируя тезис М. С. Кагана о том, что музей как «культурная форма» актуализирует прошлое через настоящее.

Проект «Слышу дальнего вблизи» в контексте инновационных методов музейной коммуникации стал первым в Хабаровском крае музейным спектаклем-променадом. Он уже получил признание в профессиональном сообществе: стал победителем грантового конкурса «Музей 4.0» Фонда Потанина в номинации «Музей + Театр» [14], в мае 2026 г. вошёл в число 7 финалистов в номинации «Спецпроект музея» Национальной премии в области музейного дела им. Д. С. Лихачёва – одной из самых значимых наград в музейной сфере России [13].

Сегодня развитие музейно-театральных форм, остроактуальных, привлекающих внимание публики, сопровождается острыми дискуссиями внутри профессионального сообщества. Тенденция к театрализации в музее имеет как горячих защитников, так и противников, предостерегающих от внедрения зрелища в музейную практику. Критики опасаются, что увлечение зрелищными формами может привести к утрате специфики музейного языка и подмене просветительской миссии развлекательной функцией.

Однако, как показывает анализ, конструктивным является не противопоставление, а поиск баланса. Театрализация не должна подменять собой работу с подлинным предметом, но может стать мощным инструментом его актуализации. В этом контексте особенно значимым представляется замечание о том, что современный музей, перегруженный цифровыми технологиями, нуждается в живом человеческом контакте, который способен обеспечить театр.

Этот подход предполагает смещение фокуса с объекта показа на опыт посетителя, с демонстрации музейного предмета на взаимодействие с экспозицией. В этом смысле спектакль становится «реляционной стратегией», где посетители становятся ключевым элементом развития нарратива. Исследователи подчёркивают, что физическая вовлечённость пробуждает «иные» формы памяти, более интуитивные и чувственные, в противовес чисто визуальному способу исследования пространств и содержания [3; 5]. Таким образом, спектакль способствует формированию новой, более глубокой связи между человеком и культурным наследием.

В пространстве современной культуры музейный спектакль предстаёт как сложный и многомерный феномен, выполняющий не только развлекательную, но и глубокую коммуникативную функцию. Он становится ответом музея на вызовы времени, способом сохранить свою актуальность в условиях трансформирующегося культурного ландшафта.

Музей «Мир говорящих машин» и его проект «Слышу дальнего вблизи» представляют собой пример успешной реализации музейно-театрального синтеза, подтверждающий, что театрализация музейного пространства не модный тренд, а стратегическое направление развития музейной коммуникации, открывающее новые горизонты для диалога музея и посетителя, для сохранения и актуализации культурного наследия в XXI в.

Перспективы развития музейного спектакля связаны, во-первых, с дальнейшим освоением иммерсивных и интерактивных форматов, во-вторых, с интеграцией цифровых и живых технологий и, в-третьих, с более активным вовлечением местных сообществ в создание музейно-театральных проектов. Важно, чтобы этот процесс сохранял баланс между инновационностью и бережным отношением к музейному предмету, между развлекательностью и глубиной содержания. Только в этом случае музейный спектакль сможет выполнить свою главную миссию – сделать культурное наследие живым, доступным и лично значимым для современного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завалишин, А. Ю. Лайк как жест: культурная антропология литературного фейка в цифровой среде / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2026. – № IV (92). – С. 14-21.
2. Кардапольцева, В. Н. Музей и театр: от exposition dramaturgy к site-specific / В. Н. Кардапольцева, М. Ю. Кряжевских, М. А. Пальчик // Дергачевские чтения – 2018. Литература регионов в свете гео- и этно- поэтики: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18-19 октября 2018 года / Российская академия наук, Уральское отделение. – Екатеринбург: ФГБУ «Уральское отделение РАН», 2019. – С. 419-426.
3. Кильдюшева, А. А. Эмоциональная переориентация музея в XXI веке: факторы изменений / А. А. Кильдюшева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. – 2026. – № 1. – С. 52-61.
4. Кулямзина, С. В. Музейный спектакль как форма культурного взаимодействия с посетителем / С. В. Кулямзина // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5. – С. 114-118.
5. Малеев, В. С. Музей и театр на пути к единству: поиск синтетических форм / В. С. Малеев // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 4 (84). – С. 129-136.
6. Малеев, В. С. Спектакль как форма музейного повествования в контексте сохранения нематериального культурного наследия / В. С. Малеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 52. – С. 166-173.
7. Тураева, Н. С. Театрально-музейные коммуникации в современной культуре: интегративность и синтез / Н. С. Тураева // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 3. – С. 235-244.
8. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение / Н. Ф. Федоров // Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2 / Н. Ф. Федоров – М.: Прогресс, 1995. – С. 370-437.
9. Щепеткова, И. А. Театрализация музейного пространства как форма взаимодействия с посетителями: автореф. дис. ...канд. культурологии: 24.00.03 / Щепеткова Ирина Анатольевна. – Санкт-Петербург, 2006. – 23 с.
10. Hudson, K. A Social History of Museums: What the visitors thought / K. Hudson. – London, 1975. – 210 p.
11. Hooper-Greenhill, E. Museum, Media, Message / E. Hooper-Greenhill. – London; New York: Routledge, 1999. – XVI. – 299 p.
12. Номинация «Музей – детям»: Кто раскачивает деревья? (аудиоэкскурсия-спектакль) // Государственный музей истории религии. – URL: https://museumolimp.ru/novosti/nominatsiya_muzej_detyam_kto_raskachivaet_derevya_audioekskursiya-spektakl_gosudarstvennij_muzej_istorii_religii (дата обращения: 18.05.2026). – Текст: электронный.
13. Определены финалисты первой Национальной премии в области музейного дела имени Д. С. Лихачева // Министерство культуры Российской Федерации, сайт. – URL: <https://award.culture.gov.ru/public/news/a950f19e-54f8-46a4-8caa-e808b37cefc8> (дата обращения: 18.05.2026). – Текст: электронный.
14. Победители конкурса «Музей 4.0» благотворительной программы «Музей без границ» // Благотворительный фонд В. Потанина. – URL: https://fondpotanin.ru/upload/documents/ru/news/%D0%9F%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B0%20%D0%9C%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9%204.0_2024-2025.pdf (дата обращения: 18.05.2026). – Текст: электронный.
15. Синтез жанра и форм: актуальные проекты // The Art Newspaper Russia. – № 137. – URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20251211-arcz> (дата обращения: 18.05.2026). – Текст: электронный.
16. «Слышу дальнего вблизи»: документальный музейный спектакль // Мир говорящих машин. – URL: <https://vinyl27.com/slyshudalnegovblizi> (дата обращения: 18.05.2026). – Текст: электронный.

REFERENCES

1. Zavalishin A.Yu., Kostyurina N.Yu. Layk kak zhest: kul'turnaya antropologiya literaturnogo feyka v tsifrovoy srede [Like as a gesture: cultural anthropology of a literary fake in the digital environment]. Uchenye zapiski Kom-somol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Nauki o cheloveke, obshchestve i kul'ture [Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. Sciences of Man, Society and Culture], 2026, no. IV(92), pp. 14-21. (In Russian)
2. Kardapoltseva V.N., Kryazhevskikh M.Yu., Pal'chik M.A. Muzey i teatr: ot exposition dramaturgy k site-specific [Museum and theatre: from exposition dramaturgy to site-specific]. Dergachevskie chteniya – 2018. Literatura regionov v svete geo- i etnopoetiki: materialy XIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Dergachev Readings

- 2018. Literature of Regions in the Light of Geo- and Ethnopoetics: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific Conference]. Yekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 419-426. (In Russian)
3. Kil'dyusheva A.A. Emotsional'naya pereorientatsiya muzeya v XXI veke: faktory izmeneniy [Emotional reorientation of the museum in the 21st century: factors of change]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2026, no. 1, pp. 52-61. (In Russian)
4. Kulyamzina S.V. Muzeynyj spektakl' kak forma kul'turnogo vzaimodeystviya s posetitelem [Museum performance as a form of cultural interaction with the visitor]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education], 2009, no. 5, pp. 114-118. (In Russian)
5. Maleev V.S. Muзей i teatr na puti k edinstvu: poisk sinteticheskikh form [Museum and theatre on the way to unity: search for synthetic forms]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2018, no. 4(84), pp. 129-136. (In Russian)
6. Maleev V.S. Spektakl' kak forma muzeynogo povestvovaniya v kontekste sokhraneniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Performance as a form of museum narration in the context of preserving intangible cultural heritage]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2020, no. 52, pp. 166-173. (In Russian)
7. Turaeva N.S. Teatral'no-muzeynye kommunikatsii v sovremennoy kul'ture: integrativnost' i sintez [Theatre-museum communications in contemporary culture: integrativity and synthesis]. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: Philosophy, History, Culture], 2025, no. 3, pp. 235-244. (In Russian)
8. Fedorov N.F. Muзей, ego smysl i naznachenie [The museum, its meaning and purpose]. In: Sobranie sochineniy v 4 tomakh [Collected Works in 4 Volumes]. Vol. 2. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 370-437. (In Russian)
9. Shchepetkova I.A. Teatralizatsiya muzeynogo prostranstva kak forma vzaimodeystviya s posetiteliymi [Theatricalization of museum space as a form of interaction with visitors]. Kand. Diss. St. Petersburg, 2006. 23 p. (In Russian)
10. Hudson K. A Social History of Museums: What the visitors thought. London, 1975. 210 p.
11. Hooper-Greenhill E. Museum, Media, Message. London; New York, Routledge, 1999. XVI, 299 p.
12. Nominatsiya «Muзей – detyam»: Kto raskachivaet derevya? (audioekskursiya-spektakl') [Nomination "Museum – for Children": Who rocks the trees? (audio excursion-performance)]. Gosudarstvennyy muzey istorii religii [State Museum of the History of Religion]. Available at: (accessed 18 May 2026). (In Russian)
13. Opredeleny finalisty pervoy Natsional'noy premii v oblasti muzeynogo dela imeni D.S. Likhacheva [Finalists of the first National Award in the field of museum affairs named after D.S. Likhachev determined]. Ministerstvo kul'tury Rossiyskoy Federatsii [Ministry of Culture of the Russian Federation]. Available at: (accessed 18 May 2026). (In Russian)
14. Pobediteli konkursa «Muзей 4.0» blagotvoritel'noy programmy «Muзей bez granits» [Winners of the "Museum 4.0" competition of the charitable program "Museum without Borders"]. Blagotvoritel'nyy fond V. Potanina [V. Potanin Charitable Foundation]. Available at: (accessed 18 May 2026). (In Russian)
15. Sintez zhanra i form: aktual'nye proekty [Synthesis of genre and forms: current projects]. The Art Newspaper Russia, no. 137. Available at: (accessed 18 May 2026). (In Russian)
16. «Slyshu dal'nego vblizi»: dokumental'nyy muzeynyj spektakl' ["I hear the distant from nearby": a documentary museum performance]. Mir govoryashchikh mashin [World of Talking Machines]. Available at: (accessed 18 May 2026). (In Russian)

Камедина Л. В.
L. V. Kamedina

УКРЕПЛЕНИЕ ОСНОВ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ И СТЕРЕОТИПЫ ЕЁ ВОСПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

STRENGTHENING THE FOUNDATIONS OF ORTHODOX CULTURE AND STEREOTYPES OF ITS PERCEPTION IN MODERN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Людмила Васильевна Камедина – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры литературы Забайкальского государственного университета (Россия, Чита); тел. 8(924)382-42-27. E-mail: kamedinal@mail.ru.

Lyudmila V. Kamedina – Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor, Trans-Baikal State University (Russia, Chita); tel. 8(924)382-42-27. E-mail: kamedinal@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме исследования, которая подсказана не только противоречиями, обусловленными существованием в обществе разнообразных, иногда противоположных культур, их языка, ценностей и смыслов, но и противоречиями между содержанием правительственных указов о духовных (православных) культурных ценностях и стереотипами их восприятия или неприятия в обществе. Реципиентами, получающими информацию, выбраны студенты, педагоги, родители. Культурная коммуникация между признающими и категорически возражающими против внедрения основ православной культуры в школы и вузы не осуществляется или затруднена, потому что мешают стереотипы. Цель исследования состоит в выявлении противоречий между указами Президента РФ об укреплении духовных ценностей и стереотипами их восприятия как чуждых в межкультурной коммуникации российских граждан. Методологией исследования выбраны сравнительно-исторический, культурологический, семиотический, теоаксиологический подходы для выявления исторической составляющей в формировании стереотипов, для наблюдения за стереотипами в среде студентов, педагогов, родителей, для поиска ключевых слов, понятных современным слушателям, раскодировки знаков, символов, метафор православной культуры с целью разрушения стереотипов её восприятия, для постановки основ православной культуры в ценностную составляющую традиционной русской культуры с её библеизмом. Эмпирическим материалом послужили наблюдения за студентами, педагогами, родителями на занятиях, во время проведения краевых родительских собраний по выбору «Основ православной культуры», курсов повышения квалификации педагогов, а также курсов дополнительного образования и культурологических экскурсий для широкого круга слушателей. Выявлено, что духовное образование может разрушить устоявшиеся стереотипы и способствовать установлению межкультурной коммуникации внутри единого сообщества российских граждан.

Summary. The article addresses a topical research subject prompted by contradictions arising not only from the coexistence within society of diverse – and sometimes opposing – cultures, languages, values, and meanings, but also from the conflict between the content of government decrees regarding spiritual (Orthodox) cultural values and the stereotypes surrounding their perception or rejection by society. The target audience for this information consists of students, educators, and parents. Cultural communication between those who support the introduction of the foundations of Orthodox culture in schools and universities and those who categorically oppose it is either absent or hindered by stereotypes. The study aims to identify the contradictions between Presidential decrees on strengthening spiritual values and the stereotypes – prevalent in the intercultural communication of Russian citizens – that perceive these values as alien. The research methodology employs comparative-historical, culturological, semiotic, and theo-axiological approaches to identify the historical component in the formation of stereotypes; to observe stereotypes among students, educators, and parents; to identify keywords accessible to contemporary audiences and to decode the signs, symbols, and metaphors of Orthodox culture with the aim of dismantling stereotypes regarding its perception; and to integrate the foundations of Orthodox culture into the value system of traditional Russian culture, with its inherent biblical orientation. The empirical material was derived from observations of students, educators, and parents during classes, regional parent meetings regarding the selection of the «Fundamentals of Orthodox Culture» course, professional development programs for teachers, as well as supplementary education courses and cultural excursions designed for a broad audience. It has been found that spiritual education can dismantle entrenched stereotypes and foster intercultural communication within the unified community of Russian citizens.

Ключевые слова: государственные документы, основы православной культуры, стереотипы, трудности коммуникации, духовное образование.

Key words: state documents, fundamentals of Orthodox culture, stereotypes, communication challenges, spiritual education.

УДК 378

Актуальность темы исследования подсказана авторскими наблюдениями за восприятием студентами, педагогами и родителями курса лекций по основам православной культуры, которая оказывается чуждой и чужой для большинства слушателей. Мешают же восприятию традиционной русской культуры стереотипы, вбитые советской идеологией нескольким поколениям граждан СССР и России. Слушатели противятся содержанию православной культуры со всем её духовным, историческим, эстетическим, культурным, воспитательным наполнением. Слушателям кажется, что лектор вовлекает их в религиозную секту, в церковь, а они «знают», что «религия – это опиум для народа». Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей в российском обществе началось с 2012 г. и осуществляется до сих пор указами Президента РФ, распоряжениями Правительства и письмами Министерства образования и науки РФ, а также заявлением министра образования и науки В. Н. Фалькова о введении с 2026 г. во все вузы РФ новых четырёх дисциплин социально-гуманитарного цикла, «которые будут изучаться независимо от будущей профессии, всеми без исключения студентами, независимо от формы и уровня обучения», – это «История России», «Философия», «Основы российской государственности» и «Русский язык» [25; 24; 21; 20; 3]. Организовано множество курсов дополнительного образования и переподготовки, в том числе по «Основам православной культуры», как в вузах, так и онлайн. Дополнительными ресурсами по укреплению ценностной составляющей православной культуры являются Всероссийские образовательно-педагогические конкурсы по продвижению педагогов, работающих в области духовно-нравственного воспитания молодёжи, например, Всероссийский конкурс «За нравственный подвиг учителя» (Москва), «Серафимовский учитель» (Нижний Новгород/Дивеево). В последние десятилетия учёные выступают со своими исследованиями в области библеизма, которым пронизана православная культура. Конференции разного уровня – от Международных до региональных и внутривузовских – с участием Русской православной церкви проводятся во многих городах России. Например, в Сибири и на Дальнем Востоке учреждены Иннокентиевские чтения в честь святого и учёного Иннокентия Московского (Иркутск, Чита, Улан-Удэ, Владивосток, Благовещенск), в Новгороде – Никитские чтения в честь св. Никиты Новгородского, в Воронеже – Международная конференция «Православный учёный в современном мире».

«Основы православной культуры» – это не только школьный предмет, это духовные знания о вселенской истории, о событиях мирового масштаба, об образах вселенских и русских святых, повлиявших на ход событий в мире и в Руси/России, это рассказы о расселении народов, о появлении языков, о Вселенском Потопе, о войнах древних народов за сферы влияния и за земли, о строительстве великих империй, об утверждении христианства в мире как величайшей религии, явившей народам богатейшую культуру через книги, храмы, живопись, музыку. Православная культура поведает о святых Византийской империи и Святой Руси, о выдающихся полководцах и воинах святых Александре Невском, Димитрии Донском, Фёдоре Ушакове, о подвижниках Георгии Победоносце, Сергии Радонежском, Серафиме Саровском, Митрофане Воронежском, внёсших огромную лепту и смысл в мировое и национальное жизнеустройство, продвинувших человечество к путям духовной Истины. Основы православной культуры – это храмы, наполненные изысканной эстетикой образов, красок, линий, жестов; это звуки старинных знаменных распевов; это благоухания камеди, смол, трав и цветов; это язык древних молитв, Евангелия, библейских притч, псалмов, житий святых.

Язык православной культуры пронизан библеизмами, которые вспоминаются современным человеком, пришедшим в храм, и часто отторгаются человеком, никогда в храм не заходившим, по причине стереотипного сознания, в котором «религия – опиум для народа». Библеизмами занимаются такие учёные, как В. Н. Мокиенко, Г. А. Лилич, Л. М. Грановская, В. И. Супрун, Н. М. Шанский; они рассматривают библеизмы как библейские идиомы историко-культурного плана и ми-

ровоззрения (Мокиенко, Лилич), как дидактическую ценность, раскрывающую трактовку библейских тем, фразеологизмов, знаков и символов Библии в художественных текстах (Супрун, Шанский), как поле библейских знаков, символов, кодов, требующих соответствующей интерпретации, комментирования в богатейшей мировой литературе (Грановская, Шанский, Мокиенко) [16; 14; 23; 26; 5; 26; 16]. Библеизмы сохраняют культурный слой древнего русского языка. Исследователи, работающие с библеизмами, подчёркивают особую их роль в формировании и сохранении русской национальной идентичности, русской культурной традиции, культурного сознания, духовной преемственности, обеспечивающей связь поколений. Через библеизмы происходит эволюция ключевых культурных концептов и наращивание культурных смыслов. В русскую культурную традицию они попадали через церковнославянский язык богослужений, чтения Священного текста и уходили в народную речь. Через библейские образы, выражения, аллюзии, имена прослеживаются традиционные представления русского народа о добре и зле, правде, милосердии, грехе и раскаянии, сформированные тысячелетней православной культурой, причастность к которой одухотворяет человека, делает его добрее, дружелюбнее, коммуникативнее и, конечно же, разрушает стереотипы её восприятия.

В церковной традиции под библеизмами понимаются не только библейские выражения и слова, но также сюжеты, вероучительные истины, образы, в которых появляется дополнительный смысловой слой христианских идей, а также культурные ценности храмовой архитектуры, иконописи, знаменных распевов, лицевого шитья, духовных текстов, праздников, ремёсел, которые формируют фундамент национальной культуры, воспитывают эстетический вкус. Богословы используют термин «библеизм» в качестве методологического подхода, опирающегося на Священное Писание так же, как в советское время использовали термины «марксизм», «ленинизм» как методологический подход к любым исследованиям. Так, в Русской православной церкви Св. Филарета (Дроздова) называют основателем русской библеистики; церковного писателя А. В. Карташёва представляют как основателя научной библеистики; церковного историка В. А. Болотова записывают как выдающегося русского библеиста – все они в своих монументальных работах используют библеизм как методологию к исследованию догматического, нравственного богословия, истории, культуры.

Президент РФ понимает значение православия для русского народа, который заявлен в Конституции РФ как «государствообразующий народ», а русский язык как «государственный язык Российской Федерации на всей её территории... как язык государствообразующего народа», и в указах Президента православие значится как религия народа России, которой принадлежит «особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей» [7; 24].

Вместе с тем следует заметить, что прошло четыре десятилетия после развала идеологического и атеистического Советского Союза, полным ходом идёт процесс восстановления института Церкви, телевидение и интернет изобилуют картинками праздничных служб, на которых Президент РФ стоит в храме и молится, а огромное количество людей продолжает жить стереотипами в своих отношениях к православному храму, его содержанию, культуре, языку богослужения и к тем, кто осваивает и защищает основы православной культуры.

Прошло более ста лет, как сформировались советские религиозные стереотипы, но разрушить их не удаётся до сих пор. Современная межкультурная коммуникация требует других отношений к православию и его атрибутике. Однако ни указы Президента, ни введение в школьный курс предметов «Основы религиозных культур и светской этики» и «Духовно-нравственная культура России», ни внедрение духовно-нравственного воспитания в школы и вузы, ни курсы повышения квалификации и переподготовки педагогов по указанным предметам, ни многочисленные онлайн-курсы в интернете по «Основам православной культуры для экскурсоводов» или «Основам экскурсионно-паломнической деятельности», ни простое человеческое общение не влияют на стереотипы восприятия основ православной культуры в российском обществе. Президент РФ говорит о том, что «сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотическое воспитание граждан будут способствовать дальнейшему развитию демократического устройства Российской Федерации и её открытости миру» [25];

указывает на традиционные ценности и в частности на «приоритет духовного над материальным», «милосердие», «справедливость», «взаимопомощь и взаимоуважение», «историческую память и преемственность поколений» [24]; подчёркивает, что «формирование у обучающихся основ традиционных российских духовно-нравственных ценностей посредством изучения жизненного пути отечественных государственных и общественных деятелей, выдающихся представителей нашей культуры, учёных, военных», а также «подвижников и миссионеров в традиционных религиях России» – это приоритетная задача в воспитании молодёжи [20]. В рамках исследования об устойчивых стереотипах восприятия основ православной культуры следует обратить внимание на слова президента о «духовных ценностях», о «приоритете духовного над материальным», об изучении жизни выдающихся деятелей России, в том числе «церковных подвижников и миссионеров». Прописано и то, что «преподавание ДНК России будет осуществляться учителями истории, для которых организованы соответствующие курсы повышения квалификации, возможности прохождения профессиональной переподготовки с участием профессорско-преподавательского состава религиозных образовательных организаций» [20]. Замечено, что проблемы, связанные с религиозными стереотипами, больше всего относятся к учителям истории. Стереотипы формировались на протяжении десятилетий, стали шаблоном, лозунгом, мировоззрением и поведением. От религиозного стереотипа почти невозможно избавиться, если не погрузиться систематически и серьёзно в духовное образование.

Стереотипы изучаются давно. Так, в исследованиях У. Липпмана впервые встречается термин «стереотип», который он относит к упрощённому представлению модели мира и который не вытекает из собственного опыта, а черпается чаще всего из средств массовой информации, это некий образец восприятия, ярлык, чаще всего ложный [15]. Американские психологи Д. Катц и П. Брейли рассматривают стереотипы как потребности в манипуляции сознанием масс, как недоверное суждение [30]. Исследованием стереотипов занимается П. Н. Шихирев [27]. Он рассматривает стереотип через идеологию «духовной деятельности» как социальный повторяемый шаблон. Словарь Е. С. Кубряковой соотносит стереотипы со «стандартным мнением» носителей культуры, с упрощённым представлением о предмете, явлении [8]. Религиозными стереотипами занимаются В. Ю. Шмелев, С. А. Саженова, считая их «неотъемлемым элементом любой культуры», в том числе христианской, а мировоззренческие стереотипы они считают наиболее устойчивыми [28]. Все учёные пишут о том, что от стереотипов очень сложно избавиться, потому что они основаны на предрассудках, легко усваиваются, их язык прост и понятен. Как правило, стереотип влияет на поведение человека, который порой ведёт себя агрессивно и нетерпимо в межличностных и межгрупповых коммуникациях. Стереотипы осложняют восприятие иной культуры, иного поведения, иного языка общения.

Религиозные стереотипы актуализировались в сознании не только в связи с преподаванием «Основ православной культуры» (ОПК) в школе, которую должны выбирать или не выбирать родители для своего ребёнка, родители, оторванные от национальных и религиозных корней, воспринимающие негативно, а порой и агрессивно упоминание о православном храме, его духовной и культурной наполняемости. Как показывает многолетний авторский опыт участия в родительских собраниях по выбору ОПК, родители не знают ни соответствующих указов президента, ни его заявлений о «приоритете духовного над материальным», ни о «преимущество православия над другими религиями» [24]. Религиозные стереотипы складывались в марксистско-ленинской идеологии для советских людей в первые годы советской власти. Стереотипы как лозунги, тезисы для заучивания пронизывали все советские учебники, научные и публицистические работы, газеты, журналы. Все советские люди знали, что «религия – опиум для народа», «бытие определяет сознание», «религия – средство для одурманивания масс», «религия делает человека рабом», «верующие – это тёмные необразованные люди», «в церкви одни мракобесы», «не Бог создал человека, а человек создал Бога», «в церкви много противоречий и мало радостей», «страх создал богов» и т. д. Подобные стереотипы специально создавались идеологами утопии «светлого будущего без попов». В своих многочисленных работах В. И. Ленин с опорой на материалистов и атеистов Л. Фейербаха, К. Маркса, Ф. Энгельса раскрывал «грубую поповскую религию», «кокотничанье с боженькой» и подвергал критике

«омерзительную поповщину» [9; 10; 11; 12; 13; 19]. Советские люди за 70 лет советской власти легко усвоили ленинские тезисы, лозунги, идеологические шаблоны о религии. Они перестали посещать православные храмы, молодёжь воспитывалась на выработанных стереотипах.

В современном культурном пространстве стереотипы мешают межкультурной коммуникации. Внутри государства сосуществует множество культур, однако самой враждебной для большинства оказывается именно православная культура со всей её атрибутикой. В ход рассуждений сразу вступают стереотипы, и межкультурная коммуникация внутри одного сообщества российских граждан становится невозможной. Родительские собрания по выбору ОПК часто превращаются в недоброжелательный диалог, агрессивные выпады и категорические протесты. Родители часто спрашивают и сами же отвечают: «Это о чём, о Боге? Тогда нам это не надо». Автору статьи ежегодно приходится посещать и школьные, и краевые родительские собрания по выбору ОПК, разъяснять роль православной культуры в формировании русской государственности, подбирать ключевые слова, которые бы не противоречили взглядам атеистов, язычников, представителей иных культур. Например, все слышали выражения «Андреевский флаг», «Орден святого апостола Андрея Первозванного», но мало кто знает происхождение этих наименований. Приходится рассказывать о государственной символике, связанной с апостолом Андреем, первым призванным ко Христу, и посещением им Древней Руси; о белом полотнище морского флага с голубыми лентами в виде крестов, на котором был распят святой Андрей, а заодно упоминается и о забытой традиции перевязывать белую пелёнку младенцев-мальчиков голубыми лентами крестообразно в честь святого апостола Андрея Первозванного; и, конечно же, обязательно со ссылкой на первую русскую летопись XI в. «Повесть временных лет» киевского монаха святого Нестора Летописца, где и повествуется об этом [18, 27]. Иногда подобные рассказы с притчами, библеизмами, знакомыми символами и их бытовым разъяснением оказывают существенное воздействие на слушателей, будь то родители или ученики, и культурная коммуникация освоения основ православной культуры устанавливается. Но чаще всего выбор родителями предмета «Основ религиозных культур и светской этики» остаётся за «светской этикой», иногда до 80 %. Исследователи О. С. Наумова и Е. В. Дробная проводят анализ родительских собраний по выбору ОПК в Забайкальском крае и анализ курсов переподготовки учителей ОПК и выявляют, что выбор «Основ православной культуры» составляет в последнее время около 22 % [17]. Причину они видят в том числе и в стереотипах в головах как родителей, так и педагогов, которые преподают ОПК. Педагоги на курсах переподготовки, по их замечанию, неправильно отвечают или не могут ответить на вопрос: «Что такое духовно-нравственное воспитание»? Не могут раскрыть понятие «духовность». Все рассуждения сводят к общему словословию о патриотизме, морали, гражданственности, ответственности. Наумова и Дробная отмечают, что 75 % педагогов не разделяют понятия «духовность» и «нравственность» [17]. Таких исследований по стране в целом делается очень много, и они показывают приблизительно одинаковую картину. Это говорит о том, что все указы Президента о духовно-нравственном воспитании на местах не работают. Проблема представляется в отсутствии грамотных, духовно образованных педагогов и живучести религиозных идеологических стереотипов, которые, как колья, сидят в головах граждан РФ.

Межкультурная коммуникация как предмет культурологии, психологии, лингвистики своим объектом называет сам процесс коммуникации культур, а предметом – диалоги участников межкультурной коммуникации, которые могут быть разные: и с пониманием, и с агрессией. К. Д. Ворожко пишет: «Стереотипы так настойчиво транслируются в процессе социализации, что зачастую воспринимаются как некий факт, объективно существующая реальность» [2]. Хотелось бы сослаться на статью Т. А. Борзовой и О. А. Ворониной, которые пишут о культурном шоке у китайских студентов при столкновении с «новой культурной средой» в России, когда культурный шок становится не просто «педагогической проблемой, а культурологическим феноменом», «столкновением мировоззренческих основ», когда всё оценивается с позиций собственной «культурной матрицы» и заканчивается культурным стрессом [1, 5]. Точно так же происходит при столкновении убеждённых атеистов с основами православной культуры, точно так же они испытывают культурный шок от узнавания культурного кода православия, заложенного в его символах,

знаках, смыслах, мировоззренческой матрице предков, так же убеждённые «марксисты» испытывают культурный стресс перед открывшейся им глубинной культурой русского народа. Уже давно нет государства Советский Союз, нет государственной идеологии, нет запрета на вероисповедание и посещение храмов, а стереотипы остаются. Вузовскому педагогу и на собраниях по выбору ОПК, и на курсах повышения квалификации учителей ОПК, и на культурологических экскурсиях по храмам для родителей и педагогов приходится раскрывать гносеоцентрическое значение храма, эстетику символов, метафор, цветописи, иконичности жестов, шарообразного космоса, гносеологию и метафизику чисел, смысл жизни во Вселенной. Такие рассказы заставляют и старшее, и молодое поколение задуматься, открыть для себя новый мир и войти в культурную коммуникацию с представителями «иной» культуры через храм и его образы. Духовное образование способствует разрушению стереотипов. Исследователи культурного шока предлагают новые технологии обучения через предмет «межкультурной коммуникации», через «диалог культурных кодов», через проведение культурологических экскурсий для погружения в иную культуру для того, чтобы убрать «культурный барьер» и обогатить ресурс общения [1, 10; 29]. Духовное образование способствует снятию агрессивности и неприятия в межкультурной коммуникации. Носитель стереотипов перестаёт быть обывателем, «диванным критиком», «шаблонным интеллектуалом». Он начинает задумываться об «иной», незнакомой для него культуре. Ни средства массовой информации, ни учёные из телевизора не могут так воздействовать на стереотипы, как личное приобщение к миру и культуре православного храма. Сам увидел, сам услышал и теперь поверил или стал сомневаться в ложных представлениях, навязанных через стереотипы. Критический подход к стереотипу тоже будет способствовать межкультурной коммуникации освоения православной культуры.

Писатель, богослов и священник Владимир Соколов, рассуждая о взаимосвязи православия и культуры, отвергает мнение, что культура развивается по собственным законам, не зависящим от религии, и подчёркивает, что культура – это душевная сфера, которая питается из высшей сферы – сферы духа, и «разрыв религиозной практики и культуры есть основная причина бед, постигших человечество, и самый существенный признак многих стереотипов в культуре, а чтобы преодолеть стереотипный взгляд, необходимо всякий раз восстанавливать эту связь» [22, 20]. Разрушение стереотипов, по мнению Соколова, «является необходимым элементом духовной жизни, неизбежной частью пути к Истине, а если человек не способен к разрушению собственных стереотипов мышления, то он начинает саморазрушаться и разрушать всё вокруг себя»; стереотипы неизбежно приведут к катастрофе, «поэтому стереотипы не так безобидны, как кажутся на первый взгляд» [22, 21]. Борьбу со стереотипами писатель и богослов называет «темой выживания человечества» [22, 21].

Заключение и практическая значимость результатов исследования. На Всероссийской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и актуальные вопросы духовно-нравственного просвещения», состоявшейся в сентябре 2025 г. в Нижнем Новгороде/Дивеево в рамках Всероссийского конкурса «Серафимовский учитель», было заявлено, что разрушению стереотипов и положительному восприятию основ православной культуры может способствовать только погружение в духовное образование библеизмом в широком смысле этого слова. Такое образование, по мнению педагогов и священников, должно быть повсеместным в школах и вузах. Как, например, в советское время все школьные и вузовские курсы были пронизаны идеологией предметов «История КПСС», «Политическая экономия», «Марксистско-ленинская философия», «Научный коммунизм», так и сейчас для разрушения религиозных идеологических стереотипов необходимо пронизать образование библеизмом в притчах, смыслах живописи, музыки, в заповедях Декалога и многом другом, духовном и общечеловеческом, необходимом в межкультурной коммуникации для собирания народа. Через духовное образование можно навести мосты между «враждующими» гражданами одной страны – к такому мнению пришли российские педагоги в Дивеево. В выступлениях и опубликованных материалах отмечалась продуктивность духовного образования, «воздействия на человеческие стереотипы» для попытки изменить или повлиять на мировоззрение слушателей курсами лекций, например, таким авторским лекторием, как «Смысловые коды русской жизни и сохранение национальной идентичности: на материале русской литера-

туры», пронизанным библеизмом [6]. Авторские программы и лекторий Л. В. Камединой предлагают старшим школьникам, учителям, вузовским педагогам, родителям и широкому кругу слушателей такие темы, как «Осьмерница грехов» в сказках А. Пушкина», «Вхождение греха в душу человеческую: алгоритм слов-знаков», «И образ мира в Слове явленный...», «Слово в структуре православных праздников», «Евангельская триада “свобода – творчество – любовь” в романе А. Пушкина “Евгений Онегин”», «“Мне отмщение, и аз воздам” в русской литературе», «Иконослово русской литературы», «Иконизм славянской азбуки и русского языка» и др. [6]. Духовное образование будет попыткой ответить на вопросы: «Что мешает пониманию православной культуры?» «Что люди видят “не так” в носителях православной культуры?» «Как развиваются стереотипы?» «Почему возникают коммуникативные барьеры и как превратить их в коммуникативные мосты?» [4, 8]. Духовное образование библеизмом могло бы стать дополнением к тем новым вузовским курсам, о которых заявляет Министр образования и науки В. Н. Фальков [3].

Таким образом, правительственные указы, рекомендации, письма направлены на укрепление основ православной культуры через духовное образование, через культурологические экскурсии в православный храм, что способствовало бы разрушению стереотипов и восстановлению межкультурной коммуникации «государствообразующего народа», приоритетом которого всегда было православие и его культура, и именно ей принадлежит «особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей» [7; 24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзова, Т. А. Преодоление культурного шока китайскими студентами-первокурсниками в процессе обучения дисциплине «межкультурной коммуникации» / Т. А. Борзова, О. А. Воронина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2026. – № II (90). – С. 4-11.
2. Ворожко, К. Д. Стереотип как социокультурный феномен в трудах отечественных и зарубежных исследователей / К. Д. Ворожко // Интерактивная наука. – 2016. – № 6. – С. 82-84. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-v-trudah-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-issledovateley> (дата обращения: 27.05.2026). – Текст: электронный.
3. Выступление В. Н. Фалькова на заседании Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка и языков народов России 02.06.2026 // Минобрнауки России. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/100703/> (дата обращения: 05.06.2026). – Текст: электронный.
4. Гетьманенко, Н. И. Восприятие русской культуры: прототипы и стереотипы / Н. И. Гетьманенко. – М.: Academia, 2010. – 256 с.
5. Грановская, Л. М. Библейские фразеологизмы. Опыт словаря / Л. М. Грановская // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 73-78; № 2. – С. 73-81; № 3. – С. 70; № 5. – С. 75-80.
6. Камедина, Л. В. Авторский курс лекций «Смысловые коды русской жизни и сохранение национальной идентичности: на материале русской литературы» / Л. В. Камедина // Сборник образовательных программ по духовно-нравственному развитию детей и молодёжи: материалы конкурса «Серафимовский учитель – 2025». – Вып. 14. – В 3 т. – Т. 1. – Нижний Новгород: АНО ПЦ Логос, 2025. – С. 44-51.
7. Конституция Российской Федерации. Статья 68 // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ealdef6e9f/ (дата обращения: 11.06.2026). – Текст: электронный.
8. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
9. Ленин, В. И. Социализм и религия / В. И. Ленин // ПСС в 55 т. – Т. 12. – М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1968. – С. 142-147.
10. Ленин, В. И. Под знаменем марксизма / В. И. Ленин // ПСС в 55 т. – Т. 45. – М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1970. – С. 23-33.
11. Ленин, В. И. Об отношении рабочей партии к религии / В. И. Ленин // ПСС в 55 т. – Т. 17. – М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1968. – С. 415-426.
12. Ленин, В. И. Классы и партии в их отношении к религии / В. И. Ленин // ПСС в 55 т. – Т. 17. – М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1968. – С. 433-438.
13. Ленин, В. И. Лев Толстой как зеркало русской революции / В. И. Ленин // ПСС в 55 т. – Т. 17. – М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1968. – С. 206-213.

14. Лилич, Г. А. Библизмы как отражение воззрений эпохи / Г. А. Лилич // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. – СПб.: Петрополис, 1995. – С. 106-113.
15. Липшман, У. Общественное мнение / У. Липшман. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
16. Мокиенко, В. М. Библизмы в современной русской речи. Как их правильно понимать и употреблять / В. М. Мокиенко. – М.; СПб.: Центрполиграф, Русская тройка-СПб., 2017. – 236 с.
17. Наумова, О. С. Анализ реализации духовно-нравственного воспитания в образовательной практике Забайкальского края / О. С. Наумова, Е. В. Дробная // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 487. – С. 155-167.
18. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. – М., Худож. лит-ра, 1978. – С. 23-277.
19. Письмо В. И. Ленина Горькому 1913 г., ноябрь // ПСС в 55 т. – Т. 48. – М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1970. – С. 226-229.
20. О введении учебного предмета «Духовно-нравственная культура России»: Письмо Министерства просвещения РФ от 18 марта 2026 г. № ОК-863/03 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413972387/> (дата обращения: 26.06.2026). – Текст: электронный.
21. Об утверждении плана мероприятий по введению с 2012/13 учебного года во всех субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики»: Распоряжение Правительства РФ от 28 января 2012 г. № 84-р // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-28012012-n-84-r/> (дата обращения: 26.06.2026). – Текст: электронный.
22. Соколов, В. Мистика или духовность? Ереси против христианства / В. Соколов. – М.: Даниловский благовестник, 2012. – 560 с.
23. Супрун, В. И. Библейский текст на занятиях в школе и в вузе / В. И. Супрун // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. – СПб.: Петрополис, 1995. – С. 159-165.
24. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ В. В. Путина от 09 ноября 2022 года № 809 // Президент России, 2026. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.06.2026). – Текст: электронный.
25. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // Президент России, 2026. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 26.06.2026). – Текст: электронный.
26. Шанский, Н. М. Евангельский текст и фразеология русского языка / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1995. – № 1. – С. 45-50; № 3. – С. 49-53; № 4. – С. 55-57; № 5. – С. 53-57; № 6. – С. 54-59.
27. Шихирев, П. Н. Исследования стереотипа в американской социальной науке / П. Н. Шихирев // Вопросы философии. – 1971. – № 5. – С. 169-175.
28. Шмелев, В. Ю. Диалектическая взаимозависимость христианских религиозных догматов и стереотипов / В. Ю. Шмелев, С. А. Саженова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 3. – С. 124-130.
29. Oberg, K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. – № 7. – P. 177-182.
30. Katz, D., Braly, K. W. Racial stereotypes of one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. P. 280-290.

REFERENCES

1. Borzova, T. A., Voronina, O. A. Overcoming cultural shock among first-year Chinese students during the «Intercultural Communication» course / T. A. Borzova, O. A. Voronina // Scholarly Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. Sciences of Man, Society, and Culture. – 2026. – No. II (90). – P. 4-11.
2. Vorozhko, K. D. The stereotype as a sociocultural phenomenon in the works of domestic and foreign researchers // cyberleninka.ru (Publication date: May 27, 2026). – Electronic text.
3. Address by V. N. Falkov at the meeting of the Council on the Implementation of State Policy regarding Support for the Russian Language and the Languages of the Peoples of Russia, June 2, 2026 // www.minobrnauki.gov.ru (access date: June 5, 2026). – Electronic text.
4. Getmanenko, N. I. Perception of Russian Culture: Prototypes and Stereotypes / N. I. Getmanenko – Moscow: Academia, 2010. – 256 p.
5. Granovskaya, L. M. Biblical Phraseologisms: A Dictionary Draft / L. M. Granovskaya // Russkaya Rech. – 1998. – No. 1. – Pp. 73-78; No. 2. Pp. 73-81; No. 3. P. 70; No. 5. Pp. 75-80.

6. Kamedina, L. V. Author's Lecture Course «Semantic Codes of Russian Life and the Preservation of National Identity: Based on Russian Literature» / L. V. Kamedina // Collection of Educational Programs on the Spiritual and Moral Development of Children and Youth: Materials of the 'Serafimovsky Teacher – 2025' Contest. – Issue 14. – In 3 vols. – Vol. 1. – Nizhny Novgorod: ANO PC Logos, 2025. – P. 44-51.
7. Constitution of the Russian Federation. Article 68 // docviewer.yandex.ru konstitutsiya-rossiyskoy-feder.pdf (accessed: 11.06.2026). – Electronic text.
8. Kubryakova, E. S. Concise Dictionary of Cognitive Terms / E. S. Kubryakova. – Moscow: Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1997. – 245 p.
9. Lenin, V. I. Socialism and Religion / V. I. Lenin // Collected Works in 55 vols. – Vol. 12. – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1968. – P. 142-147.
10. Lenin, V. I. Under the Banner of Marxism / V. I. Lenin // Ibid. – Vol. 45. – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1970. – P. 23-33.
11. Lenin, V. I. On the Attitude of the Workers' Party to Religion / V. I. Lenin // Ibid. – Vol. 17. – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1968. – P. 415-426.
12. Lenin, V. I. Classes and Parties in Their Attitude to Religion / V. I. Lenin // Ibid. – P. 433-438.
13. Lenin, V. I. Leo Tolstoy as the Mirror of the Russian Revolution / V. I. Lenin // Ibid. – P. 206-213.
14. Lilich, G. A. Biblicalisms as a Reflection of the Views of the Era / G. A. Lilich // The Bible and the Revival of the Spiritual Culture of the Russian and Other Slavic Peoples. – St. Petersburg: Petropolis, 1995. – P. 106-113.
15. Lippmann, W. Public Opinion / W. Lippmann. – Moscow: Public Opinion Foundation Institute, 2004. – 384 p.
16. Mokienko, V. M. Biblicalisms in Modern Russian Speech: How to Understand and Use Them Correctly / V. M. Mokienko. – Moscow; St. Petersburg: Tsentrpoligraf, Russkaya Troika-SPb., 2017. – 236 p.
17. Naumova, O. S., Drobnaya, E. V. Analysis of the Implementation of Spiritual and Moral Education in the Educational Practice of the Zabaykalsky Krai / O. S. Naumova, E. V. Drobnaya // Bulletin of Tomsk State University. – 2023. – No. 487. – P. 155-167.
18. Literary Monuments of Ancient Rus: 11th – Early 12th Centuries. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1978. – P. 23-277.
19. Letter from V. I. Lenin to Gorky (November 1913) // Ibid. – Vol. 48. – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1970. – P. 226-229.
20. Letter from the Ministry of Education of the Russian Federation dated March 18, 2026, No. OK-863/03 «On the Introduction of the Academic Subject 'Spiritual and Moral Culture of Russia» // www.garant.ru (Publication date: June 26, 2026). – Electronic text.
21. Directive of the Government of the Russian Federation No. 84-r dated January 28, 2012, «On Approving the Action Plan for Introducing the Comprehensive Educational Course 'Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics' in General Education Institutions Across All Constituent Entities of the Russian Federation Starting from the 2012/13 Academic Year» // legalacts.ru (Publication date: June 26, 2026). – Electronic text.
22. Sokolov, Vladimir (Priest). Mysticism or Spirituality Heresies Against Christianity. – M.: Danilovsky Blagovestnik, 2012. – 560 p.
23. Suprun, V. I. «The Biblical Text in School and University Classes». In: The Bible and the Revival of the Spiritual Culture of the Russian and Other Slavic Peoples. – St. Petersburg: Petropolis, 1995. – P. 159-165.
24. Decree of the President of the Russian Federation V. V. Putin No. 809 dated November 9, 2022, «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // www.kremlin.ru (Publication date: June 26, 2026). – Electronic text.
25. Decree of the President of the Russian Federation V. V. Putin No. 400 dated July 2, 2021, «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // www.kremlin.ru (Publication date: June 26, 2026). – Electronic text.
26. Shansky, N. M. The Gospel Text and Russian Phraseology / N. M. Shansky // Russian Language at School. – 1995. – No. 1. – P. 45-50; No. 3. P. 49-53; No. 4. P. 55-57; No. 5. P. 53-57; No. 6. P. 54-59.
27. Shikhirev, P. N. Research on Stereotypes in American Social Science / P. N. Shikhirev // Problems of Philosophy. – 1971. – No. 5. – P. 169-175.
28. Shmelev, V. Yu., Sazhenova, S. A. Dialectical Interdependence of Christian Religious Dogmas and Stereotypes / V. Yu. Shmelev, S. A. Sazhenova // Historical and Socio-Educational Thought. – 2011. – No. 3. – P. 124-130.
29. Oberg, K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. – No. 7. – P. 177-182.
30. Katz, D., Braly, K. W. Racial stereotypes of one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. P. 280-290.

Мусалитина Е. А.
E. A. Musalitina

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦВЕТОВОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

TRANSFORMATION OF CHINESE COLOR CULTURAL CODE IN THE CONTEXT OF ECOLOGICAL TURN

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: musalitina.ea@knastu.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Khabarovsk territory, Komsomolsk-na-Amure, 27 Lenin str. E-mail: musalitina.ea@knastu.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации культурного цветового кода Китая под влиянием экологического поворота и реализации государственной концепции «Прекрасный Китай». Рассматривается семантическая эволюция традиционных цветовых символов китайской культуры с особым переосмыслением зелёного цвета. Обосновывается вывод о том, что социокультурные трансформации влияют на актуализацию «зелёного» как символа развития здорового, экологичного общества.

Summary. The article is devoted to the study of China's cultural color code transformation under the influence of ecological turn and realization of state concept «Beautiful China». Semantic evolution of traditional color symbols in Chinese culture is studied, with a special focus on reinterpretation of the green color. In conclusion it is stated that sociocultural transformations influence actualization of «green» as a symbol of development of a healthy, environmentally friendly society.

Ключевые слова: цветовой культурный код, семантическая трансформация, экологическая культура, экологический поворот, стратегия «Прекрасный Китай».

Key words: color cultural code, semantic transformation, environmental culture, ecological turn, «Beautiful China» strategy.

УДК 008+304.2

Одним из компонентов, формирующих культурный код страны и содержащих в себе ценностные установки культуры, является цвет. В китайской культуре он пронизывает все уровни национального менталитета – от фундаментальных философских учений до повседневных практик. Китайская цветовая символика на протяжении тысячелетий определяла выбор одежды, пищи, оформления жилища, характер проведения ритуальных практик, формируя таким образом цветовую картину мира китайского этноса. *Актуальность исследования* современного состояния цветового культурного кода Китая продиктована тем, что, будучи глубоко традиционным феноменом, цветовой культурный код претерпевает существенные изменения под воздействием социокультурных трансформаций. В последнее десятилетие одной из ключевых тенденций развития Китая становится «экологический бум», меняющий систему национальных приоритетов и ставящий задачи по обеспечению экологического благополучия в один ряд с достижениями экономического прогресса [5, 229]. Наряду с этим в условиях глобального экологического кризиса наблюдается «экологический поворот» в гуманитарных исследованиях, заключающийся в переосмыслении взаимодействия между человеком, природой и культурой [6, 47]. В результате традиционные цветовые коды культуры приобретают новые смыслы. В Китае, где экологическая эстетика имеет глубокие традиционные корни, а стратегическая государственная инициатива «Мэйли Чжунго – Пре-

красный Китай» демонстрирует повышенное внимание к проблемам формирования экологической культуры, анализ трансформации цветового кода приобретает особую научную значимость. Кроме того, исследование данной проблематики может быть полезно для понимания того, как цвет становится инструментом внедрения ценностей в сознание людей через привычную визуальную среду.

Степень изученности семиотических, аксиологических, философских оснований цветового кода китайской культуры достаточно высока. Современное состояние проблемы характеризуется, с одной стороны, активным развитием лингвокультурологических исследований семантики цвета в китайской языковой картине мира, а с другой стороны, появлением научных работ, посвящённых рассмотрению взаимосвязи традиционного китайского мировоззрения и экологической эстетики [3, 71; 11, 53]. Наряду с этим вопрос о том, как современная экологическая политика меняет систему культурных символов, остаётся без внимания. Поэтому отсутствие комплексного культурологического анализа трансформации цветовой символики под воздействием экологизации сознания представляет собой исследовательскую лакуну, требующую систематического изучения.

Цель настоящего исследования заключается в анализе трансформационных процессов в цветовом компоненте культурного кода Китая, обусловленных экологическим поворотом. Достижение исследовательской цели требует решения следующих *задач*: уточнить понятие «цветовой код»; установить семантику основных цветов в традиционной культуре Китая; выявить основные источники трансляции экологических ценностей в современной китайской культуре и их влияние на семантику цветообозначений.

Выбор *методологического аппарата* обусловлен спецификой культурологического подхода к изучаемому феномену. Автором было осуществлено *полевое наблюдение* за цветовыми решениями в городской среде Китая (анализ общественных пространств городской среды в 2024, 2025, 2026 гг.), что позволило зафиксировать уникальные примеры трансформации цветового кода; *культурно-семиотический анализ* для интерпретации цветообозначений как знаковых систем; *метод контент-анализа* для изучения визуальных и текстовых материалов современной китайской культуры; *сравнительно-сопоставительный метод* для соотнесения китайской традиционной цветовой картины мира с современными визуальными репрезентациями цвета. *Эмпирическую базу исследования* составил комплекс визуальных и текстовых источников, репрезентирующих цветовой культурный код современного Китая. Анализируемый материал может быть структурирован по следующим категориям: дизайн общественных пространств городской среды (г. Харбин, г. Далинь, г. Шанхай, г. Фуюань); текстовые материалы социальной рекламы и публичных экологических кампаний: флаеры, видеоролики, стенды, плакаты (84 источника).

Поскольку, как было установлено выше, поворот Китая к продвижению экологической культуры инициирует смысловую трансформацию традиционных культурных кодов, в том числе и цветовых, представляется необходимым уточнить понятийный аппарат. Таким образом, под «цветовым культурным кодом» в контексте культурологического исследования понимается исторически обусловленная и социально закреплённая система знаков, в которой цвет выступает в качестве «означающего», а закреплённые в нём смыслы и ценности – в качестве «означаемых» [8, 165]. Обращаясь к рассмотрению традиционного цветового кода, следует отметить, что красный цвет признаётся наиболее значимым среди цветовых символов Китая и выступает доминантой национального культурного кода в целом. Он реализуется на разных смысловых уровнях: социально-ритуальном, поскольку китайская праздничная культура неразрывно связана с красным; государственно-символическом, где цвет является атрибутом власти; космологическом, символизируя жизненную энергию в традиционной системе «У-син» [1, 130]. Ключевой характеристикой цветового кода является ассоциативная плотность, поскольку он функционирует на уровне бессознательного, накапливая религиозные, традиционные и культурные смыслы этноса [4, 159]. Так, согласно данным кросс-культурных исследований, в европейском сознании красный цвет выступает наиболее репрезентативным цветовым маркером Китая [13, 377; 7, 991; 10, 262].

Реализация государственной концепции «Мэйли Чжунго», направленной на развитие китайской нации через формирование экологической культуры, повлияла на трансформацию семантики традиционных цветовых кодов [9, 5961]. Особый интерес представляет изменение семантики

зелёного цвета. В традиционной цветовой системе он имел амбивалентное значение. С одной стороны, являясь элементом системы «У-син», символизировал рост, обновление, природную энергию, а с другой стороны, он имел социально негативную коннотацию, ассоциируясь с маргинальными слоями общества [2, 16]. Однако в условиях современного экологического поворота семантика «зелёного» кардинально трансформируется и становится главным цветовым кодом модернизации и обновления. Данные, полученные в ходе проведённого автором наблюдения за визуализацией семантики цвета в ландшафте китайских городов, позволяют констатировать, что зелёный цвет приобретает позитивную коннотацию, символизируя стремление нации к гармонии с природой. Трансформация семантики визуализируется на всех уровнях городского пространства:

1. *Сфера общественного сервиса* (торговые центры, гостиницы, рестораны). В архитектуре и дизайне зелёный цвет активно интегрируется в оформление общественных пространств, приобретая смысловую нагрузку, связанную со здоровым образом жизни. Примером может послужить уникальный архитектурный комплекс «1000 деревьев» в г. Шанхае, представляющий собой торгово-развлекательный центр, построенный в форме двух холмов, засаженных деревьями и другими растениями [12]. Внутренний дизайн здания оформлен в экологической тематике «Национального географического общества» и посвящён проблемам сохранения дикой природы. В 2025 г. в Даляне стартовал проект «Даляньская зелёная ресторанный культура и морской фестиваль», в рамках которого был составлен и опубликован каталог «зелёных» ресторанов. Наряду с этим в северных городах Харбине, Фуюане, которые вошли в поле нашего исследования, также фиксируется устойчивый тренд на формирование «зелёной» культуры как национальной. Вместе с тем красные оттенки в декоре присутствуют в оформлении небольших заведений общественного питания и в праздничном убранстве в период национальных торжеств.

2. *Социальная реклама и информационно-просветительские материалы* (флаеры, стенды, видеоролики в гостиницах, метро, других общественных пространствах). Значимым феноменом современной китайской культурной политики становится повсеместное внедрение экологического просвещения, которое выходит за рамки образовательных и медийных ресурсов и прочно входит в повседневные практики населения. Флаеры в форме листьев, цветов, капель воды с «зелёной» информацией предлагаются посетителям ресторанов и гостиниц. Материалы содержат призыв к рациональному использованию одноразовых палочек; в гостиничных номерах размещены памятки, информирующие о необходимости экономии водных ресурсов и призывающие к сознательному сотрудничеству в условиях развития «зелёной» культуры страны. Параллельно для иностранцев «зелёная» культура, подкреплённая повсеместными визуальными образами, создаёт устойчивую ассоциацию Китая не только с традиционным красным цветом, но и новым экологическим поворотом, в котором зелёный цвет выступает маркером национального курса на устойчивое развитие и формирование «Мэйли Чжунго – Прекрасного Китая».

Проведённое исследование позволяет заключить, что цветовой культурный код Китая с традиционным доминированием красного не является статичной системой. Он трансформируется под влиянием социокультурных изменений. Так, в условиях реализации государственной экологической стратегии зелёный цвет подвергается кардинальному семантическому переосмыслению, органично дополняя традиционную хроматическую систему и формируя новый многослойный культурный код. Визуальные проявления этого процесса в урбанистическом пространстве Китая свидетельствуют о глубоком проникновении экологических ценностей в повседневную культурную практику. Таким образом, под влиянием новой социокультурной политики происходит обогащение традиционного цветового культурного кода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардашова, Д. С. Символика красного цвета в китайской поэзии / Д. С. Ардашова // Молодёжь XXI века: образование, наука, инновации: материалы XI Всерос. студенческой науч.-практ. конференции с междунар. участием. В 4 частях, Новосибирск, 07-09 декабря 2022 года. Часть 4 / под ред. Е. С. Жуневой. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. – С. 129-130.
2. Байкова, Д. В. Символика цвета в китайской культуре / Д. В. Байкова // ДИСК-2021: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 22-26 ноября 2021 года. Ч. 3. – М.: Федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2021. – С. 13-18.

3. Ван, Б. Влияние цвета в декоративной живописи Китая с применением традиционной китайской символики / Б. Ван // Искусство и образование. – 2026. – № 5 (172). – С. 68-78.

4. Кадыркулова, У. К. Отражение национального менталитета через цветовой код культуры / У. К. Кадыркулова, П. Советова // Вестник Исык-Кульского университета. – 2022. – № 53. – С. 158-162.

5. Козловская, Г. В. Значение цвета в китайской культуре / Г. В. Козловская // Общественные и гуманитарные науки: материалы 84-й науч.-техн. конф. профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов (с международным участием), Минск, 03-14 февраля 2020 года / отв. за издание И. В. Войтов. – Минск: Белорусский государственный технологический университет, 2020. – С. 229-230.

6. Петрова, Е. В. Гуманитаризация экологии: история и методология / Е. В. Петрова // Гуманитарный вектор. – 2025. – Т. 20. – № 1. – С. 44-54.

7. Пэй, Х. Этнокультурные стереотипные представления русских о Китае на материале данных ассоциативного эксперимента / Х. Пэй, О. Н. Колышева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 977-993.

8. Симбирцева, Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 157-167.

9. Чжан, Г. Исследование концепции глобального экологического управления, подразумеваемой при построении «Прекрасный Китай» и «Чистый и красивый мир» / Г. Чжан // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13. – № 11-1 (99). – С. 5951-5964.

10. Чооду, А. Ч. Символы, отражающие национальный характер Китая / А. Ч. Чооду // Молодёжь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VI Всерос. студенческой науч.-практ. конф. с междунар. участием. В 2 частях, Новосибирск, 22-24 ноября 2017 года. Часть 2 / под ред. Н. Е. Лукьянова. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2017. – С. 261-263.

11. Шушарина, Г. А. Полипарадигмальность и трансдисциплинарность современной науки о культуре / Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № II (74). – С. 52-56.

12. Официальный сайт торгово-развлекательного комплекса «1000 деревьев» г. Шанхай: сайт. – URL: <http://www.1000trees.com.cn/> (дата обращения: 25.08.2026). – Текст: электронный.

13. Li, Z. Shaping China's image through social media / Z. Li // Bulletin of Chinese Academy of Sciences. – 2025. – No. 3. – P. 375-379.

REFERENCES

1. Kozlovskaya G. V. The meaning of color in Chinese culture. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki : Materialy 84-y nauch.-tekhn. konferentsii professorsko-prepodavatelskogo sostava, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov (s mezhdunarodnym uchastiyem) [Social and humanitarian sciences: Materials of the 84th Scientific and Technical Conference. Conferences of faculty, researchers and postgraduates (with international participation)], Minsk, Belarusian State Technological University Publ., 2020. P. 229-230. (In Russian).

2. Petrova Ye. V. Humanization of Ecology: History and Methodology. Gumanitarnyy vector [Humanitarian vector], 2025, Vol. 20, no. 1, p. 44-54. – DOI 10.21209/1996-7853-2025-20-1-44-54. (In Russian).

3. Van B. The Influence of Color in Chinese Decorative Painting with the Use of Traditional Chinese Symbolism. Iskusstvo i obrazovaniye [Art and Education], 2026, no. 5(172), p. 68-78. (In Russian).

4. Shusharina G. A. Multiparadigmatic nature and transdisciplinarity of modern cultural studies. Uchenyye zapiski Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Scientific Notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University], 2024, no. 2(74), p. 52-56. (In Russian).

5. Simbirtseva N. A. The Code of Culture as a Cultural Studies Category. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye [Knowledge. Understanding. Skill], 2016, no.1, p. 157-167. (In Russian).

6. Ardashova D. S. The symbolism of the color red in Chinese poetry. Molodezh XXI veka: obrazovaniye, nauka, innovatsii : Materialy XI Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. V 4-kh chastyakh [Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovation: Proceedings of the 11th All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation. In 4 parts.], Novosibirsk, December 07-09, 2022. Novosibirskiy state pedagogical university, 2023, p. 129-130. (In Russian).

7. Kadyrkulova U. K., Sovetova P. Reflection of the national mentality through the color code of culture. Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta [Bulletin of Issyk-Kul University], 2022, no. 53, p. 158-162. (In Russian).

8. Li Z. Shaping China's image through social media, Bulletin of Chinese Academy of Sciences, 2025, p. 375-379.

9. Pey Kh., Kolysheva O. N. Ethnocultural stereotypical perceptions of Russians about China based on data from an associative experiment. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics.], 2025, Vol. 16, no. 3, p. 977-993. (In Russian).
10. Choodu A. Symbols Reflecting the National Character of China. Molodezh XXI veka: obrazovaniye, nauka, innovatsii: Materialy VI Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. V 2-kh chastyakh [Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovation: Proceedings of the 6th All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation. In 2 parts], Novosibirsk, Novosibirsk. Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2017, p. 261-263. (In Russian).
11. Chzhan G. Study of the Concept of Global Environmental Governance Implied in the Construction of «Beautiful China» and «Clean and Beautiful World». Voprosy politologii [Political Science Issues], 2023, Vol. 13, no. 11-1(99), p. 5951-5964. – DOI 10.35775/PSI.2023.99-1.11-1.032. (In Russian).
12. Baykova D. V. Symbolism of color in Chinese culture. DISK-2021: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [DISK-2021: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference], Moscow, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University named after A. N. Kosygin» (Technologies. Design. Art), 2021, Vol. 3, p.13-22. (In Russian).
13. Ofitsialnyy sayt trgovno-razvlekatelnogo kompleksa «1000 derevyev» g. Shankhay (The official website of the shopping and entertainment complex «1000 Trees» in Shanghai), Available at: <http://www.1000trees.com.cn/> (accessed 25.08. 2026).

Покровская-Бугаева Е. В.
Ye. V. Pokrovskaya-Bugayeva

ВИРТУАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: СООТНОШЕНИЕ РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО

VIRTUAL TOURISM AS A PHENOMENON OF DIGITAL CULTURE. THE CORRELATION BETWEEN THE REAL AND THE VIRTUAL: NEW OPPORTUNITIES IN THE CULTURE OF TOURISM

Покровская-Бугаева Екатерина Владимировна – аспирант, старший преподаватель кафедры «Лингвистические образовательные технологии, туризм и сервис» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. 8(4212)40-73-94. E-mail: bugaeva_ev80@mail.ru.

Yekaterina V. Pokrovskaya-Bugayeva – Postgraduate Student, Senior Lecturer, Department of Linguistic Educational Technologies, Tourism and Service, Far Eastern State University of Railway Transport (Russia, Khabarovsk); tel. 8(4212)40-73-94. E-mail: bugaeva_ev80@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу виртуального туризма как сравнительно нового и недостаточно изученного в культурологической науке феномена цифровой культуры. В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни традиционные культурные практики путешествий претерпевают существенные трансформации, что требует их теоретического осмысления с позиций культурологии, а не только экономики или технологического менеджмента. Задачей исследования является анализ взаимодействия реального и виртуального в современных туристских практиках, что позволяет обосновать новые возможности, открывающиеся перед культурой туризма в контексте цифровых трансформаций. В работе предлагается культурологическая интерпретация виртуального туризма, рассматриваемая в исторической перспективе – от архаичных форм воображаемых путешествий, представленных в мифологических нарративах и литературных травелогах, до современных цифровых симулякров. В статье обосновывается, что виртуальный туризм представляет собой не угрозу традиционным формам путешествий, а их закономерное развитие в условиях цифровой культуры. Его ценность заключается в способности раскрывать новые грани культурного наследия и делать его доступным для более широкой аудитории. Турмаршрут, понимаемый как микромодель культуры, в цифровую эпоху получает новые возможности для реализации при условии ответственного и сбалансированного подхода к цифровизации.

Summary. The article analyzes virtual tourism as a relatively new and insufficiently studied phenomenon of digital culture within cultural studies. In the context of rapid digitalization across all spheres of public life, traditional cultural practices of travel are undergoing significant transformations, necessitating their theoretical interpretation from the perspective of cultural studies rather than solely through the lenses of economics or technology management. The research aims to analyze the interaction between the real and the virtual in contemporary tourist practices, thereby substantiating new opportunities emerging for the culture of tourism in the context of digital transformations. The paper offers a cultural interpretation of virtual tourism examined in historical perspective – from archaic forms of imaginary journeys represented in mythological narratives and literary travelogues to modern digital simulacra. The article substantiates that virtual tourism does not pose a threat to traditional forms of travel but rather represents their natural development within digital culture. Its value lies in its ability to reveal new facets of cultural heritage and make it accessible to a wider audience. A tour route, understood as a micro-model of culture, gains new opportunities for implementation in the digital era, if a responsible and balanced approach to digitalization is maintained.

Ключевые слова: виртуальный туризм, цифровая культура, воображаемое путешествие, симулякр, соотношение реального и виртуального, индустрия гостеприимства, иммерсивные технологии, региональный кейс, культурное наследие.

Key words: virtual tourism, digital culture, imaginary journey, simulacrum, correlation between the real and the virtual, hospitality industry, immersive technologies, regional case study, cultural heritage.

УДК 379.82

Стремительное развитие цифровых технологий обусловило появление виртуальной реальности, ставшей неотъемлемой частью современной культуры. Конечно, техника и технологии сами по себе не являются носителями виртуального бытия, но с их помощью человек входит в виртуальность и живёт в ней. Таким образом, параллельно материальной реальности формируется и обретает самостоятельное значение виртуальное измерение, которое можно определить как искусственно-субъективную проекцию мира. В современной культуре границы между объективной реальностью и виртуальностью становятся всё более подвижными. Постепенно виртуальное перестаёт восприниматься как вторичное образование или простой симулякр, выступая органичным продолжением повседневного человеческого бытия. В связи с этим проблема онтологического статуса виртуальности и её места в структуре реальности становится особенно актуальной. И если классическая философская традиция исходит из представлений о единстве и однородности онтологической реальности, то осмысление феномена виртуального бытия потребовало пересмотра устоявшихся представлений. Включение виртуальности в человеческое бытие придаёт ему черты множественности и неоднородности: реальность начинает пониматься как многоуровневая и вариативная структура, в которой различные онтологические планы не исключают, а дополняют друг друга.

«Виртуальное» – новые возможности и новые риски. Восприятие виртуальной реальности предполагает не отказ от объективного мира, а иную степень уверенности в том, что такое реальность. Человек перестаёт полагаться только на физический мир и начинает доверять своему субъективному опыту и ощущению присутствия.

Исследования Н. А. Носова и М. В. Александровой выявили ряд существенных характеристик виртуальной реальности, определяющих её онтологический статус:

1. Актуальность и потенциальность – в отличие от потенциального (того, что может случиться), виртуальное существует актуально (здесь и сейчас), но не в физическом мире, а в другом, онтологическом, измерении [17].
2. Порождённость – виртуальная реальность всегда порождается другой реальностью (базовой), но обладает относительной автономностью от неё [14].
3. Интерактивность – виртуальная реальность существует только в процессе взаимодействия с субъектом, который одновременно является и её «соавтором» [1].
4. Иммерсивность – способность погружать субъекта в альтернативное пространство опыта, что усиливается за счёт интеграции с телесностью пользователя [1].

Особую значимость для культурологического анализа имеет тезис о том, что виртуальная реальность сегодня выступает не просто техническим инструментом, но онтологическим расширением человеческого бытия. В концепции «виртуального личного присутствия» С. Б. Никонова с соавторами обоснованы возможности человека для онтологического расширения в виртуальном измерении [16]. В процессе взаимодействия с виртуальной средой человек уже не мыслится как нечто обособленное – его существование выражается через информацию и цифровые данные. Таким образом, виртуальная реальность оказывает глубокое влияние на самовосприятие человека.

Эволюция представлений о виртуальной реальности демонстрирует отчётливую траекторию: от понимания виртуальной реальности как сугубо технологического артефакта к осмыслению её как полноценного культурного феномена, конституирующего новые формы социальности и субъективности. Процессы осмысления виртуальной реальности условно можно разделить на несколько этапов.

Первый этап (1980-1990-е гг.) характеризуется технологическим детерминизмом в понимании виртуальной реальности. Виртуальная реальность рассматривалась преимущественно как совокупность технических устройств (шлемы, перчатки, системы трекинга), создающих иллюзию присутствия в искусственно сгенерированной среде. Доминировал инструментальный подход: виртуальная реальность определялась как средство моделирования, тренажёр, инструмент визуализации.

Второй этап (2000-2010-е гг.) связан с осознанием коммуникативной природы виртуальных сред. Развитие интернета и социальных сетей показало, что виртуальное пространство становится ареной социальных взаимодействий, местом формирования сообществ и групп. Как отмечает В. Д. Курганская с соавторами, «возникновение сети Интернет послужило триггером взрывного ускорения, а затем и приоритетной формой глобального развёртывания процессов формирования новых типов идентичности» [13].

Третий этап (2020-е гг. – настоящее время) – это этап культурологической рефлексии с новым, расширительным пониманием виртуальной реальности:

- как цифровой среды, являющейся не просто трансляционным каналом культуры, но и местом порождения новых культурных форм, языков и практик;
- как экспериментальной площадки для апробации новых моделей человеческой субъективности, телесности, идентичности;
- как цифрового пространства, в котором существует особый мир, свои сообщества и своя культура. Эти виртуальные коллективы живут по своим правилам: у них свои способы общения, свои традиции социализации (например, включения новичков в группу) и свои пути формирования личности, наконец. Все эти процессы происходят с помощью компьютеров (и «в компьютерах»), смартфонов и цифровых технологий.

Результатом такого осмысления стало понимание того, что виртуальная реальность сегодня не столько «вторая» или «параллельная» реальность, сколько неотъемлемый компонент современной культурной реальности, глубоко интегрированный в повседневные практики человека.

Одним из наиболее значимых культурных эффектов виртуальной реальности является трансформация человеческой идентичности. Виртуальное пространство предоставляет уникальные возможности для экспериментов с самостью, недоступные в физическом мире.

В цифровой идентичности важным является различие двух типов виртуальных репрезентаций: аватара и персонажа [23]:

– **Персонаж** – это вид цифровой идентичности, который задан дизайнером видеоигры в соответствии с нарративом и художественными целями. Пользователь принимает готовую модель, вживается в неё.

– **Аватар** отражает стратегии саморепрезентации индивида. Цифровая идентичность здесь конструируется самим человеком в соответствии со своими предпочтениями и исключает многие (гендерные, расовые, возрастные) проблемы, существующие в реальном мире.

Как и любой научный подход, культурологический анализ тяготеет к наиболее чётким и однозначным определениям, описывающим те или иные явления. В связи с этим представляется важным развести понятия, которые подчас используются в качестве синонимов: «виртуальное», «цифровое» и «иммерсивное» (см. табл. 1) [12].

Виртуальный туризм как оцифрованная физическая реальность. Виртуальный туризм есть результат всеобщей цифровизации культуры, воздействующий на «пользователя» посредством иммерсивности. В данном случае «эффект иммерсивности» как порождение новейших технологий генетически связан с историей путешествий от древнейших времён.

Как отмечается в энциклопедии научной фантастики Джона К्लюта (1993), «воображаемое путешествие – это своего рода повествование, в котором утопия или сатирическое изображение помещено в вымышленный фрейм рассказа о путешествии. Это очень архаичная повествовательная техника, предшествующая романтической и новеллистической форме» [18]. Уже в античной литературе можно встретить образцы таких повествований: священная история Эвгемера Диодора Сицилийского [27], «Солнечные острова Ямбула» Дэвида Уинстона [26], где утопические острова моделировались от греческого мифа о Блаженных островах на краю земли. Впоследствии Лукиан Самосатский в своей «Правдивой истории» создал пародию на весь жанр воображаемого путешествия, упоминая Ямбула как один из объектов осмеяния [27].

В средневековой культуре воображаемые путешествия обрели новую форму: они стали представляться как подлинные автобиографические рассказы. «Путешествие сэра Джона Мандевиля» (ок. 1357 г.) стало классическим образцом этой тенденции [29]. А в эпоху Возрождения и

Нового времени традиция получила второе рождение в «Утопии» Томаса Мора (1515), за которой последовала целая плеяда утопических сочинений – от «Города Солнца» Т. Кампанеллы до «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона [18]. Позже воображаемое путешествие стало естественной средой для продвижения новых астрономических идей, утопий и антиутопий: «Сомниум» И. Кеплера (1634), «Человек на Луне» Ф. Годвина (1638), «Микромегас» Вольтера (1752) [18], «Робинзон Крузо» Д. Дефо (1719), «Путешествие Гулливера» Д. Свифта (1726).

Таблица 1

Соотношение категорий «виртуальное», «цифровое» и «иммерсивное»
в культурологическом дискурсе

Автор	Категория	Культурологический контекст	Ключевой аспект
Н. Б. Кириллова [12]	Виртуальное	Искусственно созданный аналог физического мира. Например, виртуальная реальность (VR) – искусственный трёхмерный мир, созданный с помощью компьютера и воспринимаемый человеком посредством специальных устройств	Онтологический – способ существования, альтернативный физической реальности
Е. Н. Яркова [24]	Цифровое	Совокупность порождённых цифровыми технологиями феноменов – цифровых артефактов. Уровень владения или применения цифровых технологий в той или иной сфере жизни общества. Цифровая среда – интегрированные среды, в которых цифровые инструменты и устройства используются для облегчения общения и совместной работы	Технологически-медиаальный – форма кодирования, инструменты и среда передачи
А. Д. Чистова [21]	Иммерсивное	Иммерсивное погружение предполагает, что зритель как бы оказывается внутри искусственно созданной среды и начинает ощущать себя её частью. Это особый тип вовлечённости, при котором человек переходит от пассивного наблюдения к активному участию и даже соавторству. Ключевую роль здесь играет мультисенсорность – одновременное воздействие на слух, зрение, осязание и другие каналы восприятия	Феноменологически-опытный – качество погружения, вовлечённость, переживание присутствия

Традиция воображаемых путешествий получает неожиданное продолжение и теоретическое осмысление в концепции симулякра Жана Бодрийяра [5]. В постмодернистской культуре, как отмечает Ю. В. Борисова, «реальность становится формой интерпретации, одной из версий актуальности. Воображение – это способ, благодаря которому индивид может институционализировать собственную реальность» [3]. Бодрийяр описывает четыре стадии развития образа: от отражения реальности через её искажение и притворство – к симулякру, когда «нет ни оригинала, ни желания его искать. Только образ, играющий в реальность» [5]. Симулякр – это не просто копия, это «воспроизведение без памяти», это «копия без оригинала», примерно то, что по сегодняшним временам цифровое фото несуществующего объекта. Например, в анализе Диснейленда Бодрийяр показывает, как симулякры работают в культуре путешествий: «Диснейленд считается воображаемым для того, чтобы заставить поверить, что всё остальное реально, в то время как весь Лос-

Анджелес и окружающая его Америка больше не реальны, а принадлежат порядку гиперреального и симуляции... <он предстаёт как> совершенная модель всех порядков симулякров вместе взятых... <как> игра иллюзий и фантазий... <и> социальный микрокосм, религиозное наслаждение миниа-тюрой реальной Америки» [9].

В свою очередь, Д. Н. Замятин предлагает смотреть на путешествие как на особый жизненный опыт, когда человек чувствует свою связь с пространством. По его мнению, современный человек стремится не просто перемещаться, а осмысливать путешествие как способ существования в пространстве, где он становится его неотъемлемой частью [10]. Эта концепция позволяет увидеть в виртуальном туризме не просто техническую инновацию, а продолжение глубинной антропологической потребности в воображаемом освоении пространства. Таким образом, виртуальный туризм оказывается наследником двух культурных традиций: с одной стороны, он продолжает линию литературных воображаемых путешествий, с другой – вписывается в логику симулятивной культуры, где образы путешествий существуют независимо от реальных перемещений. Как справедливо отмечают исследователи феномена «Человека Путешествующего» В. С. Дрягалов и М. С. Топчиев, анализ влияния симулятивной реальности на современную культуру особенно актуален при рассмотрении причин, повлиявших на формирование феномена массовой культуры [18].

Практически виртуальный туризм – явление недостаточно изученное, требующее как технико-технологического, так и культурологического рассмотрения. Культурологический аспект – взгляд на явление в широком контексте культуры. И если не сводить туризм лишь к пространственным перемещениям с целью рекреации и обеспечивающей само перемещение работе турфирм, то следует говорить о *культуре туризма* как некоем специфическом способе деятельности по созданию, продвижению и реализации туристского продукта. Притом что туристский продукт есть совокупный результат как материального (гостиницы, транспорт, инфраструктура), так и нематериального (образы, смыслы, впечатления, знания) производства, а специфика его – в его связанности со всеми подсистемами культуры: экономической, социальной, духовной, информационной. И в этом смысле грамотно подготовленный и осуществлённый турмаршрут в соответствующем масштабе реализует важнейшие функции культуры: познавательную, воспитательную, коммуникативную, ценностно-ориентационную. Другими словами, профессионально организованный турмаршрут есть своеобразная микромодель культуры, в которой особым способом представлены основные элементы и связи культурной системы.

Риски всеобщей цифровизации. Существование пользователя в виртуальном пространстве, иными словами, виртуальная культура даёт человеку невиданную доселе свободу для воображения и творчества. Но в такой свободе (как и в свободе вообще) заключены свои риски: виртуальная идентичность оказывается непостоянной. Сегодня человек виртуального пространства может быть одним, завтра – другим. Это порождает новый тип личности, которую исследователи называют «человек виртуальный». Такой человек принимает постоянные перемены как способ существования, легко меняет образы и роли. Конечно, виртуальный мир создан и существует благодаря человеку. Однако существует опасность, что в будущем этот мир может стать для человека важнее реального или даже полностью вытеснить его.

Почему люди выбирают виртуальность? Часто потому, что там можно получить то, чего не хватает в реальной жизни: признания, успеха, общения, ярких переживаний. Виртуальный мир становится местом, где человек пробует новые способы быть собой. Однако важно понимать, что в виртуальной идентичности, создаваемой с помощью знаков и символов (текстов, картинок, жестов аватара), таится некая опасность – опасность подмены реального виртуальным. Так, ещё на начальной стадии осмысления виртуального в современной культуре А. С. Брейтман в статье «Виртуальная реальность как социокультурный феномен: pro at contra» (2012) сформулировал: «Замещение (подмена) подлинного существования нашего современника виртуально-мифологической реальностью – есть ничто иное, как бегство от реальности, со всеми вытекающими из этого последствиями: инфантилизмом, невозможностью подлинной социализации, несформированностью ценностного (научного или религиозного) мировоззрения и, в итоге, невосполнимой деконструкцией личности..., а человек виртуальный – это более всего тот, кто виртуально-

мифологическую реальность принимает в качестве основной, и то, что происходит “в реале” его интересует всё меньше и меньше...» [4]. Вместе с тем условная, по сути, виртуальная идентичность (то, что происходит в «виртуале») оказывается чрезвычайно значимой для активных пользователей интернета (см. прим. 1).

За и против всеобщей цифровизации культуры позволяет с большей глубиной оценить риски использования цифровых технологий в культуре туризма как целостной системе, включающей материальные и нематериальные компоненты. Замещение одних элементов системы другими может привести к нарушению её целостности и утрате важнейших культурных функций. Турмаршрут как микромодель культуры включает в себя не только визуальное знакомство с достопримечательностями, но и взаимодействие с местными сообществами, погружение в повседневную жизнь, тактильные и вкусовые впечатления, эмоциональные переживания, возникающие в живом общении. Виртуальные же технологии, сколь бы совершенными они ни были, способны передать лишь отдельные фрагменты этого целостного опыта. Как отмечается в исследованиях по цифровой трансформации туризма Е. З. Герчиковой, «современные информационные технологии позволяют создавать качественные виртуальные туры, однако они не могут полностью воспроизвести комплекс чувственно-образного восприятия, который возникает при реальном путешествии» [8]. Виртуальный тур даёт представление о внешнем облике объекта, но не передаёт его атмосферу, не позволяет ощутить связь с местом, которая рождается только через личное присутствие.

Когда цифровое замещение затрагивает значительную часть элементов турмаршрута, возникает риск того, что туристский продукт перестанет выполнять свои культурные функции. Из средства познания и приобщения к культурному наследию он может превратиться в чисто информационный или развлекательный продукт, лишённый глубины и подлинности. В контексте цифровизации туризма возникает серьёзная проблема, связанная с соотношением подлинного и смоделированного. Конечно, и турмаршрут как микромодель культуры изначально предполагает некоторую степень организации и отбора: туристу показывают то, что считается наиболее значимым, в удобной последовательности. Однако в традиционном туризме эта модель остаётся открытой для самостоятельного изучения, случайных встреч, спонтанных открытий.

Цифровые же технологии могут усилить модельный характер туризма до такой степени, что подлинное содержание будет полностью вытеснено его симуляцией. Как отмечено в исследованиях феномена цифровой культуры Е. Н. Ярковой, «в современном обществе всё чаще происходит подмена реального опыта его цифровой репрезентацией, которая воспринимается как более удобная, безопасная и доступная альтернатива» [24]. Турист может получить представление о месте, никогда там не бывая, и это представление может казаться ему достаточным. Однако в этом случае утрачивается важнейшая функция культуры туризма – трансляция культурного наследия через непосредственный контакт. Знание, полученное через экран, качественно отличается от знания, которое рождается из личного переживания. Культурные смыслы, которые передаются через традиции, обычаи, повседневные практики местных сообществ, не могут быть полностью переведены в цифровой формат. Культура туризма, как было отмечено, связана со всеми подсистемами культуры. Цифровое замещение способно нарушить эти связи, что чревато:

- *во-первых*, разрывом связи с экономической подсистемой. Когда туристский опыт переходит в виртуальную плоскость, страдают реальные производители услуг: отели, рестораны, музеи, транспортные компании. Доходы от туризма перераспределяются в пользу технологических платформ, а местные сообщества теряют важный источник развития;
- *во-вторых*, ослаблением связи с социальной подсистемой. Виртуальное путешествие не предполагает реального взаимодействия с местными жителями, не даёт возможности для межкультурного диалога. Утрачивается то, что делает туризм важным фактором взаимопонимания представителей разных культур;
- *в-третьих*, нарушением связи с духовной подсистемой. Культурное наследие, которое в традиционном туре переживается как ценность, в виртуальном формате превращается в контент. Смыслы, которые вкладывались создателями памятников и хранителями традиций, могут быть утрачены или искажены.

Следует также отметить, что провозглашаемая цифровизированная доступность туристских услуг на практике способна порождать новые формы исключения. Далеко не все социальные группы обладают равным доступом к современным технологиям и компетенциям, необходимым для их использования. Пожилые граждане, люди с невысоким уровнем дохода, жители удалённых территорий рискуют оказаться на периферии формирующегося цифрового пространства культуры туризма. Парадоксальным образом и реальный туризм может становиться для этих же групп менее доступным, поскольку ресурсы перераспределяются в пользу цифровых проектов. Так формируется ситуация двойного неравенства: полноценный культурный опыт становится привилегией тех, кто способен позволить себе как качественные цифровые устройства, так и реальные путешествия. Как справедливо отмечают исследователи социальных аспектов цифровизации Е. З. Герчиков и Е. П. Спиридонова, «изменения в сфере туризма отражают более глубокие социальные трансформации, в том числе рост неравенства в доступе к культурным ресурсам» [8]. Это обстоятельство требует осознанной стратегии внедрения цифровых решений, при которой технологии не усугубляют существующие социальные диспропорции, а способствуют их смягчению.

Осознание рисков не означает отказа от цифровизации туризма. Напротив, их анализ приводит к принципиально важному выводу: сохранение целостности культуры туризма достигается не через отрицание технологий, а через переосмысление их роли. Цифровые инструменты должны выступать не как замена реального путешествия, а как средство его обогащения и расширения. Именно переход от парадигмы замещения к парадигме дополнения открывает новые горизонты для индустрии гостеприимства. Если в предыдущей части работы внимание было сосредоточено на рисках вытеснения реального опыта виртуальным, то далее предстоит рассмотреть, каким образом цифровые технологии способны работать на сохранение и развитие целостной культуры туризма. Речь пойдёт о формировании новых культурных моделей, в которых цифровые инструменты превращаются из источника угроз в ресурс развития: они позволяют создавать гибридные форматы, персонализировать опыт, расширять доступность культурного наследия и выстраивать новые способы взаимодействия путешественника с местом. При этом предложенное в работе понимание турмаршрута как микромоделей культуры сохраняет свою методологическую значимость, позволяя оценивать цифровые решения не изолированно, а в контексте их воздействия на целостность культурного опыта.

Развитие информационных технологий и цифровой культуры привело к фундаментальным сдвигам в индустрии гостеприимства. Традиционное понимание гостеприимства, сводившее его преимущественно к предоставлению услуг размещения и питания, уступает место более объёмной трактовке, в центре которой оказывается формирование целостного культурного опыта путешественника. Согласно исследованиям современных тенденций туризма А. Н. Алексахина с соавторами, отрасль переживает глубокую трансформацию: от поставщика услуг – к создателю впечатлений, от стандартизированного сервиса – к персонализированному подходу, от пассивного обслуживания – к активному соучастию в культурном путешествии клиента [2]. Цифровая культура меняет саму природу отношений между принимающей стороной и гостем. Если прежде путешественник выступал главным образом потребителем готовых услуг, то сегодня он становится соавтором собственного путешествия. Информационные технологии открывают возможность учитывать индивидуальные предпочтения, адаптировать предложения под конкретного человека, формировать уникальные маршруты, отвечающие его интересам и ценностным ориентирам. Важно подчеркнуть: эта трансформация не отменяет обозначенных ранее рисков, но предлагает путь их конструктивного преодоления. Вместо замещения реального опыта виртуальным – его дополнение. Вместо разрушения целостности турмаршрута – создание новых, более сложных и многослойных его форм, вместо простого перемещения, размещения и доставки – всесторонняя микро-модель культуры.

Одним из наиболее перспективных направлений развития индустрии гостеприимства становится создание гибридных форматов, в которых цифровые технологии органично вплетаются в физическое путешествие, дополняя и обогащая его. На рис. 1 показано, как цифровые и физические элементы соединяются в целостный опыт.

Рис. 1. Гибридные форматы в культуре туризма

Ярким примером такого подхода является проект дополненной реальности, реализованный в рамках национального проекта «Туризм и гостеприимство» Пермского края. AR-технологии были внедрены на туристических локациях в семи муниципалитетах региона, где дополненная реальность работает как «интеллектуальный гид», оживляя привычные объекты и добавляя контекст прямо на экране телефона:

- На набережной Перми со смотровой площадки можно увидеть, как по Каме «плывут» 3D-модели пароходов и теплоходов разных исторических эпох (см. рис. 2).

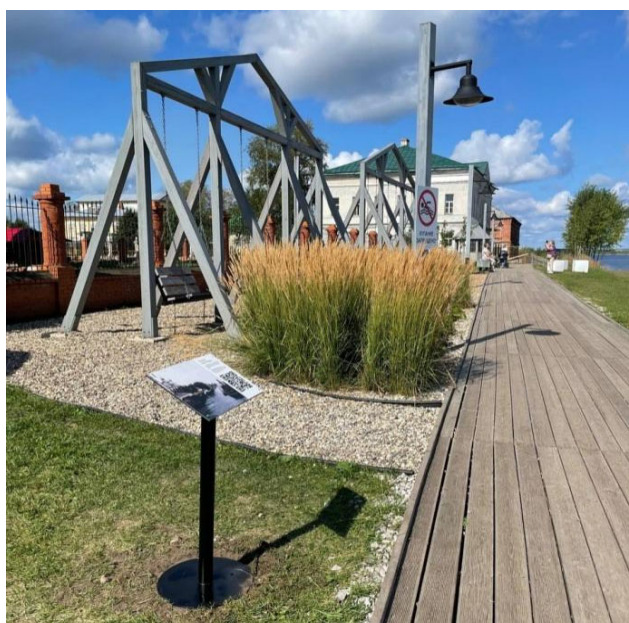

Рис. 2. Наведи камеру – оживи прошлое [7]

- в Кудымкаре легендарный богатырь – персонаж коми-пермяцкого национального эпоса Кудым-Ош – не только выходит к гостям, но и рассказывает о себе.

- в Красновишерске визуализирована популярная легенда о Полюде, Ветлане и Вишере.

- в Чердыни перед глазами туристов предстаёт средневековый кремль.

Главное преимущество проекта – его доступность. Дополненная реальность разработана для мобильных устройств без скачивания приложений, посредством считывания QR-кода. К каждому проекту разработаны интерфейсы с кратким описанием и подсказками для пользователей.

Таким образом, с помощью цифровых технологий создаётся высококачественный оригинальный культурный продукт, который не подменяет, но дополняет и обогащает реальное путешествие, превращая знакомство с историческим местом в увлекательное интерактивное приключение, доступное каждому.

Так же и развитие метавселенных открывает новые возможности для сохранения и популяризации культурного наследия. Значимым примером здесь выступает проект «МетаВДНХ» – виртуальная копия главной выставки страны. При создании метавселенной были тщательно воссозданы более 114 объектов и 566 экспонатов, каждый из которых можно рассмотреть в деталях и с разных ракурсов, узнать больше из информационной справки [22]. В «МетаВДНХ» можно осмотреть экспозиции павильонов «СИБУР. Дом полимеров», «Умный город», «Первые в России – стране возможностей», Сбер, «ВЭБ.РФ» и «Умные финансы». В оцифрованных зданиях доступны интерактивные экспонаты и информация о них, а для полного погружения в большинстве залов можно включить аудиогиды во время проведения выставки [20]. В августе 2025 г. в метавселенной ВДНХ открылась виртуальная прогулка по цифровой копии музея «АТОМ». Для цифровой копии музея было оцифровано более 30 экспонатов. В зале «Атомариум» доступно 19 интерактивных экспонатов, которые помогают детям и взрослым на наглядных примерах узнать больше об устройстве Вселенной, законах физики и научных достижениях человечества. В зале «Современная атомная промышленность» доступны 13 цифровых экспонатов, рассказывающих о применении ядерных технологий в энергетике, медицине, освоении космоса.

В сентябре 2025 г. Национальный центр «Россия» запустил виртуальный тур «Путешествие по России», позволяющий познакомиться с каждым из российских регионов не выходя из дома. Для создания тура была использована панорамная съёмка 360°, порождающая *эффект присутствия*. Благодаря этой технологии экспозиции регионов оживают, добавляя необходимую зрелищность (см. рис. 3).

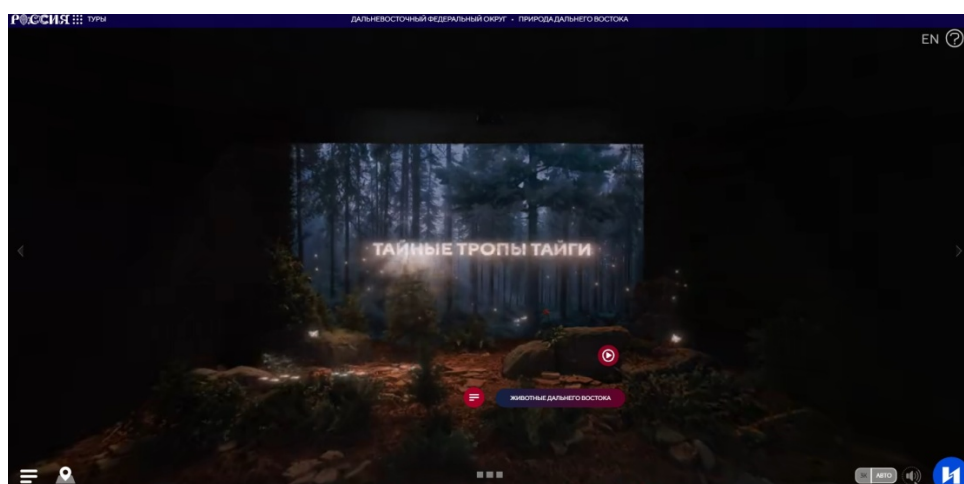

Рис. 3. Интерактивный тур «Путешествие по России» <https://russia.ru/gowithRussia/> [15]

Совершая виртуальное путешествие по выставке, участники проекта знакомятся с природой, традициями, историей, промышленностью и экономикой каждого региона – от Калининграда

до Камчатки. Пользователи могут свободно перемещаться по залам и в деталях рассматривать все экспонаты, приближая интересные объекты [15].

Одновременно цифровые технологии открывают возможности для беспрецедентной персонализации туристского опыта. Если раньше туристические предложения были стандартизированными, рассчитанными на массового потребителя, то сегодня возможно создание индивидуальных маршрутов, учитывающих самые разные предпочтения. Например, сервис Soft Travel, запущенный в Москве в феврале 2025 г. Это мобильное приложение, объединяющее систему лояльности для путешественников и банковское обслуживание в единую экосистему. В одном приложении пользователь может заказать такси в аэропорт, пройти fast-track без очередей, забронировать бизнес-зал и оформить трансфер по прибытии [25].

Ключевые инновации сервиса Soft Travel включают:

- Fast Track – ускоренное прохождение регистрации, паспортного и таможенного контроля;
- доступ в бизнес-залы по QR-коду из приложения, которым можно поделиться с попутчиками;
- VIP-залы и индивидуальное сопровождение;
- дополнительные услуги: парковка в аэропорту, помощь с заполнением таможенных деклараций, услуги грузчиков.

Результаты работы сервиса впечатляют: более 3,5 тысяч пользователей в день, около 1000 человек ежедневно активируют QR-коды для прохода в бизнес-залы. Проект прошёл путь от идеи до реализации за три месяца.

Развитие внутреннего туризма в России актуализировало создание комплексных цифровых платформ, объединивших и реализующих важнейшие функции культуры: информационную, коммуникативную и сервисную. Наглядный пример – платформа «КАК ЕСТЬ», запущенная в Самарской области в феврале 2025 г. В основе «КАК ЕСТЬ» лежит принцип пользовательского контента. Платформа отказалась от классической модели редакционного портала в пользу community-driven подхода: любой пользователь может добавить событие, создать маршрут или написать отзыв о месте, а система модерации обеспечивает качество контента [6]. Архитектура платформы построена на трёх ключевых разделах: *События*, *Места* и *Маршруты*. Каждый элемент связан с остальными через систему тегов и геолокации. Главным интерфейсным решением стала интерактивная карта региона, где пользователь видит все возможности области в географическом контексте.

Особенности платформы включают:

- раздел эко-отелей – база из более 150 кемпингов, глэмпингов и загородных комплексов региона с возможностью бронирования;
- субъективный рейтинг ресторанов, основанный на экспертных оценках, а не на пользовательских голосованиях, что создаёт доверие и востребованность у рестораторов;
- раздел «Местные» – база проверенных экспертов креативной индустрии, решающая проблему поиска исполнителей для операционных задач бизнеса.

В результате за первые шесть месяцев органический трафик вырос в 12 раз, а 70 % пользователей заходят на платформу со смартфонов [11].

Опыт создания комплексных цифровых платформ типа «КАК ЕСТЬ», ставшей не просто путеводителем, а одновременно инструментом развития внутреннего туризма, площадкой для местного бизнеса и нетворкинг-хабом для креативного сообщества региона, вносит заметный вклад в культуру туризма современной России.

Оцифрованная реальность нанайской глубинки. Проект виртуального тура «Синда – территория дружбы» представляет собой уникальный пример того, как цифровые технологии могут служить сохранению и трансляции культурного наследия. Ниже представлена многослойная структура этого турмаршрута, демонстрирующая его как частный пример локальной микромоделей этнокультуры, объединяющей материальные и нематериальные компоненты, исторические пласты и современные технологические решения (см. табл. 2).

Таблица 2

Многослойная структура виртуального тура «Синда – территория дружбы»

Слои	Содержание слоя	Реализация в проекте «Синда развитие села территория дружбы»
1	2	3
Информационный	Факты, даты, имена, справочные данные	Исторические сведения: первое упоминание улуса Када-Сэндэ в «Ясачной книге» О. Степанова (1656 г.), дата основания села переселенцами-белорусами (1913 г.), биографические данные о знаменитом певце Кола Бельды. Всплывающие справки в 360-видео, PDF-буклет с историческими материалами
Нарративный	Истории, легенды, биографии, связь объектов	История «столыпинского» переселения белорусских крестьян с берегов Припяти и Западной Двины «за землёй» к берегам Амура; история сосуществования нанайцев и переселенцев на протяжении века; рассказ о партизанском отряде «Морской», где плечом к плечу сражались белорусы, русские и нанайцы; судьба известного певца Кола Бельды. Интервью с братьями Оненко (старожилами), рассказы «из первых уст»
Визуальный	Изображения, 3D-модели, видеоматериалы	Панорамный виртуальный облёт села с дрона (аэросъёмка); 360°-видео с интерактивными элементами; 3D-модель кирпичного завода XIX века с возможностью «заглянуть» в цеха; архивные фото и кинокадры рыбалки прошлых лет; вставки исторических фотографий; ручные зарисовки нанайских орнаментов в иммерсивной книге
Интерактивный	Выбор маршрута, участие, влияние на повествование	Возможность самостоятельного перемещения по виртуальному пространству; кликабельные объекты со всплывающими справками; интерактивная 3D-модель завода; мастер-классы с возможностью «участия» (фехтование на палках мукэчен); виртуальная витрина с возможностью «приобрести» сувениры и ссылками на мастеров; геймификация в иммерсивной книге (викторина «Угадай предмет»)
Социальный	Общение, взаимодействие, принадлежность к сообществу	Тема дружбы народов как центральная идея проекта; совместное исполнение песни Кола Бельды («Увезу тебя я в тундру») как объединяющий финал; демонстрация совместного сосуществования нанайцев и белорусов на протяжении века; творческие коллективы, представляющие обе культуры; общий хоровод под гимн села; переживание принадлежности к общему культурному пространству
Эмоциональный	Настроение, атмосфера, эстетическое переживание	Погружение в первозданную атмосферу жизни нанайцев; эффект присутствия через 360°-панорамы и звуки тайги; эмоциональный сторителлинг через личные истории старожилов; атмосфера праздника и единения через общие песни и хороводы; эстетика традиционных промыслов (нанайская вышивка, изделия из рыбьей кожи, белорусское ткачество); звуковое сопровождение (национальная музыка, звуки природы, песни Кола Бельды)

1	2	3
Гастрономический	Вкусовые впечатления, кулинарные традиции	Обед из блюд двух национальных кухонь: нанайская кухня (строганина, тала, лепёшки), белорусская кухня (драники, колдуны, квашеная капуста); рецепты в формате коротких видео от местных хозяек; виртуальный мастер-класс по ловле рыбы; рынок свежей рыбы с возможностью приобретения и знакомства со способами приготовления
Реконструкционный	Воссоздание исторических событий	Историческая реконструкция партизанского отряда «Морской»; 3D-персонажи старожилов (братья Оненко), рассказывающие истории в лодке

Представленный виртуальный тур позволяет рассматривать его как микромодель локальной этнокультуры по следующим основаниям:

1. Объединение материального и нематериального производства. Материальный компонент проекта представлен физическими объектами села Синда: кирпичный завод, где технологии прошлого и современности взаимно дополняют друг друга; памятник Кола Бельды; мемориал партизанам времён гражданской войны, Синдинское озеро (см. рис. 4), река Амур. Нематериальный компонент включает истории переселенцев, легенды о нанайских шаманах, песни Кола Бельды, обрядовые практики, кулинарные традиции, ремесленные навыки. Как справедливо отмечается в концепции проекта, «творческие составляющие позволяют раскрыть смысл духовного притяжения таких, казалось бы, разных народов, объединённых общей Родиной и общечеловеческими ценностями».

Рис. 4. Авторская аэросъёмка: Синдинское озеро

2. Реализация ключевых функций культуры:

– Познавательная функция: знакомство с историей нанайского народа, историей белорусского переселения, событиями Гражданской войны, биографией Кола Бельды, традиционными промыслами и кухней двух народов.

– Коммуникативная функция: в процессе реализации проекта возникает диалог потомков коренных жителей и переселенцев, старожилов (братья Оненко) и молодёжи, местного населения с виртуальными посетителями.

– Ценностно-ориентационная функция: в воспоминаниях и историях о совместном существовании транслируются ценности дружбы народов, взаимопомощи, уважения к традициям, сохранения исторической памяти.

3. Целостность, взаимодополнительность цифрового контента и реального опыта.

Концептуально тур должен стать *цифровым мостом* между прошлым и настоящим Синды, вдохновляя участников виртуального тура на реальное путешествие. В данном случае цифровой формат не подменяет реальный турпосещение, но создаёт мотивацию для его осуществления, предоставляя первоначальное знакомство и углубляя понимание контекста.

4. Охват разных временных пластов культуры.

В проекте представлены:

- Архаические пласты: старинное нанайское стойбище Када-Сэндэ (упоминается в 1656 г.), шаманские традиции, обряды.

- История основания села: прибытие первых белорусских семей в Хабаровск, затем на пароходе «Переселенец» вниз по Амуру и высадка на берегу Синдинской протоки; история сохранения фамилий переселенцев: Вашковец, Шерые, Каштановы, Богдановские и др.; знакомство с биографией Кола Бельды.

- Первые 10-летия XXI в.: будни Синды, восстановление кирпичного завода, деятельность творческих коллективов и др.

5. Сбережение традиций национальной культуры и традиционных ремёсел.

Зафиксированные воспоминания старожилов, цифровая презентация традиционных ритуалов, обычаев и промыслов сохраняют живую память, обращённую в будущее. Современные технологии – важный фактор сохранения и трансляции традиций культуры.

6. Синтез аналоговых и цифровых форматов.

В основе проекта – синтез двух цифровых форматов: виртуального тура и иммерсивной книги. Виртуальный тур создан с использованием технологий фото- и видеосъёмки с интерактивными элементами. Для погружения в пространство села была выполнена авторская аэросъёмка, результаты которой представлены на рис. 5 и 6, включая панораму 360. Иммерсивная книга, в свою очередь, расширяет этот опыт технологией дополненной реальности, оживляющей страницы издания.

Рис. 5. Авторская аэросъёмка: кирпичный завод XXI в.

Объединение форматов позволяет и пользователям интернета, и читателям *прикоснуться* посредством экрана того или иного веб-устройства к *живой* истории и традициям.

Рис. 6. Авторская аэросъёмка: кадр из панорамы Синдинского озера 360°

Таким образом, можно сделать вывод, что использование цифровых технологий с эффектом виртуальности, иммерсивности и дополненной реальности позволяет позиционировать виртуальный тур «Синда – территория дружбы» как микромодель локальной этнокультуры, заключающую в себе важнейшие её компоненты: индивидуальное потребление и социальное взаимодействие, продукты материального и духовного производства, получение информации и переживание эмоций, возможности психической активности и релаксации. А в целом виртуальный проект включает в себе потенциал перспективного развития территории, притом что цифровые технологии при грамотном их использовании могут служить действенным инструментом формирования уважения к историческому наследию и традиционным ценностям, а также сохранения и популяризации культурного разнообразия России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, М. В. Восприятие времени в среде виртуальной реальности: экзистенциальный, семиотический и онтологические аспекты / М. В. Александрова, А. В. Иващенко, Т. В. Борисова // Основы экономики, управления и права. – 2023. – № 2 (37). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voSPIriatie-vremeni-v-srede-virtualnoy-realnosti-ekzistentsialnyy-semioticheskiy-i-ontologicheskie-aspekty> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
2. Алексахин, А. Н. Цифровая трансформация в сфере туризма: тенденции и перспективы развития / А. Н. Алексахин, Е. Н. Нохтуева, Л. С. Байтимерова // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3 (62). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-v-sfere-turizma-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
3. Борисова, Ю. В. Воображение как способ конституирования действительности в постмодернистской культуре / Ю. В. Борисова // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 9. – URL: <https://www.gramota.net/article/alm20150408/fulltext> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
4. Брейтман, А. С. Виртуальная реальность как социально-культурный феномен: pro et contra / А. С. Брейтман // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2012. – № III-2 (11). – С. 118-119.
5. Бронзино, Л. Ю. Концепция симулякра Жана Бодрийяра: методология «Алеаторного мышления» и трансформация субъекта в обществе потребления / Л. Ю. Бронзино // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2011. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-simulyakra-zhana-bodriyyara-metodologiya-aleatornogo-myshleniya-i-transformatsiya-subekta-v-obschestve-potrebleniya> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
6. Всё о Самаре // Как Есть. – URL: <https://kakest.me/> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
7. В Пермском крае на туристических локациях появилась дополненная реальность // Вести Пермь. – URL: <https://vesti-perm.ru/pages/a08821904ad24262982b51677e3df5fe> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
8. Герчикова, Е. З. Социологические аспекты трансформации сферы рекреации и туризма в условиях цифровой экономики / Е. З. Герчикова, Е. П. Спиридонова // Вестник СГСЭУ. – 2018. – № 3 (72). – С. 185-188.
9. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция (Впервые на русском!) Гиперреальное и воображаемое: exsistencia / Ж. Бодрийяр // ЖЖ. – URL: <https://exsistencia.livejournal.com/3261.html> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
10. Замятин, Д. Н. Постномадизм: пространственные антропологии путешествий / Д. Н. Замятин // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 2 (51). – С. 17-26.
11. Кейс «КАК ЕСТЬ. Цифровой путеводитель для региона» – номинант премии Workspace Digital Awards // WDA. – URL: <https://workspace.ru/awards/cases/kak-est-cifrovoy-putevoditel-dlya-regiona/#comments> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
12. Кириллова, Н. Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии / Н. Б. Кириллова // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14. – № 5. – С. 524-531.
13. Курганская, В. Д. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности / В. Д. Курганская, В. Ю. Дунаев, А. Сагикызы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2022. – Т. 38. – № 4. – С. 487-499. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50105569> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
14. Носов, Н. А. Манифест виртуалистики / Н. А. Носов. – М.: Путь, 2001. – 17 с.
15. Национальный центр запустил виртуальный тур «Путешествие по России» // Национальный центр «Россия». – URL: <https://russia.ru/gowithRussia/> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.

16. Постгуманистическая трансформация субъекта в «виртуальном личном присутствии» на онтологическом уровне / С. Б. Никонов, Е. Юй-Чиэн, А. В. Байчик, Н. С. Лабуш // Litera. – 2024. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postgumanisticheskaya-transformatsiya-subekta-v-virtualnom-lichnom-prisutstvii-na-ontologicheskom-urovne> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
17. Носов, Н. А. Виртуальная реальность / Н. А. Носов // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 152-164.
18. Дрягалов, В. С. Роль «эры симулякров» в формировании Человека Путешествующего / В. С. Дрягалов, М. С. Топчиев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 4 (41). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ery-simulyakrov-v-formirovanii-cheloveka-puteshestvuyushchego> (дата обращения: 13.04.2026). – Текст: электронный.
19. Фантастическое путешествие // Информационный некоммерческий ресурс fccland.ru. – URL: <https://fccland.ru/stati/14346-fantasticheskoe-puteshestvie.html> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
20. ФГУП «УВО Минтранса России» / Федеральное государственное унитарное предприятие «Управление ведомственной охраны Министерства транспорта Российской Федерации». – URL: https://www.uvomintrans.ru/novosti-rossii/?ELEMENT_ID=14675 (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
21. Чистова, А. Д. Иммерсия в современной культуре как средство формирования эмоциональной культуры / А. Д. Чистова // Культура и цивилизация. – 2024. – Т. 14. – № 6А. – С. 52-57.
22. Шесть павильонов выставки «Россия» можно увидеть онлайн // Москва24, 09.04.2025. – URL: <https://www.m24.ru/news/gorod/09042025/787282> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
23. Юмартов, Д. А. Автономность и номадический релятивизм цифровой идентичности / Д. А. Юмартов, М. А. Шувалова // Искусственные общества. – 2021. – Т. 16. – Вып. 4. – URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800017576-2-1> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
24. Яркова, Е. Н. Цифровая культура как объект культурологии: к проблеме методологических альтернатив / Е. Н. Яркова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2021. – № 41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-kak-obekt-kulturologii-k-probleme-metodologicheskikh-alternativ> (дата обращения: 13.04.2026). – Текст: электронный.
25. Soft Travel – сервис, который делает опыт путешествий доступнее – кейс KODE // WORKSPACE. – URL: <https://workspace.ru/cases/soft-travel-servis-kotoryy-delaet-opyt-puteshestviy-dostupnee/> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст: электронный.
26. David Winston. Iambulus' Islands of the Sun and Hellenistic Literary Utopias // Science Fiction Studies #10 = Volume 3, Part 3 = November 1976.
27. Diodori bibliotheca historica. Vol. 1–5. Lpz., 1888–1963. Stuttg., 1964.
28. Fredericks, S. C. (Mapr 1976), Lucian's True History as SF, Science Fiction Studies, 3 (1), Depauw: 49-60.
29. Voyages and travels of Sir John Mandeville: Mandeville, John, Sir: Free Download, Borrow, and Streaming // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/voyagesandtrave00redwgoog/page/n4/mode/2up> (дата обращения: 13.04.2026). – Текст: электронный.

REFERENCES

1. Aleksandrova M. V., Ivashchenko A. V., Borisova T. V. Vospriyatie vremeni v srede virtual'noy real'nosti: ekzistentsial'nyy, semioticheskiy i ontologicheskie aspekty [Perception of Time in Virtual Reality: Existential, Semiotic and Ontological Aspects] // Osnovy EUP. 2023. No. 2 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-vremeni-v-srede-virtualnoy-realnosti-ekzistentsialnyy-semioticheskiy-i-ontologicheskie-aspekty> (accessed: 17.03.2026).
2. Aleksakhin A. N., Nokhtueva E. N., Baitimerova L. S. Tsifrovaya transformatsiya v sfere turizma: tendentsii i perspektivy razvitiya [Digital Transformation in Tourism: Trends and Development Prospects] // Vestnik Akademii znaniy. 2024. No. 3 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-v-sfere-turizma-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya> (accessed: 17.03.2026).
3. Borisova Yu. V. Voobrazhenie kak sposob institutsionalizatsii real'nosti v postmodernistskoy kul'ture [Imagination as a Way of Institutionalizing Reality in Postmodern Culture] // Almanac of Modern Science and Education. 2015. No. 9.
4. Breytman A. S. Virtual'naya real'nost' kak sotsial'no-kul'turnyy fenomen: pro et contra [Virtual Reality as a Socio-Cultural Phenomenon: Pro et Contra] // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2012. No. 3-2 (11). P. 118-119.

5. Bronzino L. Yu. Kontseptsiya simulyakra Zhana Bodriyyara: metodologiya «Alearnogo myshleniya» i transformatsiya subekta v obshchestve potrebleniya [Jean Baudrillard's Concept of Simulacrum: The Methodology of «Aleatory Thinking» and the Transformation of the Subject in Consumer Society] // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2011. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-simulyakra-zhana-bodriyyara-metodologiya-aleatornogo-myshleniya-i-transformatsiya-subekta-v-obshchestve-potrebleniya> (accessed: 17.03.2026).
6. Vse o Samare | Kak Est' – afisha | mesta | podborki [Everything about Samara | Kak Est' – Poster | Places | Collections]. URL: <https://kakest.me/> (accessed: 17.03.2026).
7. V Permskom krae na turistichestkikh lokatsiyakh poyavilas' dopolnennaya real'nost' [Augmented Reality Appeared at Tourist Locations in Perm Krai] // Vesti Perm'. URL: <https://vesti-perm.ru/pages/a08821904ad24262982b51677e3df5fe> (accessed: 17.03.2026).
8. Gerchikova E. Z., Spiridonova E. P. Sotsiologicheskie aspekty transformatsii sfery rekreatsii i turizma v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Sociological Aspects of the Transformation of Recreation and Tourism in the Digital Economy] // Vestnik SGSEU. 2018. No. 3 (72). P. 185-188.
9. Jean Baudrillard. Simulyakry i simulyatsiya (Vpervye na russkom!) [Simulacra and Simulation (For the First Time in Russian!)] // Hyperreal and Imaginary: exsistencia – LiveJournal. URL: <https://exsistencia.livejournal.com/3261.html> (accessed: 17.03.2026).
10. Zamyatin D. N. Postnomadizm: Prostranstvennye antropologii puteshestviy [Postnomadism: Spatial Anthropologies of Travel] // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2016. No. 52.
11. Keys «KAK EST'. Tsifrovoy putevoditel' dlya regiona» – nominant premii Workspace Digital Awards [Case «KAK EST'. Digital Guide for the Region» – Nominee of the Workspace Digital Awards]. URL: <https://workspace.ru/awards/cases/kak-est-cifrovoy-putevoditel-dlya-regiona/#comments> (accessed: 17.03.2026).
12. Kirillova N. B. «Virtual'naya real'nost'» i «virtualizatsiya kul'tury» kak kontsepty sovremennoy kul'turologii [«Virtual Reality» and «Virtualization of Culture» as Concepts of Contemporary Cultural Studies] // Observatoriya kul'tury. 2017. Vol. 14, No. 5. P. 524-531. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-524-531.
13. Kurganskaya V. D., Dunaev V. Yu., Sagikzy A. Fenomen identichnosti v sotsial'nom konstruirovanii virtual'noy real'nosti [The Phenomenon of Identity in the Social Construction of Virtual Reality] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2022. Vol. 38, No. 4. P. 487-499. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.404> (accessed: 17.03.2026).
14. Nosov N. A. Manifest virtualistiki [Manifesto of Virtualistics] // Trudy laboratorii virtualistiki. 2001. No. 15.
15. Natsional'nyy tsentr zapustil virtual'nyy tur «Puteshestvie po Rossii» [The National Centre Launched a Virtual Tour «Journey Across Russia»]. URL: <https://russia.ru/gowithRussia/> (accessed: 17.03.2026).
16. Nikonov S. B., Yu-Chien E., Baychik A. V., Labush N. S. Postgumanisticheskaya transformatsiya subekta v «virtual'nom lichnom prisutstvii» na ontologicheskom urovne [Posthumanistic Transformation of the Subject in «Virtual Personal Presence» at the Ontological Level] // Litera. 2024. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postgumanisticheskaya-transformatsiya-subekta-v-virtualnom-lichnom-prisutstvii-na-ontologicheskom-urovne> (accessed: 17.03.2026).
17. Nosov N. A. Virtual'naya real'nost' [Virtual Reality] // Voprosy filosofii. 1999. No. 10. pp. 152-164.
18. Dryagalov V. S., Topchiev M. S. Rol' «ery simulyakrov» v formirovanii cheloveka puteshestvuyushchego [The Role of the «Era of Simulacra» in the Formation of the Travelling Man] // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura. 2014. No. 4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ery-simulyakrov-v-formirovanii-cheloveka-puteshestvuyushchego> (accessed: 13.04.2026).
19. Fantasticheskoe puteshestvie [Fantastic Journey]. URL: <https://fccland.ru/stati/14346-fantasticheskoe-puteshestvie.html> (accessed: 17.03.2026).
20. FGUP «UVO Mintransa Rossii» [Federal State Unitary Enterprise «Departmental Security Department of the Ministry of Transport of the Russian Federation»]. URL: https://www.uvomintrans.ru/novosti-rossii/?ELEMENT_ID=14675 (accessed: 17.03.2026).
21. Chistova A. D. Immersiya v sovremennoy kul'ture kak sredstvo formirovaniya emotsional'noy kul'tury [Immersion in Contemporary Culture as a Means of Forming Emotional Culture] // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2024. Vol. 14, No. 6A. P. 52-57.
22. Shest' pavil'onov vystavki «Rossiya» mozno uvidet' onlayn [Six Pavilions of the «Russia» Exhibition Can Be Seen Online] // Moskva24. 09.04.2025. URL: <https://www.m24.ru/news/gorod/09042025/787282> (accessed: 17.03.2026).
23. Yumartov D. A., Shuvalova M. A. Avtonomnost' i nomadicheskiy relyativizm tsifrovoy identichnosti [Autonomy and Nomadic Relativism of Digital Identity] // Iskusstvennye obshchestva. 2021. Vol. 16, Issue 4. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800017576-2-1> (accessed: 17.03.2026).

24. Yarkova E. N. Tsifrovaya kul'tura kak ob'ekt kul'turologii: k probleme metodologicheskikh al'ternativ [Digital Culture as an Object of Cultural Studies: On the Problem of Methodological Alternatives] // Vestn. Tom. gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2021. No. 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-kak-obekt-kulturologii-k-probleme-metodologicheskikh-alternativ> (accessed: 13.04.2026).
25. Soft Travel – servis, kotoryy delaet opyt puteshestviy dostupnee – keys KODE [Soft Travel – A Service That Makes the Travel Experience More Accessible – KODE Case]. URL: <https://workspace.ru/cases/soft-travel-servis-kotoryy-delaet-opyt-vip-puteshestviy-dostupnee/> (accessed: 17.03.2026).
26. Winston D. Iambulus' Islands of the Sun and Hellenistic Literary Utopias // Science Fiction Studies. 1976. Vol. 3, Part 3. No. 10.
27. Diodori bibliotheca historica. Vol. 1-5. Lpz., 1888-1963. Stuttg., 1964.
28. Fredericks S.C. Lucian's True History as SF // Science Fiction Studies. 1976. Vol. 3, No. 1. Depauw. P. 49-60.
29. Voyages and Travels of Sir John Mandeville. URL: <https://archive.org/details/voyagesandtrave00redwgoog/page/n4/mode/2up> (accessed: 13.04.2026).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По данным ООН, сегодня на Земле проживает 8,25 млрд человек, интернетом из них пользуется 6,04 млрд, что составляет 73,2 % от населения планеты. <https://habr.com/ru/news/959974/>.

Савелова Е. В., Турищев В. С.
E. V. Savelova, V. S. Turishchev

**«НЕ БУДЕТ НИКАКОГО СЛЕДУЮЩЕГО»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
КИТАЙСКОЙ БИОЭТИКИ В РОМАНЕ МО ЯНЯ «ЛЯГУШКИ»**

**«THERE WILL BE NO NEXT»: SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF CHINESE
BIOETHICS IN MO YAN'S NOVEL «FROGS»**

Савелова Евгения Валерьевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Evgenia V. Savelova – Doctor of Philosophy, PhD in Culture Studies, Associate Professor, Professor of Culture Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Турищев Валентин Сергеевич – студент 2-го курса направления подготовки «Культурология» кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: vsturishchev@gmail.com.

Valentin S. Turishchev – 2nd Year Student Major in Culture Studies, Culture Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: vsturishchev@gmail.com.

Аннотация. В данной статье рассматриваются социокультурные особенности китайской биоэтики на примере романа нобелевского лауреата Мо Яня «Лягушки». Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления того, как традиционные конфуцианские ценности взаимодействуют с вызовами современных биомедицинских технологий в Китае. В отличие от западной биоэтики, базирующейся на принципах автономии личности, китайская модель делает акцент на гетерономной этике, где интересы государства и семьи превалируют над индивидуальными правами. В романе «Лягушки» анализируются такие проблемы, как принудительная стерилизация и аборт в рамках политики «одна семья – один ребёнок», определение момента начала человеческой жизни, этические дилеммы суррогатного материнства. Мо Янь избегает однозначных оценок, демонстрируя трагическую двойственность: государственное регулирование рождаемости как «малая негуманность ради великого человеколюбия» приводит к невозможным моральным потерям и чувству вины, преследующему героев. Автор приходит к выводу, что китайская биоэтика представляет собой уникальный синтез конфуцианской традиционности и инновационности, требующий особого подхода, учитывающего культурные и исторические реалии страны.

Summary. This article examines the social and cultural features of Chinese bioethics using the example of the novel «Frogs» by Nobel laureate Mo Yan. The relevance of the research is due to the need to understand how traditional Confucian values interact with challenges of modern biomedical technologies in China. Unlike Western bioethics, which is based on the principles of individual autonomy, the Chinese model focuses on heteronomous ethics, where the interests of the state and the family prevail over individual rights. The novel «Frogs» analyzes such problems as forced sterilization and abortions within the framework of the «one family – one child» policy, determining the moment of the beginning of human life, and the ethical dilemmas of surrogacy. Mo Yan avoids unambiguous assessments, demonstrating tragic ambivalence: state birth control as «a little inhumanity for the sake of great humanity» leads to irreparable moral losses and feelings of guilt that haunt the heroes. The author concludes that Chinese bioethics is a unique synthesis of Confucian tradition and innovation, requiring a special approach that takes into account the cultural and historical realities of the country.

Ключевые слова: культура Китая, биоэтика, социокультурные аспекты биоэтики, конфуцианство, Мо Янь, роман «Лягушки».

Key words: Chinese culture, bioethics, socio-cultural aspects of bioethics, Confucianism, Mo Yan, novel «Frogs».

УДК 008:304.4+821.581

С конца 70-х гг. XX в. биоэтика является активно развивающейся областью знаний, объединяющей в себе естественные и социально-гуманитарные науки. Становление биоэтики как науки зачастую связывают с техническим развитием медицины, появлением новых биомедицинских технологий, позволившим проводить сложные операции, например, трансплантацию органов. Основные принципы современной биоэтики были изложены в двух документах: Конвенции Совета Европы о защите прав и достоинств человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Овьедо 1997 г., вступила в силу в 1999 г.) и Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека (19 октября 2005 г.).

Согласно этим документам, можно выделить следующие принципы:

1. Интересы и благосостояние отдельного человека должны главенствовать над интересами собственно науки или общества.
2. Следует добиваться получения максимальных прямых и косвенных благ для пациентов, участников исследований и других затрагиваемых лиц и сводить к минимуму любой возможный для них вред.
3. Самостоятельность лиц в принятии решений при соответствующей ответственности за эти решения и уважении самостоятельности других.
4. Любое медицинское вмешательство в профилактических, диагностических или терапевтических целях должно осуществляться только с предварительного, свободного и информированного согласия соответствующего лица на основе надлежащей информации [1].

Цель нашего исследования – проанализировать социокультурные аспекты китайской биоэтики в сфере репродуктивных технологий на примере романа «Лягушки» китайского писателя Мо Яня, представителя «литературы поиска корней», который посвящён событиям политики ограничения рождаемости в Китае в 1978-2015 гг. Особенностью творчества Мо Яня является репрезентация традиционного китайского общества и его культуры.

Социокультурные аспекты китайской биоэтики. Биоэтика в Китае начала обсуждаться в конце 70-х – начале 80-х гг., во время проведения политики реформ и открытости [7]. Как отмечают исследователи, особенности китайской биоэтики обусловлены сильной традиционностью общества и влиянием конфуцианских традиций [2; 4; 9-12]. В 1979 г. в Гуанчжоу прошла конференция по философии медицины, где обсуждались технологии, поддерживающие жизнь, трансплантация органов и другие вопросы, активно обсуждаемые в то время западным биоэтическим сообществом. В 80-е гг. изучение биоэтики становится обязательным, Министерство здравоохранения КНР выпускает первые постановления о медицинской этике, на тот момент не имеющие юридического описания, а для китайских колледжей печатается учебник по медицинской этике [10].

В 1988 г. в Шанхае и Юэяне прошли национальные конференции, посвящённые обсуждению биоэтических проблем, и с этого момента, подобные конференции стали проводиться практически каждый год [12]. К началу 2000-х гг. Министерство здравоохранения разработало новые этические стандарты, юридически регулирующие биомедицинские исследования и практики [10].

Главным популяризатором биоэтики в Китае стал Цю Жэньцзун, написавший в 1987 г. книгу «Биоэтика», после публикации она моментально стала популярной. Впоследствии Цю Жэньцзун занял должность главы комитета по этике, а в настоящее время является старшим научным сотрудником в Китайском институте философии, а также председателем Академического комитета в центре биоэтики при Китайской академии медицинских наук.

Цю Жэньцзун считает, что глобальная или универсальная идея биоэтики не может быть реализована из-за существования обществ с разными культурными ценностями [11]. Критикуя эти идеи, Цю Жэньцзун приходит к заключению, что этический универсализм может привести к возникновению этического империализма, и в то же самое время этический релятивизм может привести к этическому варварству. Цю Жэньцзун писал о том, что, отвергая традиционные ценности, можно заплатить высокую цену, поэтому биоэтика в Китае должна идти по особому пути, объединяя традиции конфуцианства и даосизма, с целью сформулировать подходящую для общества

концепцию. В своей работе 2006 г. «Биоэтика: поиск морального разнообразия» Цю Жэньцзун цитирует Конфуция, демонстрируя, что Китай пойдёт по своему пути: «Конфуций сказал бы: «Цзюньцзы (идеальный человек) обладает широким кругозором, но не отождествляет себя с другими». Другими словами, цзюньцзы будет уважать точку зрения другого человека и поддерживать с ним гармоничные отношения, но не будет принимать точку зрения другого человека как свою собственную» [11].

Китайская биоэтика опирается на конфуцианские принципы, такие как «доброжелательность», «справедливость», «целостность», «гармония». Также в китайской биоэтике особое значение приобретают семейно-родственные связи, основой для этого служит принцип сыновней почтительности, которые используются для этического обсуждения, например, эвтаназии [7]. Но при этом китайская биоэтика, которая базируется на традиционных принципах, вполне сосуществует с государственным фокусом КНР на инновационность. Цю Жэньцзун защищает терапевтическое клонирование человека, основываясь на конфуцианской точке зрения, согласно которой человек вступает в «отношения» с миром только после рождения [11].

Традиционное понимание биоэтики привело к тому, что в Китае не прижился один из основополагающих западных принципов биоэтики, а именно «принцип автономии», провозглашающий равенство врача и пациента, его индивидуальность. Также согласно конфуцианскому аргументу о том, что «человек» – это связанное отношениями, а не значимое, индивидуальное, человек становится человеком, только будучи членом общества, исходя из этого, может быть меньше ограничений для проведения опытов на эмбрионах, созданных для исследований [9].

Также стоит отметить, что китайская биоэтика строится на результатах осуществимых действий, а не на принципах или моральной мотивации. В отличие от западной биоэтики, базирующейся на принципах автономии, благодеяния, не нанесения вреда, в китайской биоэтике цель оправдывает средство, исследователь Ре-Фенг Тан указывает, что ограничение репродуктивных прав – это ужасно, но поскольку удалось сократить рождаемость и провести экономические реформы, практику ограничения рождаемости стоит признать положительной [7]. Исходя из того, что в Китае евгеника не имеет такой негативной коннотации, как на Западе, многие биомедицинские исследования, связанные с улучшением человека, осуществлялись именно в Китае, например, редактирование генома – в 2018 г. Хэ Цзянькуй первым в мире редактировал геном ещё не рождённых детей путём воздействия на гены. Китайские учёные осудили эксперимент Цзянькуя, но при этом исследования в этой области не прекратили.

Подобное сочетание традиционности, выраженной в понимании биоэтики через принципы конфуцианства, делающей упор на общность, вкупе с инновационностью и техническим прогрессом создаёт уникальную систему китайской биоэтики, не имеющую аналогов в мире.

Интерпретация концепции китайской биоэтики в романе Мо Яня «Лягушки». Мо Янь (см. рис. 1) (настоящее имя Гуань Мое) родился 17 февраля 1955 г. в деревне Пиньянь, уезд Гаоми, провинция Шаньдун. Детство и юность Мо Яня пришлись на самые тяжёлые времена в истории коммунистического Китая. С 1959 по 1961 гг. в стране был голод, и когда Мо Янь стал известным писателем, в различных интервью он часто рассказывал, что причиной, по которой он решил заниматься литературой, стал писатель, проживавший по соседству и имеющий возможность в голодное время питаться пельменями [5].

В 1966 г. в Китае началась культурная революция, и т. к. семья владела земельным участком, в возрасте одиннадцати лет Мо Янь был исключён из школы. Следующие несколько лет ему пришлось работать пастухом. Помимо этих событий, на творчество Мо Яня сильно повлияли рассказы взрослых, которых он слушал, работая с ними. «Мои уши были наполнены рассказами о сверхъестественном, историческими романами, странными и захватывающими историями, связанными с природой, и это всё создало в моём сознании мощную реальность» [6]. Также следует отметить влияние матери. Будучи неграмотной, она высоко ценила образованных людей, поэтому делала всё возможное для того, чтобы Мо Янь мог получить новые знания. Она никогда не отказывала в покупке книги, даже если не была уверена, что оставшихся денег им хватит на еду.

Рис. 1. Мо Янь

В 1976 г. после нескольких неудачных попыток Мо Яня наконец берут в армию, а через несколько лет, в 1984 г., он становится студентом кафедры литературы Академии Искусств Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Первые рассказы Мо Яня произвели большое впечатление на Сюй Хуайчжуна, известного в Китае писателя, с 1978 г. заведующего кафедрой литературы Академии Искусств НОАК. Под наставничеством Сюй Хуайчжуна Мо Янь написал несколько знаковых произведений, в том числе роман «Красный гаолян», экранизация двух глав которого принесла мировую известность как режиссёру Чжану Имоу, так и Мо Яню.

Сегодня Мо Янь – писатель с мировым именем, обладатель престижных литературных премий, нобелевский лауреат 2012 г., но на рубеже 80-х – 90-х гг. он был провокационным писателем, экспериментирующим с текстом. Романы «Чесночные баллады» (1988 г.), «Тринадцатый шаг» (1988 г.), «Страна вина» (1993 г.) наполнены социальными проблемами, с которыми столкнулось китайское общество на заре реформ. В 1996 г. был опубликован роман «Большая грудь, широкий зад» – одно из самых объёмных произведений Мо Яня, в нём он вернулся к идее длительного исторического повествования, использованной в «Красном гаоляне» (1987 г.). В этом романе китайское общество, народ олицетворяют женщины, в нём повествуется о событиях, с которыми столкнулся Китай в период с 1930-х по 1990-е гг.

В начале и середине 2000-х гг. Мо Янь опубликовал романы, ставшие сегодня наиболее популярными произведениями в западных странах и России. Так, например, роман «Смерть пахнет сандалом» (2001 г.) в 2025 г. был награждён премией «Ясная Поляна» в номинации «Иностранная литература». А роман «Устал рождаться и умирать» в 2009 г. был награждён премией Ньюмана за китайскую литературу, учреждённой Институтом американо-китайских проблем.

В 2009 г. была опубликован роман «Лягушки» [8], основные события которого происходят во время проведения политики ограничения рождаемости. Роман стал синтезом прошлых произведений, в нём присутствуют совмещение современности и мифологических верований, охват исторических событий с конца 1950-х до конца 2000-х гг., остросоциальные темы. Ярким примером такого синтеза является сюжетная линия о «Ферме по разведению лягушек-быков», за фасадом которой скрыто агентство суррогатного материнства, представляющее свои услуги обеспеченным людям для обхода ограничений, вызванных политикой «одна семья – один ребёнок». Помимо этого, в китайском языке слова «лягушка-бык» (Niúwā) и «Ньюва» (Nǚ wā) – мифологический персонаж, позднее богиня даосского пантеона, создательница людей – фонетически похожи. При этом роман стал переходом к новым литературным интересам Мо Яня – драматургии.

В 2011 г. за роман «Лягушки» Мо Янь получил литературную премию Мао Дуня, а в 2012 г. стал лауреатом нобелевской премии по литературе. В 2023 г. театральный режиссёр Никита Кобелев, впоследствии ставший художественным руководителем Александринского театра, поставил спектакль по роману «Лягушки» в Псковском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина (см. рис. 2). В сезоне 2022-2023 гг. спектакль стал восьмикратным номинантом Национальной театральной премии «Золотая маска».

Рис. 2. Фрагмент спектакля Псковского академического театра драмы им. А. С. Пушкина по роману «Лягушки»

Роман «Лягушки» поднимает множество вопросов, связанных с репродуктивной функцией человека, рассмотрением которых занимается биоэтика. Основные проблемы:

1. недостаточная квалификация врача, доверие к медицине и автономность пациента;
2. этичность вмешательства государства или общества в репродуктивные процессы;
3. принудительные аборт, определение начала жизни;
4. суррогатное материнство.

Первая проблема *доверия к медицине и квалификации врача* поднимается в начале романа, когда главная героиня – тётушка (Вань Синь) – проходит курсы акушерки и борется с повитухами. «Уездное управление здравоохранения организовало курсы по родовспоможению, и тётушку послали учиться туда. <...> Весной 1953 года многие женщины сопротивлялись родам по-новому. <...> Первым ребёнком, которого она приняла, стал Чэнь Би. <...> Но в то время требовалось найти, как покончить с деторождением по-старому, и раздумывать было некогда» [8, 132]. Постепенно женщины начинают доверять Вань Синь, а вместе с ней и медицинскому прогрессу, пусть и не до конца его осознавая. «Все женщины, видевшие, как она принимает роды, или рожавшие с ней, испытывали к ней благоговейное уважение. Моя матушка при жизни не однажды говорила нам: У вашей тётушки руки не такие, как у всех. <...> Стоит ей провести рукой по телу больного, на семь десятых болезней уходит. В наших краях женщины тётушку чуть ли не боготворили» [8, 128].

Конечно, подобное восприятие врача противоречит западным принципам биоэтики. В китайской культуре принцип патернализма в отношении врача и пациента был заложен конфуциан-

скими и даосскими традициями. Эти традиции остались и в сознании современных китайцев, доверяющих врачам и не вмешивающихся в их работу даже вопреки нарушениям их собственных прав как пациентов.

Вопросы, связанные с *политикой ограничения рождаемости*, например, такие как принудительные аборты, являются основой романа Мо Яня. В начале книги описываются события 60-х гг. XX в., когда официальная демографическая политика Китая основывалась на поощрении деторождения. «В ту пору, когда рождались “бататники” (см. прим. 1), глава семьи при регистрации прописки в коммуне мог получить талон на один чжан шесть чи пять цуней ткани и два цзиня соевого масла. У отцов семейств <...> влажнели глаза и бились от волнения сердца. Как же славно в новом обществе! Рожашь детей и ещё за это что-то получаешь» [8, 149].

Но через несколько лет политика поощрения деторождения закончилась. «В конце 1965 года из-за стремительного роста населения наверху забеспокоились. <...> Власти выдвинули лозунг: “Один не мало, двое как раз, трое много”» [8, 148]. С этого момента основной задачей тётушки стало осуществление ограничения рождаемости. На этом этапе от неё требовалось лишь распространять информацию о необходимости придерживаться новой политики. Но уже здесь назревает конфликт интересов политического руководства и крестьян, живущих традицией. Тётушка, представляющая государство, начинает терять авторитет среди крестьян, даже сестра – мать рассказчика – вступает с ней в спор и пытается отговорить Вань Синь от попыток контролировать рождаемость. «Ты, сестрица, эти дела с планированием рождаемости сама придумала или сверху заставили? <...> С древности повелось, что рождение детей – непреложный закон неба и земли <...> Зачем тут, спрашивается, ваше планирование? По мне, так вы уподобляетесь слепому, зажигающему фонарь – всё это бесполезные усилия» [8, 152].

Добиться сокращения рождаемости разговорами не удалось, и тогда было принято решение заняться мужской стерилизацией (вазэктомией). «В ту необычную весну <...> было сделано шестьсот сорок восемь операций по стерилизации мужчин. <...> По сути дела, как только объяснили что к чему, определили правильную политику, когда руководители выступили застрельщиками и взялись за осуществление на разных уровнях, облагоразумился и народ. <...> Тех, кто по-настоящему упорствовал и к кому применяли некоторые меры пресечения, было лишь двое» [8, 162]. Из этого отрывка видно, что практически все пациенты разделяли традиционные принципы китайской биоэтики, основанные на приоритете интересов государства над личными. Отсутствие сопротивления при вмешательстве государства в личную репродуктивную сферу обрекает китайское общество на долгие годы трагических переживаний и изломанных судеб. Высокая цена заплачена за жёстко определяемые в то время «высокие цели» системы.

Далее в романе описывается период культурной революции, в это время ограничение рождаемости отодвинули на второй план. А после неё начинаются события конца 70-х – начала 80-х гг. XX в., когда политика «одна семья – один ребёнок» сначала была рекомендательной (ст. 53 Конституции КНР 1978 г.), а позже стала обязательной (ст. 49 Конституции КНР 1982 г.).

Китайское общество, в основном проживающее в деревнях, было очень традиционным, в связи с чем к политике ограничения рождаемости отношение было крайне негативное. На начальных этапах, в 1980-е гг., приходилось привлекать военных в отряды планирования рождаемости, с их помощью проводилась принудительная стерилизация и аборты [3]. Но, помимо принуждения, за отказ от деторождения в некоторых районах КНР выдавалось денежное вознаграждение [3]. В случаях, если беременность не удавалось прервать и в семьях появлялся второй ребёнок, государство вводило в отношении этой семьи санкции, такие как большой денежный штраф, отказ в медобслуживании, невыдача продовольственной карточки ребёнку [4].

Все события, связанные с этим периодом, описываются во второй и третьей частях романа. Вторая часть посвящена первой жене рассказчика – Ван Жэньмэй. После рождения ребёнка ей без добровольного согласия поставили контрацептивное кольцо, что вызвало у неё возмущение. Тётушка объяснила, что по закону, т. к. она жена офицера, ей запрещено иметь второго ребёнка, после этого Ван Жэньмэй расплакалась, на что её муж – Кэдоу (рассказчик) отреагировал вспльщив. «На каком основании без моего согласия... взяли поставили кольцо? Почему родишь одного

ребёнка и больше нельзя? С какой стати? – Прекрати ныть! – не выдержал я. – Это государственная политика!» [8, 168].

В романе несколько раз упоминается о важности проведения ограничения рождаемости. «Планирование рождаемости – большое государственное дело, если население не контролировать, будет не хватать еды, одежды, ухудшится образование, будет трудно поднять уровень жизни населения <...> Планирование рождаемости – задача номер один, она затрагивает перспективы государства, будущее нации <...> Поэтому планирование рождаемости и есть средство малой негуманностью добиться великого человеколюбия» [8, 136]. И о крестьянском обществе, желающем рожать как можно больше: «Попробуй Расскажи им горькую правду, объясни политический курс, хоть все подмётки стопчи, все губы сотри – кто тебя слушать будет?» [8, 172]. Действительно, трудно представить, что чувствуют женщины, которых заставляли лишаться детей, слыша сегодня в новостях о поощрении рождаемости.

Третья часть романа посвящена беременности персонажа Ван Дань, а также в ней поднимается проблема определения начала человеческой жизни. Ван Дань долгое время скрывалась от тётушки, в начале главы она уже находится на седьмом месяце беременности. Из-за этого тётушка и Львёнок (верная ученица и помощница тётушки) сильно переживают, т. к. «пока не вышло из “котла” – это просто кусок мяса, надо резать, так режь, аборт так аборт; а как вышло из “котла” – это уже человек, а человек подпадает под правовую защиту государства» [8, 158].

Впоследствии Ван Дань удаётся найти, описывается сцена погони на реке, в ходе которой у неё начинаются преждевременные роды. Это замечает Львёнок, и она решает отвлечь внимание, спрыгнуть с лодки в воду, чтобы за то время, пока её будут спасать, Ван Дань успела родить ребёнка. После спасения Львёнка тётушка всё поняла, делать аборт было слишком поздно. Поэтому лодку Ван Дань она догоняла не с целью прерывания рождаемости, а принятия родов. «Когда катер и плот тесно сблизилась, тётушка перегнулась и протянула руку. – Убери свои дьявольские когти! – злобно прошипел Чэнь Би, хватаясь за нож. – Это не дьявольские когти, – спокойно проговорила тётушка, – а рука врача-акушера» [8, 265]. Тётушка успешно приняла роды, но Ван Дань умерла.

Вопрос, когда плод можно считать личностью, спустя долгие годы дискуссий не имеет однозначного ответа. Но при этом он представляет собой одну из главных проблем, которые пытается решить биоэтика. В романе «Лягушки» автор не даёт однозначного ответа на этот сложный вопрос, но в конце романа образы нерождённых детей будут преследовать главную героиню и вызывать мучительные страдания.

Проблеме *суррогатного материнства* посвящена четвёртая часть романа и пьеса, завершающая роман. Ещё во второй части Юань Сай в разговоре с рассказчиком после рождения у него дочки намекает на создание центра суррогатного материнства. «Кто родился-то? – спросил Юань Сай. – Девочка. – Ничего, следующим сын будет. – Не будет никакого следующего. – Не кручинься, – подмигнул он таинственно и добавил: – Придёт время, что-нибудь придумаем» [8, 187].

Центр суррогатного материнства Юань Сая работает под прикрытием, согласно официальным данным, на его месте находится ферма по разведению лягушек-быков. Обслуживает этот центр в первую очередь клиентов, желающих обойти выплату штрафа за нарушение планирования рождаемости. Одним из клиентов становится и рассказчик со своей второй женой – Львёнком. Через эту линию раскрывается как проблема суррогатного материнства, так и моральные последствия проведения ограничения рождаемости. Львёнок долгое время пыталась забеременеть, но у неё не получалось. «Потом началось самобичевание, сожаление о том, что она тогда вместе с тётушкой проводила суровую политику по ограничению рождаемости, что привело к стольким абортam, что она нарушила законы природы, и вот он, суд небес, сама не может родить» [8, 305]. Львёнок решает воспользоваться услугами центра суррогатного материнства, в качестве матери она выбирает Чэнь Мэй – дочь Чэнь Би и Ван Дань, родившуюся во время речной погони. После рождения Львёнок и тётушка полгода выхаживали Чэнь Мэй, чтобы она не умерла. Сначала Львёнок действует втайне от мужа, когда он узнает об этом, случается скандал, но со временем он остывает и соглашается на ребёнка.

Биоэтика рассматривает этичность суррогатного материнства с нескольких сторон. По отношению к ребёнку, суррогатной матери и родителям биоэтика задаётся вопросами: Нужно ли знать ребёнку, что он был рождён с привлечением суррогатной матери? Если да, то с какого возраста, и можно ли ему пытаться встретиться с ней? Как не допустить привязанности суррогатной матери к ребёнку, насколько этичны правовые ограничения на встречу суррогатной матери и ребёнка? Не разрушает ли суррогатное материнство институт брака и семьи? Кого в этом случае называть родителями? Того, кто воспитывал ребёнка, вынашивал или был донором биологического материала?

В романе, в последней части – пьесе – описываются страдания суррогатной матери. Поначалу она была готова получить деньги и отказаться от ребёнка, но после его рождения она перестала мыслить себя без него. «Чэнь Мэй (указывая на фотографии младенцев на рекламном щите). Деточка, дитя моё, мама зовёт тебя, слышишь? Ты с мамой в прятки играешь, спрятался и не видишь маму? <...> Простолюдинка на самом деле не хотела родить ребёнка, а получив плату за вынашивание, заплатит за пребывание в больнице и прыгнуть в реку. Но забеременев и почувствовав жизнь у себя в животе, уже не могла решиться на самоубийство» [8, 275].

Сцена, в которой описывается, как у Чэнь Мэй всё-таки забрали ребёнка, представляет собой трагическую и одновременно абсурдную ситуацию. Во время празднования рождения сына рассказчика (его вынашивала Чэнь Мэй), она приходит на церемонию, выхватывает у Лвэнька ребёнка и сбегает. В ходе погони они попадают на съёмочную площадку фильма в древних декорациях, один из актёров играет судьёю (Гао Мэнцзю). Чэнь Мэй обращается к нему с просьбой рассудить, кому достанется ребёнок, и он решает вжиться в роль. Разыгрывается сцена, в результате которой ребёнок достаётся Лвэньку. «Чэнь Мэй и Лвэнок бросаются к ребёнку, ребёнок ударяется в плач. Его выхватывает и прижимает к груди Чэнь Мэй. Гао Мэнцзю. Служители! А ну отнимите у Чэнь Мэй ребёнка. <...> Чэнь Мэй сопротивляется и кричит, но служители держат её. Чэнь Би. Какой же ты невежественный чиновник, Гао Мэнцзю! Ли Шоу (толкает Чэнь Би). Дружище, пусть всё будет как есть, я уже договорился с Юань Саем и Кэдоу, они возместят Чэнь Мэй сто тысяч» [8, 298].

С точки зрения биоэтики описанная ситуация очень тяжёлая. Вплоть до рождения ребёнка всё было проведено с учётом основных принципов биоэтики. Но после родов решение пациента изменилось, с правовой точки зрения она не имеет прав на ребёнка, но как поступить с ней наиболее этично? Автор предлагает читателю самому искать ответ на этот вопрос.

В конце романа и тётушку, и Лвэнька стала мучить совесть за проведение политики ограничения рождаемости. Ещё работая в гинекологическом отделении, она стала отказываться от проведения аборт. «Не стану я больше заниматься этим делом в нарушение законов небесных и человеческих! Я за всю жизнь своими руками не по своей воле больше двух с лишним тысяч младенцев угробила» [8, 323]. Тётушка для искупления своих грехов руками Мастера Хао – её мужа – воссоздаёт убитых ею самой детей. «Вот и ты, маленький умник, маленький шалун, из двух тысяч восьмисот детей, что я погубила, только тебя и не хватало. Ты явился, теперь вы все вместе» [8, 325]. Ей тяжело свыкнуться с мыслью, что она не только дарила жизнь, но и отбирала её. Во время интервью репортёр обращает внимание на её руки, торжественно заявляет, что этими руками были приняты тысячи младенцев. «Тётушка. И этими же обыкновенными руками тысячи младенцев отправлены в ад! (Залпом опрокидывает рюмку.) Тётушкины руки в крови двух видов: одна – благоуханная, другая – зловонная» [8, 315].

Помимо тётушки, совесть одолевает и рассказчика, в последнем письме для Йошихито Сугитани он пишет о своей первой жене Ван Жэньмэй и её нерождённом ребёнке. «Я вообразил себе, что ребёнок, рождённый Чэнь Мэй, – перерождение того, безвременного погибшего младенца, но это самоуспокоение. <...> Каждый ребёнок уникален, его нельзя кем-то заменить. Неужели так никогда и не отмыть руки, запачканные в крови? Неужели душе никогда не освободиться от пут вины?» [8, 328].

Эти строчки становятся выражением того, для чего нужна биоэтика. Конечно, биоэтика не даёт универсальных ответов, проблемы, поставленные ею, решаются с учётом религиозных и

культурных традиций. Биоэтика – это инструмент, цель которого независима от применяемой концепции. Будь то западная или китайская, людям необходимо думать в первую очередь о том, как не допустить страдания и гибель людей. Но эта задача крайне сложная. События, вызванные планированием рождаемости в Китае, можно описать словами тётушки о планировании рождаемости как средстве малой негуманностью добиться великого человеколюбия. И поспорить с этим с точки зрения биоэтики нелегко, ведь в истории Китая были примеры массового голода, вызванного перенаселением, когда умирали десятки миллионов человек.

Таким образом, позиция Мо Яня по ряду вопросов китайской биоэтики в романе «Лягушки» не сводится к прямолинейному осуждению или оправданию – автор намеренно избегает однозначных оценок и выстраивает сложную, многомерную картину. Мо Янь не даёт готовых моральных оценок, но демонстрирует, как государственная политика ломает человеческие судьбы, и заставляет читателя самому пройти через этот тяжёлый опыт. Так автор утверждает гуманистический взгляд на современные ему биоэтические проблемы, показывая, как большая политика вторгается в частную жизнь, разрушает моральные ориентиры и оставляет после себя чувство вины, которое невозможно до конца искупить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека // Организация Объединённых Наций, сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 10.08.2026). – Текст: электронный.
2. Есаулкова, Л. С. Функции устойчивости и преемственности традиций в китайской культуре / Л. С. Есаулкова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № II-3 (3). – С. 98-102.
3. Манухина, О. В. Аспекты демографической политики КНР в 1949–2023 годах / О. В. Манухина // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 47-58.
4. Мусалитина, Е. А. Биоэтические проблемы демографической политики Китая: предпосылки и современность / Е. А. Мусалитина, С. В. Бобышев // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 1. – С. 25-33.
5. Мо Янь: интервью // Нобелевская премия, сайт. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2012/yan/interview/> (дата обращения: 10.08.2026). – Текст: электронный.
6. Мо Янь: нобелевская лекция // Нобелевская премия, сайт. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2012/yan/lecture/> (дата обращения: 10.08.2026). – Текст: электронный.
7. Попова, О. В. Биоэтика как реляционная философия действия (на примере китайской биоэтики) / О. В. Попова // Горизонты гуманитарного знания. – 2023. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioetika-kak-relyatsionnaya-filosofiya-deystviya-na-primere-kitayskoy-bioetiki> (дата обращения: 10.08.2026). – Текст: электронный.
8. Мо Янь. Лягушки / Мо Янь; пер. с кит. И. Егорова. – М.: Эксмо, 2024. – 384 с.
9. Heiner, R. Confucianism and the Search for Global Ethics // Civilization and Peace. – Seoul: The Academy of Korean Studies, 2007. – P. 272-299. – URL: <https://philarchive.org/rec/ROECAT-4> (дата обращения: 10.08.2026). – Текст: электронный.
10. Hennig, W. Bioethics in China: although national guidelines are in place, their implementation remains difficult // EMBO Reports. – 2006. – Vol. 7, no. 9. – P. 850-854. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC1559670/> (дата обращения: 10.08.2026). – Текст: электронный.
11. Qiu, R. Bioethics: a search for moral diversity // Eastern Mediterranean Health Journal. – 2006. – Vol. 12, suppl. 1. – P. S21-S29. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17037685/> (дата обращения: 10.08.2026). – Текст: электронный.
12. Qiu, R. Z., Jin D. J. Bioethics in China: 1989–1991 // Bioethics Yearbook. Vol. 2 / eds. B. A. Lustig [et al.]. – Dordrecht: Springer, 1992. – URL: https://doi.org/10.1007/978-94-011-2846-9_14 (дата обращения: 10.08.2026). – Текст: электронный.

REFERENCES

1. Heiner R. Confucianism and the Search for Global Ethics. Civilization and Peace. Seoul, The Academy of Korean Studies, 2007, p. 272-299. Available at: <https://philarchive.org/rec/ROECAT-4> (accessed 10 August 2026).

2. Hennig W. Bioethics in China: although National Guidelines are in Place, their Implementation Remains Difficult. EMBO Reports, 2006, Vol. 7, no. 9. p. 850-854. Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC1559670/> (accessed 10 August 2026).
3. Manukhina O. V. Aspects of China's Demographic Policy in 1949-2023. Narodonaseleniye [Population], 2024, Vol. 27, no. 4, p. 47-58. (In Russian). doi: 10.19181/population.
4. Musalitina E. A., Bobyshev S. V. Bioethical Issues in China's Demographic Policy: Background and Current State. Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today], 2023, no. 1, p. 25-33. (In Russian). doi: 10.31857.
5. Nobelevskaya premiya: Mo Yan': interv'yu (Nobel Prize: Mo Yan: interview). Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2012/yan/interview/> (accessed 10 August 2026).
6. Nobelevskaya premiya: Mo Yan': Nobelevskaya leksiya (Nobel Prize: Mo Yan: Nobel Lecture). Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2012/yan/lecture/> (accessed 10 August 2026).
7. Popova O. V. Bioethics as a Relational Philosophy of Action (using Chinese Bioethics as an Example). Gorizonty gumanitarnogo znaniya [Horizons of Humanitarian Knowledge], 2023, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioetika-kak-relyatsionnaya-filosofiya-deystviya-na-primere-kitayskoy-bioetiki> (accessed 10 August 2026).
8. Qiu R. Bioethics: a Search for Moral Diversity. Eastern Mediterranean Health Journal, 2006, Vol. 12, suppl. 1, pp. S21-S29. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17037685/> (accessed 10 August 2026).
9. Qiu R. Z., Jin D. J. Bioethics in China: 1989-1991. Bioethics Yearbook. Dordrecht, Springer, 1992, Vol. 2. Available at: https://doi.org/10.1007/978-94-011-2846-9_14 (accessed 10 August 2026).
10. Vseobshchaya deklaratsiya o bioetike i pravakh cheloveka [Universal Declaration on Bioethics and Human Rights]. Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy (The United Nations). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (accessed 10 August 2026).
11. Yan' Mo. Lyagushki [Frogs]. Moscow, Eksmo Publ., 2024. 384 p. (In Russian).
12. Yesaulkova L. S. The Functions of Stability and Continuity of Traditions in Chinese Culture. Uchenyye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Scientific Notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University], 2010, Vol. 2, no. 3, p. 98-102. (In Russian). doi: 10.17084/uzknastu.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Бататники – дети, рождённые в период всплеска рождаемости в Китае в начале 1960-х гг. после хорошего урожая батата.

Титорева Г. Т.
G. T. Titoreva

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГРОДЕКОВСКОГО МУЗЕЯ

HISTORY OF THE ETHNOGRAPHIC COLLECTION OF THE GRODEKOV MUSEUM

Титорева Галина Теодоровна – кандидат искусствоведения, заведующий научно-исследовательским сектором этнографии Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова (Россия, Хабаровск); тел. 8(962)222-45-65. E-mail: mazo2005@mail.ru.

Titoreva Galina Teodorovna – Candidate of Art History, Head of the Ethnography Research Section, Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov (Russia, Khabarovsk); tel. 8(962)222-45-65. E-mail: mazo2005@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается история формирования и состав одной из самых больших музейных коллекций по этнографии коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Архивные материалы позволили выявить имена собирателей, дарителей, внесших наиболее значимый вклад в формирование этнографического собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова. Статья вводит в научный оборот малоизвестные сведения, способствует большей доступности музейного фонда Российской Федерации.

Summary. The article examines the formation history and composition of one of the largest museum collections on the ethnography of indigenous minorities of the Far East. Archival materials have made it possible to identify the names of collectors and donors who made the most significant contribution to the formation of the ethnographic collection of the Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov. The article introduces little-known information into scientific circulation and contributes to greater accessibility of the museum fund of the Russian Federation.

Ключевые слова: музейное дело, этнографическая коллекция, Хабаровский краевой музей.

Key words: museum studies, ethnographic collection, Khabarovsk Regional Museum.

УДК 39

Начало формирования этнографического собрания Хабаровского краевого музея (ХКМ) им. Н. И. Гродекова относится к XIX в. и связано с деятельностью Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, члены которого, находясь в служебных или научных поездках по Дальнему Востоку, привозили разного рода предметы, характеризующие быт, промысловую деятельность, верования и художественные ремёсла коренных жителей региона. Наряду с естественнонаучными коллекциями эти сборы составили основу созданного в 1894 г. Хабаровского музея (до 1921 г. – Музей Приамурского отдела Императорского Русского географического общества). На момент его торжественного открытия 19 апреля 1894 г. в собрании числилось «предметов по этнографии – 257, антропологии – 6, древностей – 46» (см. прим. 1). До 1917 г. город Хабаровск являлся административным центром Приамурского генерал-губернаторства, в который входил весь российский Дальний Восток, включая северные его территории. Поэтому в Хабаровском музее сформировались коллекции по этнографии чукчей, эскимосов, алеутов, якутов и других народов. Однако наиболее полно представлены в музейном собрании коренные народы Хабаровского края: нанайцы, ульчи, нивхи, удэгейцы, эвенки, эвены, негидальцы и орочи.

Сегодня этнографическая коллекция ХКМ им. Н. И. Гродекова насчитывает более 5500 предметов XIX – XXI вв., в числе которых одежда, средства передвижения, орудия охоты и рыболовства, разнообразные предметы быта, атрибуты шаманского культа, модели жилых и хозяйственных построек и многое другое.

Первые значительные поступления в этнографическое собрание музея были связаны с военными экспедициями по обследованию восточных рубежей российского государства. В 1894 г.

офицер Генерального штаба капитан С. Г. Леонтович, проводивший с охотничьей командой 6-го Восточно-Сибирского линейного батальона рекогносцировку долины р. Тумнин и её притоков, собрал большую коллекцию, «всесторонне характеризующую быт орочей. Коллекция заняла целую стену, от пола до потолка, одной из комнат музея: встречается много моделей жилищ, лодок и разных снарядов для зверовой и рыбной ловли, несколько истуканов, прекрасные шкуры лосей, чум из рыбьей кожи и проч.» (см. прим. 2). Кроме сбора вещей, офицер записывал ороческие слова, опубликовав в 1896 г. краткий русско-орочский словарь [3].

Летом того же года начальник охотничьей команды 7-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона поручик Н. Д. Кузьмин из экспедиции по р. Бикин привёз и передал в музей коллекцию из более чем 50 предметов этнографии удэгейцев, среди которых уникальный сэвэн Дым Яго Тыэнку – крылатый тигр, а также женский шаманский нагрудник и многое другое. Н. Д. Кузьмин и позже продолжал комплектовать этнографическое собрание музея предметами, собранными им в служебных поездках (см. прим. 3). «Остаётся пожелать, чтобы охотничьи команды, предполагаемые к посылке в будущем, последовали примеру капитана Леонтовича и поручика Кузьмина, не заботясь о том, чтобы собираемые для коллекций предметы представляли непременно какую-либо ценность. Многие то, что на месте покажется не заслуживающим внимания, найдёт себе приличное место в музее и, конечно, будет принято с благодарностью», – писала газета «Приамурские ведомости» 22 января 1895 г. (см. прим. 2). В первый год существования музея в его фонды поступили также полный костюм якутки из 11 предметов, переданный Егором Чудиновым, ламутский (эвенский) праздничный костюм, подаренный г-жой Хлебниковой, и другие интересные предметы.

Из поступлений конца XIX в. следует выделить особо ценную коллекцию предметов шаманского культа и фотографий, привезённых чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе Петром Поликарповичем Шимкевичем из экспедиций, которые он совершил в 1894-1895 гг. к гольдам (нанайцам), проживающим на р. Тунгуске и на протоке Сепчики [4, 11; 2, 18-19]. Сэвэны и элементы шаманского костюма, поступившие в собрание Хабаровского музея, а позже описанные в книге П. П. Шимкевича «Материалы для изучения шаманства у гольдов» [5], и сегодня составляют гордость Гродековского музея.

С именем П. П. Шимкевича связано начало формирования и якутской коллекции. В 1894 г., находясь в длительной служебной командировке, преодолев 4500 верст «на лодках, пешком, на лошадях и оленях», он по поручению Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО) и на средства якутских меценатов приобрёл для Хабаровского музея 95 предметов материальной культуры якутов и эвенков, в том числе якутские мужской и 2 женских костюма, серебряные украшения, седла с выючными сумками и др. (см. прим. 4).

В конце XIX в. в Хабаровском музее начала складываться айнская коллекция. В 1897 г. 18 предметов айнской культуры были переданы в фонды музея начальником Александровской округи на Сахалине С. Н. Таскиным. В их число входят 2 уникальных орнаментированных халата из рыбьей кожи. Поистине драматичная история связана с поступлениями в Гродековский музей айнских предметов от венгерского исследователя Бенедек Баратоши Балоба. Попав в лихолетье Первой мировой войны, он не смог отправить на родину многочисленные коллекции, собранные на о. Хоккайдо и на Амуре в 1914 г. Значительная часть его сборов была утрачена. Только благодаря знакомству и помощи Б. Балобу со стороны В. К. Арсеньева небольшая коллекция из 48 предметов поступила в собрание Хабаровского музея [1].

Большой вклад в формирование коллекции по этнографии чукчей внёс начальник Анадырского округа Н. Л. Гондатти (в 1911-1917 гг. – Приамурский генерал-губернатор). В 1896 г. по его просьбе поручик А. П. Сильницкий доставил в Хабаровск груз из 28 багажных мест, который содержал естественнонаучные и этнографические коллекции, предназначенные в дар Приамурскому отделу ИРГО. В большом списке, кроме всего прочего, числились «костюм чукчанки; дорожный костюм чукчи; костюм чукчонка, начавшего ходить; ... костюм чукчи, употребляемый при охоте на морского зверя; кухлянка из моржовых кишок; омоковский дом (по объяснению Гондатти, омоки – народ, живший раньше в Чукотской земле; в настоящее время от него осталось лишь 5 человек); ... нарта круглая для езды на охоту; ... 14 образцов изделий из бересты. Бат, употреб-

ляемый в Анадырском крае для плавания по реке. Байдара с р. Анадыри. ... Девять черепов различных зверей. Голова мамонта с Чукотского Носа. Два бивня, зуб и кость мамонта из Анадырского края и Камчатки» (см. прим. 5). В 1898 г. Н. Л. Гондатти прислал в музей ещё «три ящика вещей для пополнения ранее пожертвованной им в Хабаровский музей коллекции из быта чукчей» (см. прим. 6).

В последние годы XIX в. в Хабаровский музей поступило несколько уникальных коллекций, в том числе, 80 предметов «из жизни гольдов и гиляков и альбом гольдских орнаментов» от Н. И. Гродекова, а также предметы быта и промысла гиляков (нивхов) от К. Н. Чернышова, среди которых 3 ковша для медвежьего праздника и «кукла умершей женщины» – атрибуты погребального культа нивхов (см. прим. 7, 8).

Необычный дар поступил от священника Свято-Троицкой миссионерской церкви П. Ф. Ляхоцкого. Это были шаманские атрибуты: посох шамана и 2 сэвэна. Принимая во внимание отрицательное отношение Православной церкви к шаманизму и язычеству, этот случай можно считать исключительным.

Основная часть музейной этнографической коллекции сформировалась в течение XX в. Большую роль в её комплектовании сыграл В. К. Арсеньев, в течение 10 лет служивший директором Гродековского музея. С конца 1905 г. Владимир Клавдиевич Арсеньев жил в Хабаровске, с этого времени и началось его многолетнее изучение истории и культуры коренных народов Приморья и Приамурья. Этнографическая коллекция дальневосточных этносов, собранная В. К. Арсеньевым, насчитывает 143 единицы хранения. Большая часть из них принадлежала удэгейцам (81 единица хранения), 31 нанайский предмет, 16 орочских, 2 эвенкийских, 6 нивхских и 7 чукотских и корякских [6].

Самой многочисленной среди этнографических сборов В. К. Арсеньева является коллекция предметов материальной и духовной культуры удэгейцев, среди которой – уникальный комплекс защитников удэгейского шамана, который В. К. Арсеньев доставил с р. Уленгоу – Кусун. Это безусловная гордость Гродековского музея, его «визитная карточка». Со времени поступления в музей в 1911 г. и до сегодняшнего дня он украшает постоянную экспозицию музея. К числу особо ценных экспонатов, собранных В. К. Арсеньевым у удэгейцев, относятся и маски *хамбаба*, которыми шаман закрывал лицо во время камлания, берестяной футляр для хранения бубна, покрытый сакральными изображениями, короб для хранения шаманского пояса, а также удэгейская культовая скульптура, два нанайских халата амири из рыбьей кожи и женский праздничный халат из ровдуги лося, декорированный аппликацией из кожи рыбы.

Среди поступлений 1910-х гг. можно назвать коллекцию из 23 предметов традиционной культуры ульчей, орочей и нанайцев, собранную учеником 7-го класса реального училища г. Хабаровска Григорием Стрижевским, и экспонаты, поступившие в музей по окончании Выставки Приамурского края, проходившей в г. Хабаровске в 1913 г. В том же 1913 г. в Гродековский музей Приамурского отдела ИРГО поступил дар сахалинского врача В. А. Штейгмана: 11 предметов по этнографии сахалинских нивхов. В составе этой небольшой коллекции два ковша *ньхыр* для сердца медведя, убитого на специальном празднике.

В 1925 г. по рекомендации Л. Я. Штернберга В. К. Арсеньев пригласил на работу в Хабаровский музей выпускницу этнографического факультета Ленинградского университета Нину Алексеевну Серк. Она стала достойной преемницей В. К. Арсеньева, возглавила отдел этнографии, успешно занималась и комплектованием коллекции, и систематизацией музейного собрания. В 1927 г. в Москве состоялась Выставка искусства народностей СССР, посвящённая 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Н. А. Серк наряду с другими сотрудниками музея и московскими этнографами занималась сбором экспонатов по народам Приамурья. Часть предметов после выставки вернулась в Хабаровск и пополнила этнографическое собрание Гродековского музея, в том числе женский зимний халат из кожи рыб, привезённый Н. А. Серк от удэгейцев р. Хор.

В 1927 г. по просьбе музея выпускник этнографического факультета Ленинградского университета Е. А. Крейнович, направленный на Сахалин для изучения языка и культуры нивхов, со-

брал и передал в фонды коллекцию, состоящую в основном из орудий промысла. Кроме этого, Е. А. Крейнович был привлечён к сбору экспонатов для московской выставки. Сохранилась записка, отправленная ему заведующим художественным отделом музея П. М. Покровским, назначенным ответственным за сбор экспонатов по народам Дальневосточного края: «... прошу Вас купить на 25 руб., переведённых Сахалинскому ОНО, несколько вещей искусства туземцев Сахалина и в ближайшее время отослать их в Хабаровский музей». С аналогичной просьбой Покровский обратился и С. В. Иванову, работавшему в это время среди ульчей и нанайцев: «Дорогой Сергей Васильевич! От имени ДВ крайкомиссии содействия ГАХН к Вам и Нестору Константиновичу (Каргеру – Г. Т.) ещё раз просьба уделить максимум внимания подбору экспонатов для выставки в Москве. ... Особое внимание уделите ярко-красочным вещам и резьбе по дереву, кости, камню (ольчей, гиляк, гольдов)» (см. прим. 9).

Деятельность Петра Михайловича Покровского сыграла большую роль в формировании этнографической коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Прекрасный специалист в области этнографии и народного искусства, П. М. Покровский совершил многочисленные экспедиции по амурским сёлам, с энтузиазмом собирая коллекции этнического искусства. Большая часть этих изделий впоследствии была передана во вновь созданный Дальневосточный художественный музей, директором которого П. М. Покровский служил вплоть до его ареста и расстрела в 1938 г.

В 1927 г. фонды Хабаровского музея пополнила большая и тематически разнообразная коллекция из 225 предметов материальной и духовной культуры народов Нижнего Амура, переданная Николаевским-на-Амуре окружным отделом народного образования. Этому предшествовала длительная переписка, после которой этнографические предметы были собраны из подведомственных школ, где хранились в ненадлежащих условиях, и переданы в Хабаровский музей.

Значительно пополнилось в 1927-1929 гг. собрание Хабаровского музея по этнографии народов Крайнего Северо-Востока. Не имея средств для дорогостоящих экспедиций в северные районы Дальнего Востока, музей обращался к помощи людей, командированных туда по служебным делам других организаций. Им давалась некоторая сумма денег и инструкции по сбору материала. Самая многочисленная коллекция из 180 предметов этнографии чукчей, эскимосов, ламутов (эвенов) поступила от уполномоченного Главнауки Наркомпроса РСФСР К. Я. Лукса. В формировании «северной» коллекции также приняли участие сотрудник Дальгосторга В. П. Сторчак, сотрудник Центрального статистического управления К. Б. Шавров, сотрудник Пенжинской культбазы Н. Н. Билибин, студент-практикант Института народов Севера Н. И. Спиридонов, сотрудник Тихоокеанской научно-промысловой станции Тихоокеанского института рыбного хозяйства А. Г. Кагановский и др.

В 1930-1940-е гг. количество этнографических предметов, поступающих в фонды музея, значительно снизилось. Это было связано с тем, что приоритетным направлением музейной деятельности стало отражение революционных преобразований в стране, в том числе в жизни коренных народов. В этнографической экспозиции музея акцент был сделан на показе «основных средств производства туземцев», соответствующим материалом комплектовались и музейные коллекции. В отчёте о работе музея за 1940 г. сообщалось: «Была проведена экспедиция в Нанайский район по изучению и сбору материала по жизни и быту нанайцев. На основе изученного и собранного материала в отделе сделан интерьер “Бытовая обстановка нанайца до революции” и “Бытовая обстановка председателя колхоза “Новый путь” Николая Бельды”. В интерьерах даны подлинные вещи» (см. прим. 10).

В 1940-1950-е гг. музеем было организовано несколько комплексных экспедиций, которые занимались в том числе сбором этнографического материала. Так, в 1948 г. экспедиция музея в составе научных сотрудников Е. Д. Корзо, М. И. Букреевой и фотографа И. И. Овчарука в течение месяца работала в Охотском районе Хабаровского края, откуда привезла около 20 предметов этнографии эвенов (см. прим. 11). В 1949 г. состоялась большая комплексная научно-краеведческая экспедиция по Амуру (Нанайский, Ульчский и Николаевский районы), в состав которой, кроме сотрудников музея, вошли преподаватели и студенты Хабаровского педагогического института

(см. прим. 12). Этнографическими сборами в этой экспедиции занимались сотрудник музея Е. П. Мельниченко и в большей степени студент исторического факультета О. Л. Воля. Его полевые записи сохранились в научном архиве Гродековского музея (см. прим. 13). В ходе экспедиции были собраны инструменты по обработке различных природных материалов и изделия из них.

Значительно пополнилась этнографическая коллекция в 1959-1960 гг. Помимо разовых, эпизодических приобретений, в фонды музея поступили большие коллекции, собранные в экспедициях. В марте 1959 г. сотрудники музея Ф. Н. Швердин и Н. А. Михайлюк из экспедиции в Нанайский район (сёла Джари, Найхин, Дада, Бира) привезли «28 натуральных экспонатов, отражающих быт нанайцев», а также литературу на нанайском языке, различные документы и т. д. В том же году Г. В. Таскаева выезжала для сбора материала в Ульчский район (сёла Булава, Богородское), откуда привезла 65 предметов, в том числе элементы традиционной свадебной и праздничной одежды ульчей: женскую шапку из меха рыси, свадебный воротник и нагрудник (см. прим. 14).

В 1959 г. в Хабаровске прошла большая краевая выставка изделий народного творчества, в организации которой приняли участие сотрудники Хабаровского музея. На выставке были представлены художественные работы из всех районов края. После экспонирования большое количество предметов было передано в фонды Гродековского музея, среди них «национальные ковры, халаты, изделия из тальника, резьба по дереву, модель упряжки, свадебная ложка и др.» (см. прим. 15). Вероятно, изделия знаменитых на Амуре мастеров Колбо Бельбы и Майлы Актанко, поступившие в музей в 1959 г., экспонировались на этой выставке.

В 1960 г. в Приамурье в течение 4 месяцев работала Амурская Историко-археологическая экспедиция, организованная Хабаровским краеведческим музеем. Её этнографический отряд возглавлял кандидат исторических наук научный сотрудник Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР Юрий Александрович Сем, впоследствии автор фундаментальной монографии «Нанайцы. Материальная культура (2-я половина XIX – середина XX в.): этнографические очерки» [4]. Юрий Александрович много лет сотрудничал с Хабаровским краевым музеем: консультировал при создании экспозиций, связанных с историей и культурой коренных народов Приамурья, помогал атрибутировать и описывать этнографические коллекции, участвовал в написании нового тематико-экспозиционного плана (см. прим. 16). В этнографическом отряде работали и специалисты музея: старший научный сотрудник В. А. Кириченко и художник В. Д. Линиченко – однако сборами музейных предметов занимался главным образом сам Ю. А. Сем. Результатом этой работы стала обширная коллекция предметов культуры и быта нанайцев, поступившая в музей.

Большой вклад в комплектование музейных коллекций внесла Клавдия Павловна Белобородова (1906–1999), много лет служившая искусствоведом Хабаровских художественно-промышленных мастерских Хабаровского отделения Союза художников РФ. Она выезжала в национальные сёла края, поддерживала связи с лучшими мастерами, приобретала их изделия, которые в дальнейшем отбирали для своих фондов музеи не только Хабаровского края, но и Москвы и Ленинграда. Таким путём в 1980-е гг. в Гродековский музей поступила значительная часть предметов культуры коренных народов Приамурья.

Основным источником комплектования этнографической коллекции музея в 1990-2000 гг. по-прежнему служили научные экспедиции в национальные районы края. Т. В. Мельникова, С. В. Гончарова, Н. А. Соболевская, Г. Т. Титорева и другие сотрудники музея дополнили этнические коллекции сотнями предметов культуры эвенков, нанайцев, ульчей, удэгейцев. В течение нескольких лет сотрудники отдела этнографии при поддержке Российского гуманитарного научного фонда занимались полевыми исследованиями этнографии эвенов Приохотья. Ежегодно выезжая в труднодоступные стойбища кочевников-оленоводоов Охотского района Хабаровского края, этнографы собрали обширную коллекцию предметов и фотографий, которая дополнила приобретения первой половины XX в.

В числе наиболее ценных экспонатов, поступивших в фонды музея в 2000-2010-е гг., можно отметить два китайских сундука с сюжетной росписью, резной стол, используемый нанайцами рода Ходжер для ритуала поклонения родовым духам, коллекцию предметов, принадлежавших уль-

ческой шаманке Е. Г. Оберталиной (полный костюм, сэвэны, различные атрибуты), а также большую коллекцию предметов быта ульчей конца XIX – начала XX вв., приобретённую в с. Ухта Ульчского района, в том числе серебряный слиток ямб, служивший средством платежа в Китае.

Формирование этнографической коллекции Гродековского музея продолжается непрерывно. В 2020 г. при финансовой поддержке компании «Полиметалл» музей приобрёл большую коллекцию изделий амурских мастеров XIX – XX вв., собранную Хабаровским отделением Фонда культуры, которая включала произведения выдающегося нанайского художника Николая У (1958–2008). Последними приобретениями музея 2023–2025 гг. стали четыре ковра из птичьих шкур, ровдуги и камуса лося, изготовленные негидальскими мастерицами с. Владимировки района им. П. Осипенко.

Помимо вещевой коллекции, в фондах ХКМ им. Н. И. Гродекова хранится большое количество фотографий и негативов, отражающих различные сферы традиционной и современной истории и культуры коренных народов Дальнего Востока, а также коллекция книг национальных писателей, словари, учебники и другая печатная продукция.

Культура коренных народов Севера вызывает неизменный интерес у посетителей музея. Предметы этнографической коллекции постоянно используются в различных формах музейной деятельности: экспозиционно-выставочной, просветительской, образовательной. Значительная часть этнографического собрания Гродековского музея представлена в его постоянной экспозиции «Традиционная культура коренных народов Хабаровского края». Этнографическая экспозиция – одна из самых востребованных и посещаемых туристами и жителями края.

Продолжая традиции своего славного предшественника В. К. Арсеньева, специалисты сектора этнографии в течение 15 последних лет занимались научной каталогизацией этнографического собрания музея. Результатом кропотливой, сложной работы по атрибуции, систематизации, описанию 5500 музейных экспонатов стало издание 17 этнических и тематических каталогов.

Формирование этнографической коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова шло на протяжении всей 130 летней истории существования музея. В нём приняли участие десятки специалистов музейного дела, государственных чиновников, путешественников, исследователей, военнослужащих. В результате Гродековский музей стал обладателем одного из самых крупных собраний предметов этнографии коренных народов Дальнего Востока, содержащего уникальные коллекции традиционной и современной культуры местных этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельникова, Т. В. Айны. Каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / Т. В. Мельникова, М. В. Осипова, А. А. Пономарева. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2013. – 136 с.
2. Забытое путешествие: Фотографии Петра Шимкевича. XIX век» / авт.-сост. В. Б. Малакшанова. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2021. – 292 с.
3. Леонтович, С. Г. Краткий русско-ороченский словарь с грамматической заметкой / С. Г. Леонтович. – Владивосток: Типография Н. В. Ремезова, 1896. – 147 с.
4. Сем, Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (2-я половина XIX – середина XX в.): этнографические очерки / Ю. А. Сем. – Владивосток: Изд-во ДВФ СО АН СССР, 1973. – 314 с.
5. Шимкевич, П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов / П. П. Шимкевич // Записки ПО ИРГО. – Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского Генерал-губернаторства, 1896. – 2. – Вып. 1. – 133 с.
6. Титорева, Г. Т. Этнографическая коллекция В. К. Арсеньева из собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова: каталог / Г. Т. Титорева. – Хабаровск: ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2024. – 176 с.

REFERENCES

1. Ainy. Katalog kollekcii Habarovskogo kraevogo museya im. N. I. Grodekova [The Ainu. The Ainu collection of the Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov]. Habarovsk, HKM Rubl. 2013. 136 p. (In Russian).
2. Zabytoe puteshestvie: Fotografii Petra Shimkevicha. XIX v. [Forgotten journey: photos by Pyotr Shimkevich. XIX century]. Habarovsk, Habarovskaja kraevaya tipografija, 2021. 292 p. ((In Russian).
3. Leontovich S. G. Kratkij russko-orochenskij slovar s grammaticheskoy zametkoj [A concise Russian-Orochen Dictionary with a Grammatical Note]. Vladivostok, Tipografiya N. V. Remezova, 1896. 147 p. (In Russian).

4. Sem U. A. Nanajcy. Materialnaja kultura (2-ja polovina XIX – sredina XX v.): Etnograficheskie ocherki [The Nanai People. Material Culture (Second Half of the 19th – Mid-20th Century). Ethnographic Essays]. Vladivostok, DVF SO AN SSSR Rubl, 1973. 314 p. (In Russian).
5. Shimkevich P. P. Materialy dlya izucheniya shamanstva u goldov [Materials for the Study of Shamanism among the Golds]. Habarovsk, Tip. Kancelyarii Priamurskogo General-gubernatorstva, 1896. 133 p. (In Russian).
6. Etnograficheskaya kollekcija V.K. Arseneva iz sobranija Habarovskogo kraevogo museya im. N. I. Grodekova [Ethnographic collection of V. K. Arsenyev from the collection of the Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov]. Habarovsk, HKM Rubl. 2024. 176 p. (In Russian).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Приамурские ведомости. Хабаровск. – 8 декабря 1896 г. – С. 12-14.
2. Приамурские ведомости. Хабаровск. – 22 января 1895 г. – С. 11.
3. Приамурские ведомости. Хабаровск. – 21 марта 1899 г. – С. 11-12.
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. И-2. О. 1. Д. 2. Л. 22.
5. Приамурские ведомости. Хабаровск. – 24 ноября 1896 г. – С. 9-10.
6. Документы о коллекциях Хабаровского музея. 1858-1915 гг. ХКМ КП 7872. Л. 221, 277.
7. Приамурские ведомости. Хабаровск. – 27 июля 1897 г. – С. 6-7.
8. Приамурские ведомости. Хабаровск. – 30 августа 1898 г. – С. 3-5.
9. ГАХК. Ф. Р-704. О. 1. Д. 13. Л. 39.
10. Научный архив Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова (НА ХКМ). О. 1. Д. 31. Л. 5.
11. НА ХКМ. О. 1. Д. 62. Л. 12-18.
12. НА ХКМ. О. 1. Д. 57. Л. 109.
13. НА ХКМ. О. 1. Д. 70. Л. 42-49.
14. НА ХКМ. О. 1. Д. 123. Л. 10 об.-11.
15. НА ХКМ. О. 1. Д. 123. Л. 14 об.
16. НА ХКМ. О. 1. Д. 97. Л. 11.

Шамак А. А.
A. A. Shamak

«ГОДЫ КУЛЬТУРЫ» В ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ И КИТАЯ

THE «YEARS OF CULTURE» IN THE BORDER REGIONS OF RUSSIA AND CHINA

Шамак Арина Александровна – аспирант кафедры «Общество и государство» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. +7(924)228-03-37. E-mail: arinashamak@gmail.com.

Arina A. Shamak – Postgraduate Student, Society and State Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. +7(924)228-03-37. E-mail: arinashamak@gmail.com.

Аннотация. В работе исследован феномен перекрёстных «Годов культуры» России и Китая 2024-2025 гг. в контексте приграничного сотрудничества. Рассмотрены основные направления реализации «Годов культуры», включая культурно-выставочные мероприятия, образовательные и научные программы, гуманитарные обмены, промокампании и инфраструктурные проекты. Установлено, что культурное взаимодействие выступает важным инструментом «мягкой силы», которая способствует уменьшению социокультурной дистанции и выступает опорой для развития доверия между странами. «Годы культуры» преобразовались из отдельных мероприятий в целую систему сотрудничества, которая оказала положительное влияние на развитие связей в различных отраслях: культурных, образовательных и экономических.

Summary. The presented scientific work examines the phenomenon of the cross «Years of Culture» between Russia and China in 2024-2025 in the context of cross-border cooperation. It analyzes the key area of implementation, including cultural and exhibition events, educational and academic programs, humanitarian exchanges, promotional initiatives and infrastructure projects. It has been established that cultural interaction functions as an effective instrument of «soft power», facilitating the reduction of socio-cultural distance and serving as a foundation for the development of mutual trust between the two countries. Furthermore, the «Years of Culture» have evolved from a series of discrete events into an integrated system of cooperation, exerting a positive impact on the advancement of cultural, educational and economic relations.

Ключевые слова: «Годы культуры», российско-китайские отношения, приграничные территории, мягкая сила, региональное развитие.

Key words: «Years of Culture», Russia-China relations, cross-border cooperation, soft power, regional development.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-02814.

УДК 94

«Перекрёстные годы» – это крупномасштабные межгосударственные программы, которые начали реализовываться с 2000-х гг. в рамках стратегий международного и внутреннего сотрудничества. Феномен «перекрёстных годов» – относительно молодое явление в международной коммуникации. За последние десятилетия «перекрёстные года» обрели резкую популярность и стали активно использоваться в сфере международных культурных, образовательных и научных обменов. Основная цель «перекрёстных годов» заключается в укреплении межгосударственных связей и взаимопонимания между народами России и Китая.

Годы культуры России и Китая стали одним из значимых этапов развития сотрудничества как на межгосударственном уровне, так и на уровне регионов двух стран. Они стали основой для долгосрочного сотрудничества, которое основывается на взаимном доверии и уважении культурных особенностей.

Помимо Годов культуры (2024–2025), были проведены Годы России и Китая (2006–2007), Годы национальных языков (2009–2010), туризма (2012–2013), молодёжных обменов (2014–2015), СМИ (2016–2017), межрегионального сотрудничества (2018–2019), физической культуры и спорта (2022–2023).

В настоящее время по проблемам гуманитарного культурного сотрудничества начала складываться историография, что позволяет выделить основные тенденции и лакуны в исследованиях. В статье К. А. Ступиной «Годы культуры России и Китая как форма реализации внешней культурной политики государства» подробно проанализирована нормативно-правовая база и приведены примеры совместных проектов России и Китая. Сборник международной научно-практической конференции «Россия-Китай: Перекрёстный год туризма» включает статьи по теме, где описываются особенности года и его итоги, что важно для понимания практического опыта взаимодействия двух стран, который будет полезен для дальнейших перекрёстных годов. В работе Сун Янань и Е. А. Тиняковой «Перекрёстный год России и Китая» описывается, как устроен китайский менталитет и какие перспективы ждут Россию и Китай в рамках перекрёстных годов.

В работах российского учёного-политолога Ю. В. Косова доказано, что чем больше жители двух стран вступают в коммуникацию, тем ниже уровень психологической дистанции. Востоковед В. С. Мясников изучал культурные аспекты взаимодействия, такие как межкультурные контакты и роль культурных мероприятий, в развитии русско-китайских отношений.

Особый интерес представляет анализ процессов на приграничном уровне, поскольку приграничные территории выступают пространством более активного межкультурного взаимодействия, где культурная дипломатия используется не только как инструмент для государственных инициатив, но и в повседневной жизни граждан двух стран.

В. С. Морозова в работе «Специфика формирования культурного ландшафта приграничных регионов РФ-КНР в условиях социокультурного взаимодействия» исследует, как приграничные территории преобразуются в особые территории встречи двух культур разных стран. В свою очередь, Н. А. Абрамова в своём исследовании «Региональные практики соразвития РФ и КНР в пространстве приграничья» изучает и проводит сравнительный анализ механизмов, которые способствуют развитию приграничного сотрудничества в аспекте культуры и образования. Этот же вопрос, но в контексте приграничных территорий был изучен российским учёным А. А. Пылковой. Она изучила роль приграничных территорий в развитии трансграничного сотрудничества, ввела понятие «пространство встречи», доказав, что граница – это не только место на карте, но и особая территория, где сталкиваются две культуры. Отдельно целые научные институты, например Институт Дальнего Востока Российской академии наук, занимаются классификацией мероприятий и составляют отчёты о полученных результатах.

Причины реализации Годов культуры заключались не только в укреплении гуманитарной основы двухсторонних отношений стран и развития межкультурного взаимопонимания странами-партнёрами, но и в необходимости формирования позитивного образа страны, что в перспективе позволяет создать благоприятный фон для последующего расширения взаимодействия в экономике, науке, туризме и других сферах.

В настоящем исследовании акцент делается именно на анализе реализации перекрёстных Годов культуры приграничных территорий России и Китая на восточном участке границы. Со стороны России это Амурская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Хабаровский и Приморский края, а со стороны Китая – провинция Хэйлунцзян, автономный район Внутренняя Монголия и частично провинция Цзилинь (Гирин). Именно приграничный межкультурный диалог становится основой для укрепления межгосударственного сотрудничества в разных сферах.

При изучении культурного сотрудничества в приграничных территориях России и Китая в нашей работе использованы комплексные методы исследования. Для начала был проведён анализ официальных документов и программ, чтобы выявить структуру, цели и ключевые приоритеты Годов культуры. Для анализа динамики развития такого феномена, как «перекрёстные года», был проведён историко-генетический метод с целью изучить ранние исследования и проследить эво-

люцию и причины данного феномена. Также в работе использован типологический метод при разработке авторской классификации мероприятий в рамках Годов культуры. Для выявления ключевых тенденций и промежуточных результатов были применены анализ и синтез официальных документов и программ. Дополнительно был проведён анализ медиа. Детально изучены публикации в СМИ для оценки влияния культурных мероприятий на формирование общественного мнения и позитивного имиджа стран.

Полученные результаты можно использовать для формирования стратегий межкультурного взаимодействия и разработки последующих новых программ и рекомендаций, которые направлены на более эффективную работу с приграничными территориями. Это, в свою очередь, способствует укреплению партнёрских отношений между Россией и Китаем и позволит улучшить экономические и социальные условия в приграничье. Анализ перекрёстных Годов культуры служит подтверждением выводов исследователей и демонстрирует важность гуманитарного сотрудничества для укрепления международных отношений. По вышеизложенным аргументам можно сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения культурного взаимодействия, поскольку есть ряд аспектов, которые ещё полностью не изучены. К числу недостаточно исследованных аспектов относятся вопросы долгосрочности влияния эффекта культурных обменов на идентичность молодёжи приграничных районов, роли цифровых платформ и искусственного интеллекта в культурном диалоге.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин 3 января 2024 г. подписал Распоряжение о проведении Годов культуры России-Китая с целью дальнейшего развития российско-культурных взаимоотношений и двухсторонних связей в области культуры [14]. В целом данная программа включает в себя более 230 событий и охватывает 38 городов России и 51 город Китая. В настоящей работе особое внимание будет уделено Годам культуры именно в рамках приграничного сотрудничества, рассмотрим, насколько интенсивно происходит культурный обмен в близлежащих территориях. Наша работа охватывает культурный аспект, мы поэтапно рассмотрим, как реализовывались Годы культуры в приграничье России и Китая, разберём причины и результаты данного феномена, а также изучим мероприятия и события, которые произошли в эти года.

Разберём феномен «приграничье». К нему относится развитие региональных трансграничных связей, которые можно считать новым видом международных отношений. К трансграничным связям относятся различные формы сотрудничества и взаимодействия между соседними странами или регионами. Российский учёный, специалист в области региональной политики, трансграничных связей и геополитики Ю. В. Косов изучал региональные трансграничные связи в современной России и выделил характерные тенденции данного феномена [9]:

- осуществляется децентрализация международного сотрудничества, когда регионы получают возможность самостоятельно принимать решения и вести дела с другими приграничными странами;
- создаётся и расширяется сотрудничество между регионами через границу в различных областях: политике, экономике, культуре и др.;
- происходит опора на уже сформированные за столетия исторические традиции и связи между регионами;
- международные связи между регионами стремятся к оптимизации, производится учёт возможностей и потребностей;
- делается акцент на управление региональными трансграничными связями путём создания систем региональных международных организаций;
- сохраняется тенденция к поддержанию культурного разнообразия через диалог культур на региональном уровне;
- для обеспечения охраны окружающей среды, энергетики, здравоохранения и других значимых областей разрабатываются региональные системы.

Понятием приграничного пространства сопредельных государств занимались многие исследователи. Российский учёный, специалист в области культурологии и регионоведения

А. А. Пылкова в своём исследовании вывела концепт приграничья в качестве «пространства встречи», которое обладает определённым набором культурных особенностей, но которые нельзя воспринимать как совокупность культур двух соседних стран [16].

Понятие «приграничье» рассматривается учёными в контексте не только пространства, но и времени, поскольку постоянное развитие и изменения дают проследить связь между пространством и временем, что делает приграничье разнообразным и динамичным пространством [10]. Таким образом, приграничье – это не только географическая граница, которая соединяет соседние регионы по разные стороны границ, но и социокультурное пространство, где объединяются традиции, мировоззрения и культура двух или более стран. Активное взаимодействие в приграничной зоне приводит к формированию особой культуры – культуры-посредника, которая является основным элементом для формирования продуктивного сотрудничества и диалога между разными культурами, по этой причине приграничье воспринимают как «промежуток», или пространство «посредник».

В 2001 г. Правительством Российской Федерации было издано Распоряжение об утверждении концепции приграничного сотрудничества, которое определяет приграничное сотрудничество как согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов государства, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия с сопредельными государствами в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий, повышения благосостояния населения, укрепления дружбы и добрососедства между государствами [8].

Рассмотрим города, которые являются приграничными в России и Китае, чтобы в дальнейшем проанализировать их развитие и формирование общих культурных связей в межгосударственном сотрудничестве:

- Благовещенск и Хэйхэ являются самой известной парой городов приграничья, которые разделены рекой Амур примерно на 700 метров. Между Благовещенском и Хэйхэ проходит круглогодичное сообщение, т. е. города обеспечиваются постоянной доступностью транспортного или другого рода связи в течение всего года. Летом по реке Амур ходят суда, а зимой открывается ледовая переправа. Более того, между городами функционирует автомобильный мост, который предназначен для пассажирского движения.

- Забайкальск и Маньчжурия расположены на российско-китайской границе, между ними действует самый крупный международный пункт пропуска. На нём осуществляется автомобильное и железнодорожное сообщение.

- Пограничный и Суйфэнхэ являются вторым по важности сухопутным пограничным пунктом в Приморском крае между Россией и Китаем, который также обладает автомобильным и железнодорожным сообщением.

- Хабаровск и Фуянь относятся к приграничным городам, расположенным на реке Амур. Между городами активно действует речной транспорт, включая пассажирские суда и различные катера.

- Нижнеленинское и Тунцзян представляют собой приграничные города, также расположенные на реке Амур. Между данными городами был построен первый в истории трансграничный железнодорожный мост.

- Краскино и Хунчунь – приграничные города с международным автомобильным пунктом пропуска в Приморском крае, который расположен недалеко сразу от трёх границ разных государств: России, Китая и Северной Кореи.

Интенсивные взаимодействия происходят в приграничных городах в регионах Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, которые способствуют развитию и укреплению межкультурных связей, в результате два региона обогащаются и создают базу для дальнейшего сотрудничества в разных сферах.

Феномен Годов культуры в приграничных регионах России и Китая представляет собой особую форму микродипломатии – подхода в «мягкой силе» и культурной дипломатии, где государства реализуют общие цели через проведение совместных культурных мероприятий [11].

Проведение Годов культуры России и Китая в 2024-2025 гг. стало основополагающим аспектом, который запустил активное развитие гуманитарных связей, в частности в районах приграничья.

Для начала разберём основные причины и предпосылки проведения Годов культуры. В первую очередь ключевым поводом стало 75-летие установления дипломатических отношений между Россией и Китаем в 2024 г., на котором лидеры двух стран В. В. Путин и Си Цзиньпин в своих выступлениях заявили о намерении продолжать осуществлять дальнейшие планы для укрепления дипломатических отношений и всестороннего партнёрства. Годы культуры стали следующим официальным шагом по укреплению многовековой китайско-российской дружбы в рамках культурных лет. Второй причиной можно выделить стратегическое партнёрство, которое реализуется путём политического согласия между лидерами двух государств. В. В. Путин и Си Цзиньпин поддерживают состояние равновесия и взаимопонимания между государствами путём обоюдных уступок и уважения ценностей, которые их объединяют. Это обеспечивает стабильность, что помогает свести к минимуму конфликты и даёт возможность эффективно взаимодействовать разным институтам.

При рассмотрении причин феномена перекрёстных Годов культуры в аспекте приграничья можно выделить отдельный симбиоз двух причин: географической близости и исторических связей. Наличие протяжённой границы между соседними городами, которые мы рассмотрели выше, за долгие года поспособствовало образованию связей, которые нуждаются в особых проектах по укреплению межкультурных отношений для создания общего культурного пространства в долгосрочной перспективе. Среди стран, с которыми Россия тесно сотрудничает в АТР, особое место занимает Китай. С этим государством нашу страну связывает четырёхсотлетняя история, оно в настоящее время является крупнейшим торговым партнёром России в регионе [15]. В наши дни дальневосточные районы России и северо-восточные провинции Китая являются основными пунктами для внедрения форм сотрудничества, развития и реализации программ с последующим распространением в центральные города обеих стран.

В качестве ещё одной причины можно выделить актуализацию политической стратегии «поворота на Восток» в связи украинским кризисом и отдалением России от Запада. Поворот России на Восток подразумевает развитие отношений с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона: Китаем, Индией, Вьетнамом и странами Юго-Восточной Азии. Однако основным вектором направления России является Китай. Географическая близость границ Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая способствовала образованию экономических связей, которые непосредственно связаны с жизнью приграничных территорий. Благодаря стратегическому усилению взаимоотношений приграничья России и Китая появляется шанс противостоять влиянию Соединённых Штатов Америки на международной арене [20]. Именно поэтому трансграничное сотрудничество является приоритетным направлением для развития обеих территорий.

Культурное сотрудничество напрямую оказывает влияние на экономические отношения через сохранение культурной идентичности народов двух стран и уровень их образования. России и Китаю следует делать упор на университеты, общественные организации и государственные органы, которые обладают определёнными характеристиками и полномочиями, чтобы поддерживать стабильность на общей границе через культурный диалог.

Следующей причиной проведения Годов культуры можно назвать необходимость трансформации исторически сложившейся границы (реки Амур) – преобразовать её в «связующее звено», которое станет опорой для формирования единого коммуникационного пространства между пограничными районами.

Формирование благоприятной социально-психологической среды в районах приграничья выступает важным фактором для достижения успеха в совместном сотрудничестве. На основе этого возникает следующая предпосылка проведения Годов культуры России и Китая, охватывающих приграничные территории, – необходимость минимизации пограничных барьеров. Пограничные барьеры – это сооружения, которые возводятся государствами для обеспечения безопасности границ. Минимизация пограничных барьеров включает в себя оптимизацию административных про-

цедур, культурное сближение и развитие цифровой инфраструктуры [2]. Посредством установления прямых контактов местные жители преодолевают состояние психологического отчуждения и стереотипное мышление о другом государстве.

Не менее важной предпосылкой проведения Годов культур является необходимость стимулирования приграничной торговли через механизмы «мягкой силы». В данном случае Годы культуры являются этим самым инструментом «мягкой силы», который создаёт привлекательный имидж страны через продвижение национального языка, проведение образовательных программ и совместных культурных проектов [18]. Культурное сближение выступает как инструмент для более эффективной деловой коммуникации, которая, в свою очередь, выступает фундаментом благоприятной среды для развития малого и среднего бизнеса в приграничных регионах.

Подводя итог анализу причин и предпосылок проведения перекрёстных Годов культуры России и Китая в приграничных территориях, можем сделать вывод, что это не просто набор несвязанных мероприятий, а целый стратегически продуманный комплекс инструментов культурной дипломатии.

Причины проведения данных Годов культуры можно разделить на три аспекта:

1. Социально-психологический аспект – преодоление стереотипов и дистанции между жителями двух приграничных стран, а также развитие межличностных контактов и культурного партнёрства.

2. Геополитический аспект – включает в себя стратегию поворота России на Восток и инструменты «мягкой силы».

3. Экономический аспект – превращение культурного обмена в экономический ресурс.

Годы культуры направлены не только на развитие связей на культурном уровне, но и выступают как инструмент для дальнейшей интеграции в другие сферы жизни двух приграничных государств.

Вышеперечисленные причины обусловили структуру программы Годов культуры, которая включает проведение множества разнообразных мероприятий, направленных на реализацию поставленных задач. Далее необходимо рассмотреть мероприятия, реализуемые в рамках Годов культуры, и их роль в приграничных регионах России и Китая.

Для структурного анализа сотрудничества приграничья России и Китая в рамках Годов культуры произведём классификацию мероприятий по группам, что позволит более точно определить роль разнообразных мероприятий в реализации межгосударственных стратегий.

Многостороннюю сущность взаимодействия двух стран отражают: культурно-выставочные мероприятия, научно-образовательные программы, международные гуманитарные обмены, промо-кампании и национальные бренды.

Культурно-выставочные мероприятия. В данной группе мероприятия направлены на массовую аудиторию: выставки, фестивали искусств, концерты и театральные постановки. Их основная цель – формирование привлекательного образа страны.

Самым крупным примером можно представить фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства», проходящий на двух берегах Амура одновременно, в Благовещенске и Хэйхэ. Он проводится с 2010 г. уже 15 лет подряд и стал одним из значимых событий для Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. В рамках перекрёстных Годов культуры был проведён XIV фестиваль в 2024 г. и XV фестиваль в 2025 г. Рассмотрим подробнее.

Открытие XIV фестиваля «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» состоялось 29 июня 2024 г. в городе Благовещенске, мероприятия проходили с июня до августа. Проект реализовался по инициативе Правительства Амурской области при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Министерства культуры и туризма Китайской Народной Республики, правительства Народной провинции Хэйлунцзян и ФГБУК «РОСКОНЦЕРТ».

Программа включает в себя следующие ключевые моменты:

- концерт легендарного хора имени М. Е. Пятницкого на открытой сцене амфитеатра на набережной Амура;

- выступления коллектива Сахалинской филармонии;

- премьеру программы «Время расцветать» на сцене Амурской областной филармонии от дуэта «Вишня»;
- выставку декоративно-прикладного искусства, представление детских творческих смен и проведение мастер-классов;
- встречи руководителей региональных музеев России и провинции Хэйлунцзян для обсуждения музейного сотрудничества.

XV фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» начался с города Хэйхэ 26 июля 2025 г., мероприятия проходили также «зеркально» на двух берегах Амура и продолжались до конца августа. Организаторами XV фестиваля выступили Министерство культуры и туризма Китая, правительство Народной провинции Хэйлунцзян, Минкультуры России и правительство Амурской области [4].

В рамках юбилейного фестиваля программа включала 47 мероприятий, рассмотрим самые яркие события:

- гала-концерты и выставки народных промыслов;
- культурно-туристическое шоу «Вечерний банкет на берегах реки Хэйлунцзян», в котором китайцы и россияне танцуют и поют хором;
- представление «Гуси-Лебеди» от Амурского театра кукол;
- презентация филиала Российского института театрального искусства;
- фаер-шоу «Одержимые» от театра огня;
- этнографические выставки из Санкт-Петербурга и Камчатки в Амурском областном краеведческом музее им. Г. С. Новикова-Даурского;
- встреча Союза писателей Амурской области и Союза писателей Хэйхэ.

Фестиваль из года в год способствует развитию международного сотрудничества в культурной отрасли между Россией и Китаем. За 12 лет фестиваль объединил более 10 тысяч участников из разных сфер, а 1,5 миллиона зрителей смогли приобщиться к традициям и искусству двух стран.

В рамках Годов культуры России и Китая в 2025 г., 28 июня, прошёл VIII Всероссийский конкурс народных мастеров «Дальний Восток мастеровой» в городе Благовещенске, организованный при поддержке Государственного российского дома народного творчества им. В. Д. Поленова. Более 60 участников не только смогли презентовать свои работы, но и приняли участие в открытых мастер-классах. Также состоялась встреча писателей, библиотекарей и издателей РФ и КНР под названием «Под небом единым» в главной библиотеке Приамурья.

Одним из значимых мероприятий является «Китайско-российский фестиваль приграничной культуры», который проходит в провинции Хэйлунцзян и Еврейской автономной области. В рамках Годов культуры 2024-2025 гг. были проведены X и XI фестивали, проходившие с июня по август. С российской стороны участие принимали делегации Нанайского района Хабаровского края, Ленинского и Сидовичского районов Еврейской автономной области [7]. Программа мероприятий включала выступления творческих коллективов из Хабаровска и ЕАО, исполнение песен на русском и китайском языках, выставки и мастер-классы.

Образовательные и научные программы. Ключевым элементом данной группы является совместная работа России и Китая над образовательными программами, которые служат фундаментом межкультурного диалога, подготовки кадров и развития совместных научных исследований.

Взаимодействие университетов России и Китая регулируется через специальное объединение – Ассоциацию вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов КНР (АВРИК) [1]. В ассоциации насчитывается более 100 университетов. Здесь можно выделить следующие крупнейшие вузы: Дальневосточный федеральный университет, Тихоокеанский государственный университет, Благовещенский государственный педагогический университет и Амурский государственный университет с российской стороны и Маньчжурский институт русского языка, Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии и Хэйхэский университет с китайской стороны.

Рассмотрим мероприятия, проведённые в Годы культуры в аспекте образования.

В 2024 г. было запущено два форума, которые стали площадками для взаимодействия молодёжи, заинтересованной в образовательных проектах: «Молодёжь России и Китая: вектор в будущее» в Северо-Восточном сельскохозяйственном университете и в Тихоокеанском государственном университете, III Российско-китайский молодёжный форум научно-технических и инновационных достижений в Амурском государственном университете и Хэйхэском университете. Форумы дали возможность молодым учёным представить свои идеи и привлечь международных инвесторов для реализации своих проектов.

Научный семинар «Дальневосточный фронт» в Амурском государственном университете в 2025 г. Студенты России и Китая обсуждали вопросы языка, литературы и религии в контексте приграничных отношений. В 2025 г. научному семинару «Дальневосточный фронт» присвоили статус международного.

Конференции о культурном наследии Китая и России прошли в вузах и библиотеках в приграничных городах. Осенью 2025 г. в Хэйхэском университете состоялась XII международная конференция «Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая».

С 2024 по 2025 гг. развивались виртуальные музеи и библиотеки приграничных регионов, среди которых можно выделить Забайкальский краевой краеведческий музей имени А. К. Кузнецова [6], Городскую библиотеку Благовещенска, Электронную библиотеку ДВГМУ и China Online Museum, где можно найти выставки приграничных музеев Китая.

Международный российско-китайский форум «АмурЭкспо2025» прошёл на двух берегах реки Амур в Благовещенске и Хэйхэ. Это деловой форум, главная тема которого развитие межгосударственного сотрудничества для укрепления региональной экономики. Форум проводится при поддержке Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Министерства экономического развития России, МИД России, Министерства сельского хозяйства России и др. Программа форума включает обсуждения по вопросам развития инфраструктуры, торговли между странами, экологии и туризма, а также проведение культурных выставок и ярмарок.

Молодёжная площадка РКФ «Мост в будущее» стала пространством для обмена идеями и развития молодёжных инициатив между приграничными регионами России и Китая.

Международные гуманитарные обмены – мероприятия, направленные на обмен знаниями, опытом, культурными ценностями, в которых делегации, художники, артисты и люди из других сфер с помощью специально организованных культурных дней, фестивалей и образовательных программ посещают другую страну, чтобы не только внести свой вклад, но и расширить свои знания.

В рамках XV Международного фестиваля «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» прошли гастролы ведущих коллективов: ансамбля «Берёзка» и Китайского государственного театра пекинской оперы.

Гастролы международного состава Дальневосточного академического симфонического оркестра состоялись в 2024 г. в разных городах Дальнего Востока с программой «Культурный диалог. Россия. Китай».

На Международном Тихоокеанском театральном фестивале в сентябре 2024 г. во Владивостоке Национальным театром Китая был поставлен спектакль «Сирано де Бержерак».

Следующий гуманитарный обмен происходил на Дальневосточном международном фестивале «Мариинский» во Владивостоке, в рамках которого артисты балета и оперы Приморской сцены Мариинского театра взаимодействуют с театрами Шанхая и Пекина.

В 2025 г. состоялся первый форум на Амуре «Россия – это мы». Данное региональное мероприятие объединило иностранных студентов вузов Благовещенска для того, чтобы показать этническое богатство культуры России через песни и танцы. Иностранные студенты посетили интерактивные площадки, где могли изготовить предметы промысла и традиционные русские игрушки своими руками, а также попробовать поиграть на деревянных музыкальных инструментах.

Происходил обмен в музейной сфере на приграничных территориях. Для выставки «Мифы Китая», которая состоялась в Благовещенске в 2025 г., были привезены уникальные экспонаты из

музеев провинции Хэйлунцзян. В свою очередь, Амурский краеведческий музей направил в Китай экспозицию об истории освоения Амура казаками.

Одной из форм культурного обмена стали международные пленэры, проходили в июне-августе 2024 и 2025 гг. на обоих берегах Амура, где художники из России и КНР изображали красоту природы приграничья. Дополнительно был запущен проект «Дорогой северных пленэров», включающий проведение художественный пленэрных недельных выездов в 14 регионов Арктической зоны и Дальнего Востока России. Каждый выезд завершался выставкой пленэрных работ.

Организована серия выставок «Взгляд на Восток» [5] и «Маленькое путешествие в большой Китай», на которых демонстрировались современные работы художественных школ России и Китая.

Дальневосточный художественный музей в 2024 и 2025 гг. организовал экскурсии по выставке «Восточная церемония», объединяющей искусствоведов и художников России и Китая. Здесь демонстрировались развитие мастерства по изготовлению фарфоровых изделий, особенно-сти работы с белой глиной каолин, керамикой и декорированием глиняных сосудов.

Проходил обмен делегациями студентов-волонтеров для помощи в организации крупных проектов, например «АмурЭкспо-2025».

Программы стажировок и грантов позволяли китайским студентам проходить стажировку в русских вузах, в свою очередь, русские студенты отправлялись на обучение в Китай.

Проходили также спортивные обмены в рамках международных зимних игр на Амуре «ЗимФестАмур». Хоккейные матчи между командами России и Китая проводились прямо на льду пограничной реки. Массовый заплыв «Дружба» объединял пловцов из Китая и России, которые пересекали Амур из Благовещенска в Хэйхэ и обратно. Авторалли на льду – профессиональные гонщики двух стран устраивали синхронные гонки.

Промокампании и популяризация национальных брендов – мероприятия, направленные на продвижение национальных брендов, а также традиционной и современной культуры, национальных блюд, ремёсел и моды.

В 2024 г. на Международном фестивале театра и кино «Амурская осень» был показан фильм «Это безумие», режиссёром которого является Дзян Лю. Показ фильма не только познакомил аудиторию с китайской культурой, но и способствовал продвижению национального бренда, вызывая эмоциональный отклик у зрителей, оставляя положительный образ страны и делая фильм успешным за рубежом.

Международный российско-китайский гастрономический фестиваль «Берега вкуса» проходил в 2024 и 2025 гг. на набережной реки Амур в Благовещенске и Хэйхэ. Мероприятие стало площадкой для выставки национальных блюд и продуктов, способствуя узнаваемости и популяризации кухни как национального бренда.

В 2024 и 2025 гг. совпадение праздничных периодов – китайского Нового года и Масленицы – позволило приграничным городам России и Китая создать единую праздничную площадку в рамках перекрёстных Годов культуры. Во время Масленицы в Китае акцентировали внимание на использовании российской муки, молока, масла и сахара, что можно отнести к промокампаниям агропромышленного комплекса. Вдобавок к этому блины подавались с российским мёдом и джемом, которые китайцы могли приобрести дополнительно для своего дома или в качестве сувенира. В свою очередь, китайские бренды чая продвигались в России в подарочных упаковках. Китай и Россия реализовали коллаборацию: китайский чай был упакован с узорами Масленицы, а российские конфеты – в коробках с узорами символов года по китайскому календарю.

Хоккейные матчи на льду и заплыв «Дружба» на реке Амур, которые мы выше уже упоминали как гуманитарные обмены, также приобрели статус мирового туристического бренда.

Совместный российско-китайский экологический проект «Леопарды дружбы» запущен в 2025 г. с целью охраны редкого дальневосточного леопарда; в нём участвует Национальный парк «Земля леопарда» со стороны России и Северо-восточный национальный парк КНР. Проект демонстрирует политическое желание сотрудничать для решения глобальных вопросов, что усиливает имидж двух стран в сфере экологии. В современном контексте леопард стал знаком дружбы и взаимопонимания, что делает его символом национального бренда.

В 2024 г. был создан российско-китайский резерват «Земля больших кошек». Данный природоохранный проект включает в себя участие нацпарка «Земля леопарда» и заповедника «Кедровая падь» со стороны России, а также Северо-Восточного национального парка тигра и леопарда со стороны Китая. Цель проекта заключается в обеспечении защиты амурских тигров и дальневосточных леопардов.

Анализ и рассмотрение проведённых мероприятий в Годы культуры в приграничных территориях России и Китая позволяют оценить их влияние на развитие и укрепление межгосударственного сотрудничества двух стран.

Разберём ключевые результаты и достижения, достигнутые благодаря мероприятиям в период 2024-2025 гг.:

1. Министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что двухсторонние отношения между Россией и Китаем в 2025 г. вышли на новый, высокий уровень стабильного развития [3].

2. Введён безвизовый режим на срок до 30 дней с 15 сентября 2025 г. по 14 сентября 2026 г. Данный режим создал условия для свободного перемещения граждан между Россией и Китаем с туристическими или деловыми целями. В результате взаимный рост туристического потока увеличился на 107 % на 15 сентября 2025 г. [17]. Это способствовало активизации сектора услуг и развитию малого бизнеса в приграничных районах.

3. Проведение Годов культуры стало фактором выхода образовательного сотрудничества на новый уровень. Увеличился интерес к российскому образованию в КНР: было подано более 2500 заявок на получение бесплатного обучения в рамках квоты Правительства РФ [5].

4. Годы культуры оказали положительное влияние на экономический сектор. Культурное сближение поспособствовало рекордному товарообороту между Россией и Китаем в размере 245 млрд долларов за счёт увеличения китайских поставок в Россию в 2024 г. [13].

5. Сформировалась устойчивая традиция для жителей приграничья – «два берега – одна культура».

6. Успех Годов культуры 2024-2025 гг. в приграничье свидетельствует о высокой эффективности мероприятий. О намерении продолжить сотрудничество свидетельствует разработка плана совместных мероприятий на 2026 г. между Хэйхэ и Благовещенском.

7. Проект новой достопримечательности – первой в мире трансграничной канатной дороги между Благовещенском и Хэйхэ, открытие которой планируется на весну 2026 г. Планируется, что к 2030 г. канатная дорога поспособствует увеличению иностранных туристов в Благовещенске в три раза.

Проанализировав феномен Годов культуры 2024-2025 гг. в приграничье, подчеркнём, что разовые мероприятия в последующем трансформировались в целую систему взаимодействия между государствами. Культурные мероприятия стали толчком для проектов в сфере туризма, спорта и науки. Благодаря перекрёстным проектам снизилась социокультурная дистанция между населением приграничья двух стран, а участие специалистов двух стран позволило вывести доверие между приграничными регионами на новый уровень, что стало фундаментом для технологичного, научного и экономического партнёрства.

Итак, Годы культуры в приграничье России и Китая выступили не только фундаментом для укрепления связи на культурном уровне, но и площадкой, в рамках которой граждане двух разных стран смогли на практике узнать соседнюю страну. Культурное сближение привело к трансформации восприятия двух стран, разрушило барьеры в деловой и бытовой коммуникации. Все факторы позволили улучшить межгосударственные отношения между Россией и Китаем. Культурная дипломатия показала себя как стратегический инструмент развития приграничных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов КНР // Платформа о российско-китайском сотрудничестве в сфере образования, науки и инноваций. 25.06.2025. – URL: <https://ruschinalliance.unecon.ru/associations/associaciya-vuzov-dalnego-vostoka-i-s/> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.

2. Беломестнов, И. В. Локализация и оптимизация транспортно-логистических барьеров / И. В. Беломестнов, В. А. Рубан // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalizatsiya-i-optimizatsiya-transportno-logisticheskikh-barierov> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
3. Ван И: отношения между КНР и Россией стали более прочными // ТАСС. 30.12.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26051913> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
4. В Китае высоко оценили проведение китайско-российской ярмарки культуры и искусства // Русский Мир. 15.08.2025. – URL: <https://ruskiymir.ru/news/338782/> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
5. В Россотрудничестве обсудили возможности получения российского образования для студентов из Китая // Россотрудничество. 19.06.2025. – URL: <https://rs.gov.ru/news/v-rossotrudnichestve-obsudili-vozmozhnosti-polucheniya-rossijskogo-obrazovaniya-dlya-studentov-iz-kitaya/> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
6. Забайкальский краевой краеведческий музей имени А. К. Кузнецова // ГУК «Забайкальский краевой краеведческий музей имени А. К. Кузнецова». – URL: <https://museums75.ru/> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
7. Китайско-российский приграничный фестиваль культуры проходит в провинции Хэйлунцзян // TV BRICS. 15.07.2024. – URL: <https://tvbrics.com/news/kitaysko-rossiyskiy-prigranichnyy-festival-kultury-prokhodit-v-provintsii-kheyluntszyan/> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
8. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2001 г. № 196-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901780926> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
9. Косов, Ю. В. Региональные трансграничные связи как новый вид международных отношений (на примере стран Балтийского моря) / Ю. В. Косов // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России (23-24 мая 2000 г.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 469 с.
10. Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 1-2. – СПб.: Университетская книга, 1998.
11. Микродипломатия событий: как протокол, сценография и культурные «микроперформансы» усиливают российское мягкое влияние // Теория и практика публичной дипломатии России. 15.01.2026. – URL: <https://softpowercourses.ru/mikrodiplomatiya-sobytij-kak-protokol-sczenografiya-i-kulturnye-mikroperformansy-usilivayut-rossijskoe-myagkoe-vliyanie/> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
12. На Амуре открыли новый участок трассы Чита – Хабаровск // Министерство транспорта Российской Федерации. 25.12.2025. – URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/region-news/12371> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
13. Объём торговли между Китаем и РФ в 2024 году достиг рекордных 245 млрд долларов – Сечин // 41-ТВ. 25.02.2025. – URL: <https://41-tv.ru/obem-torgovli-mezhdu-kitaem-i-rf-v-2024-godu-dostig-rekordnyh-245-mlrd-dollarov-sechin> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
14. О проведении Годов культуры России – Китая: Распоряжение Президента Российской Федерации от 3 января 2024 г. № 3-рп // Официальное опубликование правовых актов. 03.01.2024. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401030009?index=1> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
15. Грэм, Т. Поворот России на Восток: перечень причин и следствий / Т. Грэм // Клуб «Валдай». 09.09.2019. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-perechen-prichin/> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
16. Пылкова, А. А. Приграничье как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Пылкова Анна Александровна. – М., 2006. – 27 с.
17. Рост турпотока РФ в КНР составил 107 % с 15 сентября // EastRussia. 15.09.2025. – URL: <https://www.eastrussia.ru/news/rost-turpotoka-rf-v-kr-sostavil-107-s-15-sentyabrya> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.
18. Чжан Юйкунь. «Мягкая сила» во взаимоотношениях Китая и России: направления и механизмы реализации / Чжан Юйкунь, А. А. Керимов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2024. – № 47. – С. 100-110. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-silavo-vzaimootnosheniyah-kitaya-i-rossii-napravleniya-i-mehanizmy-realizatsii> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.

19. Хун Чжао. Китайско-российское культурное сотрудничество в трансграничье / Хун Чжао // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. – 2025. – № 2 (7). – С. 51-56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-rossiyskoe-kulturnoe-sotrudnichestvo-v-transgranichie> (дата обращения: 18.03.2026). – Текст: электронный.

20. Петрунина, Ж. В. Интеграция Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России в начале XXI века: два подхода к одному вопросу / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 73-76.

REFERENCES

1. Association of Universities of the Far East and Siberia of Russia and the North-Eastern Regions of the PRC // Platform on Russian-Chinese Cooperation in Education, Science and Innovation. June 25, 2025. – URL: <https://ruschinalliance.unecon.ru/associations/associaciya-vuzov-dalnego-vostok-i-s/> (accessed March 18, 2026). – Text: electronic (In Russian).
2. Belomestnov, I. V. Localization and Optimization of Transport and Logistics Barriers / I. V. Belomestnov, V. A. Ruban // Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management. – 2023. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalizatsiya-i-optimizatsiya-transportno-logisticheskikh-barierov> (date of access 18.03.2026). – Text: electronic (In Russian).
3. Wang Yi: relations between the PRC and Russia have become stronger // TASS. 30.12.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26051913> (date of access 18.03.2026). – Text: electronic (In Russian).
4. China highly appreciates the holding of the Chinese-Russian culture and art fair // Russkiy Mir. 15.08.2025. – URL: <https://russkiymir.ru/news/338782/> (date of access 18.03.2026). – Text: electronic (In Russian).
5. Rossotrudnichestvo discussed opportunities for students from China to obtain a Russian education // Rossotrudnichestvo. June 19, 2025. – URL: <https://rs.gov.ru/news/v-rossotrudnichestve-obsudili-vozmozhnosti-polucheniya-rossijskogo-obrazovaniya-dlya-studentov-iz-kitaya/> (date of access March 18, 2026). – Text: electronic (In Russian).
6. Trans-Baikal Regional Museum of Local History named after A. K. Kuznetsov // State Cultural Institution «Trans-Baikal Regional Museum of Local History named after A. K. Kuznetsov». – URL: <https://museums75.ru/> (date of access March 18, 2026). – Text: electronic (In Russian).
7. Chinese-Russian Border Cultural Festival takes place in Heilongjiang Province // TV BRICS. July 15, 2024. URL: <https://tvbrics.com/news/kitaysko-rossiyskiy-prigranichnyy-festival-kultury-prokhodit-v-provintsii-kheyluntszyan/> (Accessed March 18, 2026). Text: electronic (In Russian).
8. Concept of Cross-Border Cooperation in the Russian Federation: approved by Order of the Government of the Russian Federation of February 9, 2001 No. 196-r. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901780926> (Accessed March 18, 2026). Text: electronic (In Russian).
9. Kosov, Yu. V. Regional Cross-Border Relations as a New Type of International Relations (using the Baltic Sea Countries as an Example) / Yu. V. Kosov // The World and Russia on the Threshold of the 21st Century: The Second Gorchakov Readings. MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (May 23-24, 2000). – Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001. – P. 469 (In Russian).
10. Culturology. 20th Century: Encyclopedia. Vol. 2. – St. Petersburg, 1998. – P. 141-143 (In Russian).
11. Microdiplomacy of Events: How Protocol, Scenography, and Cultural «Microperformances» Strengthen Russia's Soft Influence // Theory and Practice of Public Diplomacy of Russia. 15.01.2026. – URL: <https://softpowercourses.ru/mikrodiplomatiya-sobytij-kak-protokol-scenografiya-i-kulturnye-mikroperformansy-usilivayut-rossijskoe-myagkoe-vliyanie/> (date of access 18.03.2026). – Text: electronic (In Russian).
12. A new section of the Chita-Khabarovsk highway opened on the Amur // Ministry of Transport of the Russian Federation. 25.12.2025. – URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/region-news/12371> (date of access 18.03.2026). – Text: electronic (In Russian).
13. The volume of trade between China and Russia in 2024 reached a record \$245 billion – Sechin // 41-TV. February 25, 2025. URL: <https://41-tv.ru/obem-torgovli-mezhdu-kitaem-i-rf-v-2024-godu-dostig-rekordnyh-245-mlrd-dollarov-sechin> (Accessed March 18, 2026). Text: electronic (In Russian).
14. On holding the Years of Russia-China Culture: Order of the President of the Russian Federation dated January 3, 2024 No. 3-rp // Official publication of legal acts. January 3, 2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401030009?index=1> (Accessed March 18, 2026). Text: electronic (In Russian).
15. Russia's Turn to the East: A List of Causes and Consequences / T. Graham // Valdai Club. 09.09.2019. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-perechen-prichin/> (date of access 18.03.2026). – Text: electronic (In Russian).

16. Pylkova, A. A. Borderland as a Cultural Phenomenon: Abstract of a PhD thesis / A. A. Pylkova. – Moscow, 2006. – 27 p. (In Russian).
17. The growth of tourist flow from the Russian Federation to the PRC amounted to 107% since September 15 // EastRussia. 15.09.2025. – URL: <https://www.eastrussia.ru/news/rost-turpotoka-rf-v-knr-sostavil-107-s-15-sentyabrya> (date of access 18.03.2026). – Text: electronic (In Russian).
18. Zhang Yukun, Kerimov A. A. «Soft Power» in Relations between China and Russia: Directions and Mechanisms of Implementation / Yu. Zhang, A. A. Kerimov // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. – 2024. – No 47. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-vo-vzaimootnosheniyah-kitaya-i-rossii-napravleniya-i-mehanizmy-realizatsii> (date of access 18.03.2026). – Text: electronic (In Russian).
19. Zhao, Hong. Chinese-Russian Cultural Cooperation in the Transborder Region / Hong Zhao // Periphery. Journal of Non-Capital Spaces Research. – 2025. – No. 2 (7). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-rossiyskoe-kulturnoe-sotrudnichestvo-v-transgranichie> (accessed 18.03.2026). – Text: electronic (In Russian).
20. Petrunina, Zh. V. Integration of Northeast China and the Russian Far East at the Beginning of the 21st Century: Two Approaches to the Same Issue / Zh. V. Petrunina // Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. – 2023. – No. 2 (66). – P. 73-76 (In Russian).

Ларченко Ю. Г.
Yu. G. Larchenko

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАТФОРМЫ – СОВРЕМЕННЫЙ
ИНТЕРАКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОДГОТОВКИ ШКОЛЬНИКОВ К ЕДИНОМУ
ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ**

**RUSSIAN EDUCATIONAL PLATFORMS ARE A MODERN INTERACTIVE TOOL
FOR PREPARING STUDENTS FOR THE UNIFIED STATE EXAM**

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры проектирования, управления и разработки информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Design, Management and Development of Information Systems Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Аннотация. Современное образование активно использует цифровые инструменты для повышения эффективности подготовки учащихся к итоговой аттестации. При этом особую актуальность имеют отечественные образовательные платформы, которые являются интерактивными средствами систематизации теоретических знаний и развития практических навыков в процессе подготовки к единому государственному экзамену (ЕГЭ). В этой связи в статье проведён сравнительный обзор наиболее распространённых отечественных образовательных платформ: Stepik, Фоксфорд, Умскул, MAXIMUM. В качестве критериев сравнения рассматривались: формат занятий; тип обучения; учебные материалы; обратная связь; стоимость курса. На примере платформы Stepik изучен курс «ЕГЭ Информатика № 1-23», исследована выборочная совокупность слушателей по показателям количества правильных ответов и затраченного времени на выполнение ряда типовых заданий в рамках установленного регламента. В заключение представлены выводы по рациональному использованию образовательной платформы Stepik.

Summary. Modern education actively uses digital tools to improve students' effectiveness in preparing for final assessments. At the same time, domestic educational platforms are of particular relevance, as they serve as interactive tools for systematizing theoretical knowledge and developing practical skills in the process of preparing for the Unified State Exam (USE). In this regard, the article provides a comparative review of the most common domestic educational platforms: Stepik, Foxford, Umschool, MAXIMUM. The following criteria were considered in the comparison: class format; type of learning; learning materials; feedback; course cost. Using the Stepik platform as an example, the course «EGE Informatics No. 1–23» was studied, and a sample of students was examined based on the number of correct answers and the time spent on completing a number of typical tasks within the established timeframe. The conclusion presents findings on the rational use of the Stepik educational platform.

Ключевые слова: образовательная платформа, онлайн-курс, формат занятий, тип обучения, практика, единый государственный экзамен, учащийся.

Key words: educational platform, online course, class format, type of learning, practice, unified state exam, student.

УДК 373.1

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) является интегральным показателем качества освоения основной образовательной программы среднего общего образования, от результатов которого зависит выбор выпускниками школ высшего учебного заведения и направления подготовки (специальности). В связи с этим вопросы эффективной подготовки к ЕГЭ являются актуальными и практически значимыми для системы школьного образования [2; 3].

В настоящее время всё большее распространение приобретает смешанная модель подготовки к прохождению итоговой аттестации. Это обусловлено тем, что традиционные формы организации учебного процесса в школе, ориентированные в первую очередь на формирование базовых фундаментальных знаний, не в полной мере и объёме способны обеспечить практическую подготовку обучающихся к ЕГЭ.

Смешанная модель подготовки к ЕГЭ сочетает в себе аудиторные занятия в школах и самостоятельную работу на отечественных образовательных платформах. По данным НИУ ВШЭ, в 2025 г. почти 68 % всех выпускников школ использовали онлайн-курсы для подготовки к ЕГЭ, что на 26 % превышает значение аналогичного показателя в 2020 г. [1; 4; 5].

По результатам исследования образовательного портала Ukogo, в 2025 г. доля высокобалльников при сдаче ЕГЭ составила 89 % именно при гибридном подходе к организации процесса подготовки к итоговой аттестации (школа + онлайн-курсы) [10].

Среди российских образовательных платформ, реализующих онлайн-курсы по подготовке к ЕГЭ, выделяют: Stepik, Фоксфорд, Умскул и MAXIMUM Education [9] (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика отечественных образовательных платформ

Платформа	Формат занятий	Тип обучения	Учебные материалы	Обратная связь	Стоимость курса
Stepik (https://stepik.org/)	Асинхронный формат обучения	Полностью самостоятельное обучение	Материалы адаптированы под формат ЕГЭ не по всем курсам	Частичная обратная связь (автоматическая / ограниченная)	Много бесплатных курсов, платные – невысокая стоимость с единовременной оплатой
Фоксфорд (https://foxford.ru/)	Гибридный формат обучения	Гибкое обучение (самостоятельное обучение + внешняя поддержка)	Материалы адаптированы под формат ЕГЭ	Зависит от тарифа: базовая в группе или индивидуальная	Ежемесячная подписка от 5690 р. (скидки)
Умскул (https://umschool.net/)	Преимущественно асинхронный формат обучения				Ежемесячная подписка от 3840 р. (скидки)
MAXIMUM Education (https://maximumtest.ru/)	Гибридный формат обучения (самостоятельное обучение + работа в группе онлайн)	Смешанное обучение (самостоятельное обучение + онлайн-занятия)	Материалы адаптированы под формат ЕГЭ	Детальный разбор второй части, пробники, индивидуальные консультации	Стоимость зависит от программы и формата обучения: от 9600 р. в месяц в рассрочку (скидки)

Выделим особенности каждой образовательной платформы на примере подготовки к ЕГЭ по информатике (№ 1-23) [9].

Stepik

Курс ЕГЭ по информатике – это онлайн-курс без конкретных сроков выполнения и проверки контрольных заданий № 1-23, что позволяет обучающемуся самостоятельно планировать график прохождения учебных модулей. При этом авторы предлагают несколько способов решения задач (код на Python и логический способ), объясняя оптимальный алгоритм поиска правильного ответа. Практическая часть по количеству заданий дифференцируется в зависимости от сложности темы и основывается на автоматической проверке ответов. Обратная связь реализуется через форум учащихся и комментарии авторов. Значительная часть материалов доступна бесплатно, платные модули приобретаются разовым платежом [6; 8].

Фоксфорд

Курс ЕГЭ по информатике – это преимущественно онлайн-курс с элементами дистанционного обучения, в котором самостоятельная работа обучающихся сочетается с онлайн-вебинарами и поддержкой кураторов. Срок освоения электронной образовательной программы является регламентированным (8 месяцев), что обеспечивает плавное и ритмичное погружение в учебный процесс. В этом курсе, так же как и в Stepik, разработчики предлагают несколько способов решения задач. Особенность курса – это регулярные пробники и детальный разбор частых ошибок по темам. Обратная связь включает проверку домашних заданий, кураторскую поддержку и сессии в виде вопросов и ответов. Стоимость – ежемесячная подписка от 5690 р. с возможностью скидок.

Умскул

Курс ЕГЭ по информатике – это преимущественно онлайн-курс, дополненный регулярными вебинарами и чатами с кураторами. Как и предыдущие аналогичные курсы, он содержит разбор решения задач разными способами. Особое внимание уделяется многократной отработке алгоритма решений задач по простым темам с целью обеспечения экономии времени в начале работы. Особенность курса – использование рабочих тетрадей с пропусками, которые учащиеся заполняют по ходу урока, а также уровень внешнего сопровождения в зависимости от выбранного тарифа («Стандарт», «Про» и «Премиум»). Тариф «Стандарт» предполагает обратную связь в виде общих разборов и ответов в чатах, «Про» и «Премиум» – наличие личного куратора и доступ к индивидуальным заданиям, пробникам. Стоимость – от 3840 р. в месяц с возможностью скидок.

MAXIMUM Education

Курс ЕГЭ по информатике – это онлайн-курс, в котором самостоятельное изучение материалов сочетается с регулярными онлайн-занятиями в группе и индивидуальными консультациями. Ключевая особенность – это симуляция компьютерного экзамена: ученики тренируются переключаться между окнами, работать с файлами и укладываться в лимит времени. Особое внимание уделено заданиям 19-23. Обратная связь построена детально: пробники разбирают с указанием ошибок по критериям ФИПИ, а индивидуальные консультации позволяют точно дорабатывать слабые места. Стоимость – от 9600 р. в месяц, возможна оплата в рассрочку и скидки.

Сравнительный анализ онлайн-курса «ЕГЭ по информатике (№ 1-23)» на образовательных платформах Stepik, Фоксфорд, Умскул и MAXIMUM Education показал, что электронное обучение по данному предмету является эффективным инструментом развития умений решения типовых заданий итоговой аттестации в условиях ограниченного времени. Выбор конкретной образовательной платформы зависит от следующих факторов: текущего уровня подготовки выпускника; графика освоения онлайн-курса; наличия обратной связи и куратора; цены.

На примере образовательной платформы Stepik проведём обследование выборочной совокупности слушателей онлайн-курса «ЕГЭ по информатике (№ 1-23)». На рис. 1 и 2 показана плотность распределения ответов школьников по количеству набранных баллов и затраченному времени.

В исследовании приняло участие 58 человек – учеников 10-11-х классов, которые в рамках пробного экзамена должны были за 25 мин правильно ответить на типовые задания пробника ЕГЭ: № 1, № 4, № 7, № 11 – по темам «информационные модели» и «теория информации». Максимальное количество баллов за четыре задания – 24 балла.

Из рис. 1 и 2 видно, что разброс значений по баллам составляет от 12 до 24, а по времени решения – от 11 до 35 мин. При этом большинство учащихся набирают 22-24 балла во временном интервале 15-27 мин. Это свидетельствует о сформированности базовых типовых навыков прохождения итоговой аттестации по информатике, т. е. школьники в основном справляются со стандартными задания и укладываются в нормативное время.

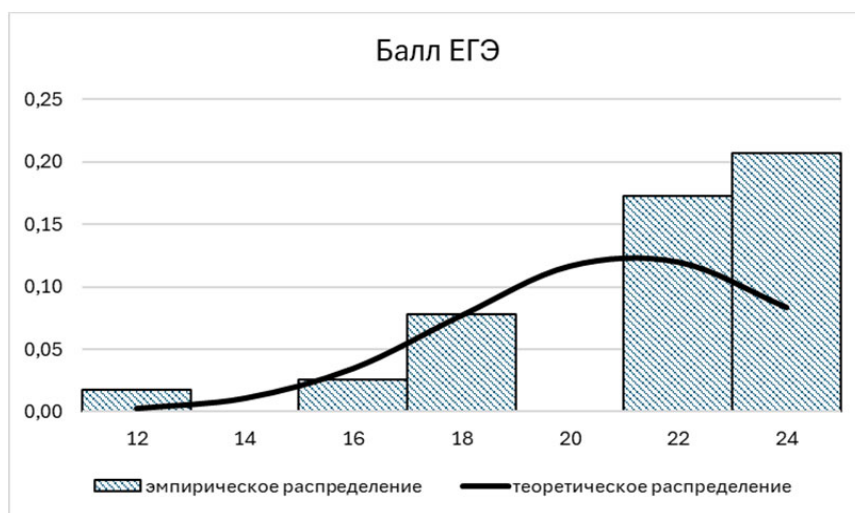

Рис. 1. Плотность распределения по набранным баллам

Анализ комментариев обучающихся, набравших максимальное количество баллов по пробному фрагменту ЕГЭ, привёл к следующим выводам:

- системная отработка типовых алгоритмов решения задач является необходимым условием достижения точного и полного ответа;
- соблюдение графика учебного процесса и регулярное выполнение домашних заданий обеспечивают формирование практических навыков, которые, в свою очередь, влияют на скорость решений;
- демонстрация алгоритмов решений задач на конкретных примерах и разбор ошибок в чатах или при работе с куратором повышают понимание типологии заданий и, соответственно, скорость выбора оптимального способа их выполнения.

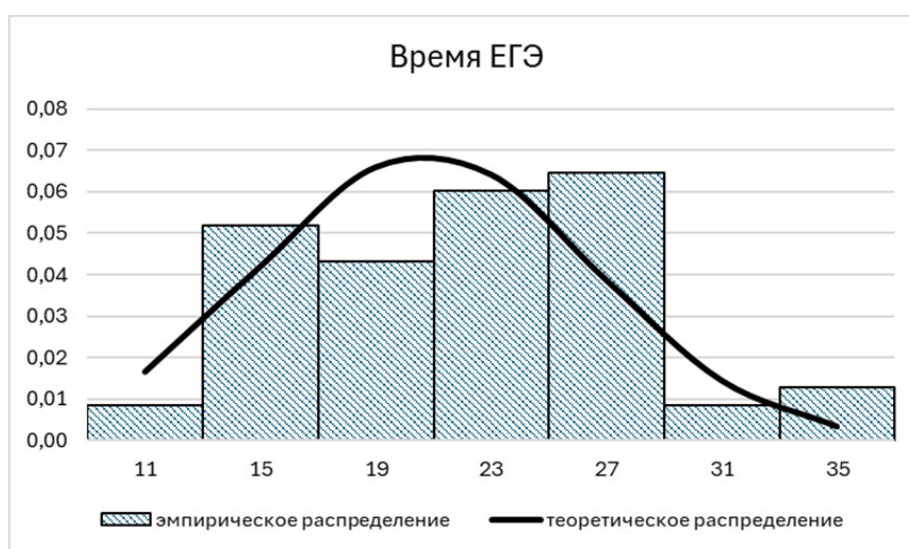

Рис. 2. Плотность распределения по затраченному времени

В заключение отметим, что рассмотренные онлайн-курсы по подготовке к ЕГЭ по информатике (№ 1-23) являются действенным механизмом отработки практических навыков решения задач итоговой аттестации, формирования компетенций для получения высоких результатов – от 85 до 100 баллов [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абарникова, Е. Б. Применение модели проектирования электронных курсов в обучающем процессе / Е. Б. Абарникова, В. С. Кортун // Наука, инновации и технологии: от идей к внедрению: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 14-18 ноября 2022 г. / Редкол.: А. В. Космынин (отв. ред.) [и др.]. Т. 1. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2022. – С. 12-15.
2. Бусарова, У. А. О подготовке учебного пособия «Готовимся к ЕГЭ по информатике с картами визуализации» / У. А. Бусарова, Н. П. Табачук // Far East Math – 2024: материалы V нац. науч. конф., Хабаровск, 02-07 декабря 2024 года. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2025. – С. 281-286.
3. Добровольская, Н. Ю. Интеллектуальные информационные технологии как инструмент будущего учителя информатики / Н. Ю. Добровольская // От информатики в школе к цифровой трансформации образования: материалы науч.-практ. конф. памяти академика РАО А. А. Кузнецова, Москва, 25 октября 2024 г. – М.: Российская академия образования, 2024. – С. 108-113.
4. Интеграция цифровых решений мобильного обучения в процесс подготовки школьников к ЕГЭ по информатике / Н. И. Рыжова, М. А. Федотенко, Т. А. Викторова, Е. С. Пушкина // Информатика и образование. – 2026. – Т. 41. – № 1. – С. 57-71.
5. Катанова, Т. Н. О применении интерактивного учебника по языку программирования Python для подготовки к ЕГЭ по информатике / Т. Н. Катанова, Д. В. Сергеев // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. – 2022. – № 18. – С. 43-49.
6. Кобякова, Д. А. Особенности применения информационных систем электронного обучения / Д. А. Кобякова, И. Е. Костенко // Auditorium. – 2023. – № 2 (38). – С. 37-46.
7. Моисеева, М. В. Автоматизация обработки результатов работы учащихся при составлении индивидуальных маршрутов подготовки к компьютерному ЕГЭ по информатике / М. В. Моисеева // Информатика в школе. – 2025. – Т. 24. – № 2. – С. 80-86.
8. ЕГЭ Информатика № 1-23 // Stepik: сайт. – Санкт-Петербург, 2013. – URL: <https://stepik.org/course/104041?search=9789117377> (дата обращения: 26.08.2026). – Текст: электронный.
9. Лавник, А. Топ-15 онлайн-школ для подготовки к ЕГЭ? / А. Лавник // insperia – онлайн-школа подготовки к ЕГЭ и ОГЭ на высокие баллы с любого уровня. – 2026. – 27 февраля. – URL: <https://insperia.ru/blog/top-15-onlain-shkol-dlya-podgotovki-k-ege> (дата обращения: 26.08.2026). – Текст: электронный.
10. Онлайн vs Офлайн подготовка к ЕГЭ 2026: что эффективнее на самом деле // Ukogo.ru, 2025. – Режим доступа: <https://ukogo.ru/blog/effektivnost-onlajn-i-offlajn-podgotovki-k-ege?ysclid=mt9yuioejn771367007> (дата обращения: 26.08.2026). – Текст: электронный.

REFERENCES

1. Abarnikova E. B., Kortun V. S. Primeneniye modeli proyektirovaniya elektronnykh kursov v obuchayushchem protsesse. Nauka, innovatsii i tekhnologii: ot idey k vnedreniyu [Science, innovation, and technology: from ideas to implementation]. Komsomol'sk-na-Amure, Komsomol'skiy-na-Amure gosudarstvennyy universitet, 2022, T.1, p. 12-15. (In Russian).
2. Busarova U.A., Tabachuk U.A. O podgotovke uchebnogo posobiya «Gotovimsya k YeGE po informatike s kartami vizualizatsii». Far East Math – 2024 [Far East Math – 2024]. Khabarovsk, Tikhookeanskiy gosudarstvennyy universitet, 2025, p. 281-286. (In Russian).
3. Dobvol'skaya N. Yu. Intellektual'nyye informatsionnyye tekhnologii kak instrument budushchego uchitelya informatiki. Ot informatiki v shkole k tsifrovoy transformatsii obrazovaniya [From computer science in school to the digital transformation of education]. Moskva, Rossiyskaya akademiya obrazovaniya, 2024, p. 108-113. (In Russian).
4. Ryzhova N. I., Fedotenko M. A., Viktorova T. A., Pushkina E. S. Integratsiya tsifrovyykh resheniy mobil'nogo obucheniya v protsess podgotovki shkol'nikov k YeGE po informatike. Informatika i obrazovaniye [Computer science and education], 2026, T. 41, no 1, p. 57-71. (In Russian). doi: 10.32517/0234-0453-2026-41-1-57-71.

5. Katanova T. N., Sergeyev D. V. O primeneniі interaktivnogo uchebnika po yazyku programmirovaniya Python dlya podgotovki k YeGE po informatike. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatsionnyye komp'yuternyye tekhnologii v obrazovanii [Bulletin of the Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Series: Information Computer Technologies in Education], 2022, no. 18, p. 43-49. (In Russian). doi: 10.24412/2222-7520-2022-1-43-49.
6. Kobyakova D. A., Kostenko I. E., Kobyakova D. A. Osobennosti primeneniya informatsionnykh sistem elektronnoy obucheniya. Auditorium [Auditorium], 2023, no. 2 (38), p. 37-46. (In Russian).
7. Moiseyeva M. V. Avtomatizatsiya obrabotki rezul'tatov raboty uchashchikhsya pri sostavlenii individual'nykh marshrutov podgotovki k komp'yuternomu YeGE po informatike. Informatika v shkole [Computer science at school], 2025, T. 24, no. 2, p. 80-86. (In Russian). doi: 10.32517/2221-1993-2025-24-2-80-86.
8. Stepik (Stepik). Available at: <https://stepik.org/course/104041?search=9789117377> (accessed 26 August 2026).
9. Insperia (Insperia). Available at: <https://insperia.ru/blog/top-15-onlain-shkol-dlya-podgotovki-k-ege> (accessed 26 August 2026).
10. Ukogo (Ukogo). Available at: <https://ukogo.ru/blog/effektivnost-onlajn-i-offlajn-podgotovki-k-ege?ysclid=mt9yuioejn771367007> (accessed 26 August 2026).

Дербенев А. С.
A. S. Derbenev

**ПОЛИТЭКОНОМИЯ ИЗОЛЯЦИИ: СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ
В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНО-ИРАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

**POLITICAL ECONOMY OF ISOLATION: STRUCTURAL SHIFTS IN GLOBAL ENERGY
IN THE CONTEXT OF THE US–IRAN CONFRONTATION**

Дербенев Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела внешне-политических исследований Института США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН (Россия, Москва). E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru.

Andrei S. Derbenev – PhD in History, Senior Researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for the U. S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow). E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru.

Аннотация. Современный энергетический шок выступает катализатором структурных сдвигов мировой экономики: ускоряется диверсификация государств-нефтеэкспортёров. Параллельно усиливается роль Китая как технологического лидера «зелёного перехода», а США сохраняют двойственную позицию между интересами национальных производителей и потребителей нефти и газа. С одной стороны, американские производители нефти и газа выигрывают от роста мировых цен, с другой – потребители внутри страны несут издержки. Это вносит раскол в американское общество. Ключевым фактором остаётся политическая воля: ни одна администрация не заинтересована в искусственном поддержании высоких цен на нефть, поскольку это противоречит интересам большинства избирателей. Часть политических элит США стремится к сохранению статуса одного из крупнейших производителей и экспортёров энергоносителей и не стремится к изоляционистской модели, однако есть и другие, более прогрессивные внутриамериканские элиты, которые настаивают на приоритете внутреннего рынка и развитии новых источников энергии. Геополитическая конкуренция всё больше смещается из сферы контроля над месторождениями в плоскость технологического лидерства и управления глобальными цепочками поставок «традиционных» источников энергии и «энергии будущего», а также всех необходимых ресурсов для её производства.

Summary. The modern energy shock is acting as a catalyst for structural shifts in the global economy: the diversification of oil exporting countries is accelerating, China's role as the technological leader of the «green transition» is strengthening, and the United States maintains an ambivalent position between the interests of producers and consumers. On the one hand, American oil and gas producers benefit from rising global prices, while on the other, domestic consumers bear the costs. This creates a split in American society. The key factor remains political will: no administration is interested in artificially maintaining high oil prices, as this contradicts the interests of the majority of voters. Some of the US political elites seek to maintain the status of one of the largest producers and exporters of energy resources and do not seek an isolationist model; however, there are other, more progressive domestic elites who insist on the priority of the domestic market and the development of new energy sources. Geopolitical competition is increasingly shifting from the sphere of control over deposits to the plane of technological leadership and management of global supply chains of «traditional» energy sources and energy of the future, as well as all the necessary resources for its production.

Ключевые слова: США, Иран, Китай, Израиль, нефтеэкспортёры, энергоносители, цепочки поставок.

Key words: USA, Iran, China, Israel, oil exporters, energy carriers, supply chains.

УДК 372.5

Политэкономия американо-иранского военного противостояния в 2026 г. носит черты экономической и финансовой изоляции Тегерана со стороны Вашингтона. Кампания экономического давления на Иран направлена на блокировку внешних доходов Ирана. Это восточное государство

существенно зависит от валютной выручки за нефть. Под удар также попадают компании и юрисдикции из третьих стран, оказывающих поддержку иранскому экспорту. Стратегическое положение Ирана ценно для мировой экономики тем, что это государство фактически контролирует северное побережье Ормузского пролива, через который проходит немалая часть нефти и сжиженного природного газа. Эти ресурсы крайне важны для многих стран. Любая напряжённость, ограничение судоходства почти мгновенно вызывают скачок цен на нефть и газ практически по всему миру. Иран обладает огромными запасами нефти и природного газа, входя в число мировых лидеров по их объёмам. Кроме того, Иран является важнейшим транспортным узлом Евразии. Иран связывает Россию и страны Балтии с Индией и арабскими государствами Персидского залива. Все указанные факторы влияют на торговые потоки Востока и Запада.

Американо-иранское противостояние находится в фокусе внимания Пекина. КНР имеет существенные интересы на Ближнем Востоке, включая стабильные поставки нефти, безопасность торговых путей, расширение инициативы «Один пояс, один путь». Китай покупает большую часть иранской нефти со скидками, а потому крайне заинтересован в бесперебойных морских перевозках через Ормузский пролив. Пекин развивает отношения как с Ираном, так и с монархиями Персидского залива, включая Саудовскую Аравию. Любой крупный конфликт в регионе поднимает цены на нефть, что существенно сказывается на экономике Китая.

События 2026 г. в регионе напрямую сказываются на региональных странах. Стратегия экономического развития государств Персидского залива, в частности ОАЭ, КСА, строится на превращении региона в глобальный хаб международного капитала, финансовых, торговых, сервисных услуг и т. п. Несмотря на то что туристический сектор (например, в Дубае) занимает около 10 % ВВП, основу экономики составляют банковский сектор, страхование, логистика и рынок недвижимости.

Таким образом «нефтеэкспортёры» вынуждены трансформироваться в «электрогосударства», чтобы сохранить конкурентоспособность в новой энергетической парадигме. В настоящее время наблюдается существенный интерес в мире к атомной энергии. Например, Вьетнам и Казахстан уже объявили о своих долгосрочных планах развивать атомную энергетику. Колебания цен на нефть, сбои в поставках тормозят развитие государств. Региональная архитектура отношений в Персидском заливе переживает тяжёлые времена. Большое внимание развитию атомной энергетики уделяет и Китай. Для него вопрос доступа к энергии является жизненно важным. Это существенным образом сказывается на судьбах населения не только самого региона, испытывающего серьёзную турбулентность, но и значительно сказывается на мировых нефтяных и прочих товарных рынках. Аравия является перекрёстком морских, воздушных коммуникаций, в которых остро нуждаются как Европа, так и Азия и Африка. Мировые державы ведут борьбу за доминирование в указанном регионе. Особую озабоченность в текущих условиях высказывают региональные державы – союзники США: Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Оман и др. Израиль проводит собственную политику, направленную на максимальное укрепление своих позиций, претендуя на территории в регионе. Серьёзные сдвиги происходят и на сырьевых рынках, нужда современных промышленно развитых государств в стабильных источниках поставок углеводородов и других сырьевых ресурсов вынуждает перекраивать логистические маршруты, нести издержки.

Ретроспектива геополитической трансформации ближневосточного региона. Ближний Восток занимает особое место в военно-политической стратегии Вашингтона. Активность США на иранском направлении провоцирует значительный интерес российских исследователей [1, 20, 28]. Реальность такова, что императивы внутренней политики Тегерана и Вашингтона совершенно несовместимы. Вражда, которая существует уже 47 лет, закреплена в обеих столицах, и эту проблему сложно решить. Меморандум о взаимопонимании, подписанный двумя странами (меморандум о взаимопонимании между США и Ираном был принят и подписан 17 июня, с учётом часовых поясов и даты завершения процедур – 18 июня 2026 г.), является попыткой договориться. Однако подписание данного документа не означает, что проблемы в отношениях двух стран решены. Проблемы на Ближнем Востоке серьёзно отражаются и на долговременных китайских интересах на Ближнем Востоке [2]. Китай продвигает свою повестку в рамках инициативы «Один пояс – один

путь», а также нуждается в стабильных поставках энергоресурсов из Ближнего Востока [3; 4; 5]. Для Ирана, гораздо более слабой в обычном вооружении державы, которая выжила в этой конфронтации с сильнейшими военными и могущественнейшей разведывательной организацией в мире – Соединёнными Штатами и Израилем соответственно – это большое достижение. Однако в конечном счёте Меморандум о взаимопонимании обеспечивает правильный баланс, и было бы ошибкой считать, что в нём есть победители и проигравшие.

На текущий момент появляется достаточно много противоречивой информации, которую очень сложно верифицировать. Сообщалось, что после очередных американо-иранских договорённостей Ирану якобы будет предоставлена возможность распоряжаться 300 млрд долларов для восстановления потерь. Однако США настроены серьёзно, их беспокоят права человека в Иране, а также они нуждаются в стабильных поставках углеводородов из Ирана и отсутствии у последнего ядерного оружия. Это, судя по всему, не устраивает Тегеран. Очевидно, что это трудноразрешимый конфликт, стороны не могут договориться. А потому США решили, что нужно использовать силу. Это провоцирует нестабильность во всём регионе. Иран, судя по всему, тоже не готов идти на уступки. Старые представления и методы ведения дел нависли над новым и не дают ему развиваться. Очевидно, что население Ирана тоже хочет позитивных изменений, мирной жизни и т. д.

До войны Иран продавал нефть Китаю, но не имел доступа к твёрдой валюте. Это одна из причин существенной девальвации иранской валюты. Появятся ли дополнительные покупатели иранской нефти и продуктов нефтехимии? Перейдут ли какие-либо нефтеперерабатывающие заводы на покупку иранской нефти, не зная, останутся ли в силе договорённости, которые действуют только в течение 60 дней, после этого или нет? По разным оценкам Иран получает 5-8 млрд долларов дохода от продажи энергоносителей в течение одного месяца. Здесь необходимо отметить, что Ближний Восток включён в систему, возглавляемую США, в рамках которой Вашингтон обеспечивает военную протекцию (прежде всего арабским странам Персидского залива) и создавал политические, инфраструктурные условия для интеграции региона в мировую экономику. Соединённые Штаты контролируют морские торговые пути, поскольку им выгодны торговые сделки на нефтяном рынке в долларах. Доходы от продажи нефти циркулировали на западных финансовых рынках, региональные экономики ориентировались на глобализацию под руководством США, а военная мощь США служила главным гарантом стабильности (а также дестабилизации, например в Йемене и Иране). Будущее экономики и аспекты безопасности обеспечивались одной и той же державой. Сегодня этот баланс с точки зрения США нарушается по мере того, как перераспределение экономической мощи в пользу Китая меняет геополитику. В то время как Соединённые Штаты в настоящее время в основном расширяют влияние за счёт военной мощи и обеспечения военно-политического господства на Ближнем Востоке, Китай расширил своё влияние за счёт торговли, инфраструктуры, государственного управления экономикой и всё чаще позиционирует себя как предсказуемого игрока на мировой арене. В течение 70 лет порядок, возглавляемый США, сохранялся, потому что торговля и безопасность развивались рука об руку. Ближний Восток – первая крупная арена, где эта согласованность ослабевает. Экономическая зависимость и зависимость в сфере безопасности направлены в разные стороны, и результатом является не полная передача власти от одного гегемона другому, а потенциальная трансформация самой гегемонии.

В 2024 г. политика США на ближневосточном направлении решала важный военно-политический вопрос: как объединить часть военных систем (прежде всего ПВО и разведку) своих партнёров и союзников – государств Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССГПЗ) и Израиля – для противодействия Ирану, поскольку, по мнению Вашингтона, именно Тегеран представляет угрозу для американского доминирования в регионе [6]. Раздираемый конфликтами Ближний Восток представляет существенную угрозу судьбам населения государств региона и отношениям США с этими странами [7].

Когда удары сыплются с обеих сторон (Израиль и Иран), каждая из них будет говорить: «Это он первым начал конфликт». Весной 2024 г. сообщалось, что Тегеран применил против Израиля 170 БПЛА, 120 баллистических ракет. Госдепартамент тогда резко осудил действия Ирана в отношении Израиля. Тогда же активное участие в отражении угроз принимала Иордания [8; 9].

К. Ульрихсен считает, что арабские государства Персидского залива в сложных геополитических условиях стараются проводить максимально диверсифицированную, осторожную политику [10, 18-19]. Ещё ранее о структурной трансформации внешнеполитических приоритетов саудовского королевства писал Г. Г. Косач [11, 132]. В начале американо-иранского противостояния США столкнулись с противодействием со стороны Саудовской Аравии. Саудовское королевство изначально отказало США в использовании своей территории для ударов по Ирану. Возмущённый Белый дом пригрозил приостановить поставку средств, необходимых Саудовской Аравии для перехвата иранских ракет и беспилотников, если королевство не изменит свою позицию. В конечном итоге Саудовская Аравия отступила. США рассматривают вопрос сокращения своего военного присутствия в королевстве. Угрозы со стороны США, о которых ранее не сообщалось, ознаменовали собой самый серьёзный за последние годы раскол в отношениях, которые на протяжении десятилетий лежали в основе соглашений о безопасности в Персидском заливе. Госсекретарь Марко Рубио совершил поездку в арабские страны Персидского залива (23-25 июня 2026 г.) для встреч с высокопоставленными чиновниками стран региона. Он посетил Объединённые Арабские Эмираты, Кувейт и Бахрейн – три страны, наиболее пострадавшие от американо-иранского противостояния, – но он не посетил Саудовскую Аравию. Чиновники королевства были недовольны и истолковали решение Рубио не посещать Эр-Рияд как жест пренебрежения. Представители администрации Трампа опровергли это утверждение и заявили, что Рубио провёл позитивные беседы с министром иностранных дел Саудовской Аравии Фейсалом ибн Фарханом на полях заседания Совета сотрудничества стран Персидского залива в Бахрейне. После встреч США и все члены ССПЗ опубликовали совместное заявление, в котором подтвердили свою «твёрдую приверженность» партнёрству. Неделями ранее наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Сальман отклонил приглашение участвовать в саммите «Большой семёрки» во Франции, протестуя против действий США в отношении войны. На встрече присутствовали лидеры ОАЭ, Катар и Египта. Наследный принц в письме французским организаторам мероприятия отметил, что не сможет присутствовать из-за ранее взятых на себя обязательств. Для саудовского королевства крайне важно внимание и к событиям, происходящим в Иране, и процессы, происходящие в Йемене, и политика США на данных направлениях.

Саудовская Аравия и США развивают отношения в военно-технической сфере со времён Второй мировой войны. На современном этапе Эр-Рияд расширяет номенклатуру приобретаемой у США военной продукции. Пока неясно, насколько глубоко разногласия и обиды могут повлиять на отношения, которые долгое время были краеугольным камнем политики военно-политического доминирования США на Ближнем Востоке. Тесные американо-саудовские связи обеспечивают бесперебойный поток нефти, цены на которую устанавливаются в долларах, и уравнивают значительные обязательства США перед Израилем. Королевство является крупным покупателем американского оружия и источником инвестиционного капитала, в том числе для критически важных цепочек поставок минералов, искусственного интеллекта и сотрудничества в области гражданской ядерной энергетики.

Саудовская Аравия проявляет серьёзную озабоченность активностью США, поскольку текущие события напрямую влияют на стабильность и процветание этого арабского королевства. Эр-Рияд и столицы других аравийских монархий прилагали усилия для налаживания диалога между конфликтующими сторонами, организовывали контакты и т. д. Саудовская Аравия неоднократно указывала на то, что ситуация может привести к серьёзным последствиям, в том числе для нефтяных рынков, цены на бензин в США уже выросли. Саудовская Аравия озабочена тем, как США потакают во всём Израилю. Эр-Рияд понимает серьёзность сложившейся ситуации и заинтересован в стабильном, мирном развитии своего населения.

Иран ответил ракетными и беспилотными атаками по территории арабских стран Персидского залива. В подписанном руководством США и Ирана документе делается упор на окончательном прекращении военных действий в Ливане, где Израиль воюет с «Хезболлой». Первый пункт трижды упоминает Ливан и обязывает США обеспечивать его территориальную целостность и суверенитет. Несмотря на первоначальное нежелание, саудовское королевство и другие

государства Персидского залива в итоге разрешили США использовать свои базы и воздушное пространство для нанесения ударов по Ирану. Королевство публично не признало, что наносило удары по Ирану.

Вызовы для глобальных рынков ресурсов: пример серы. Конфликт на Ближнем Востоке, блокирующий рынок поставок углеводородов, нанёс серьёзный удар по мировой торговле серой – важнейшим продуктом нефтегазовой отрасли. После переработки в серную кислоту, которую иногда называют «королём химикатов», сера становится незаменимым компонентом для производства удобрений, в металлургии и фармацевтике. Поэтому любые перебои с поставками серы мгновенно отражаются на самых разных секторах мировой экономики. Ближний Восток, будучи одним из важнейших источников экспорта нефти и газа, одновременно выступает и крупнейшим экспортёром серы: на регион приходится около половины всех мировых поставок. Основные покупатели: Китай, Индия, Индонезия и другие государства. Однако блокирование Ормузского пролива в результате американо-иранского конфликта практически парализовало эти потоки, вызвав хаос в глобальных цепочках поставок. Это значительно усложняет реализацию китайских инициатив, которые относительно долгое время реализует Пекин на Ближнем Востоке [12; 13]. Ситуация усугубляется тем, что ещё до начала конфликта рынок серы был крайне нестабильным. Цены уже приближались к максимумам за три-четыре последних года роста спроса со стороны производителей удобрений и никелевой промышленности Индонезии. Цены на серу взлетели, что демонстрирует тесную связь между энергетическим и серным рынками. Напряжение достигло такого уровня, что страны начали принимать экстренные меры для защиты собственных экономик: Турция объявила о запрете экспорта серы, Индия рассматривает аналогичные ограничения, а Китай планирует прекратить экспорт серной кислоты, получаемой как побочный продукт при выплавке меди и цинка.

Таким образом, дестабилизация на Ближнем Востоке угрожает не только региональным акторам, но и существенно сказывается на странах других регионов мира, в том числе на Китае и его долговременных планах на Ближнем Востоке, активно реализуемых с начала текущего столетия [14; 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дербенев, А. С. Аравийская динамика запутанной дилеммы США: схватка за «кормовые» территории / А. С. Дербенев // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – № 9. – С. 20-30.
2. Seyedi Asl S., Zabardast Alamdari Sh., Sadygzade MS. The position and role of Qatar in China's Middle East policy. RUDN Journal of World History. 2025;17(4). P. 566-583. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-566-583> EDN: JITOXZ.
3. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: trends and implications. BESA Center Perspectives Paper. 2010;39(2):39–68.
4. Yang H. Time to up the game? Middle Eastern security and Chinese strategic involvement. Asia Europe Journal. 2018;16(3). P.283–296. DOI: 10.1007/s10308-018-0509-6.
5. Lin C. China's strategic shift towards the region of the four seas: the Middle Kingdom arrives in the Middle East. ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security. 2013; (226). P. 1-24.
6. Дербенев, А. С. Усиление американо-саудовского взаимодействия в 2024 году: значимые сдвиги в военной сфере / А. С. Дербенев // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2025. – № 2. – С. 40-49.
7. Parker T. B., Bakir A. Strategic Shifts in the Gulf: GCC Defense Diversification Amidst US Decline // The International Spectator. – 2024. – Vol. – 59. – No. 6. P. 1-18. DOI: 10.1080/03932729.2024.2409243.
8. Banco, E., Seligman, L., McLeary, P. Iran Launches Large-Scale Attack against Israel / E.Banco, L.Seligman, & P. McLeary // Politico. 13 Apr. 2024. – URL: <https://www.politico.com/news/2024/04/13/iran-israel-attacks-00152116> (date of access: 14.05.2026).
9. Trofimov, Ya. Analysis: Israel Repelled Iran's Huge Attack. But Only With Help from U.S. and Arab Partners / Ya. Trofimov // The Wall Street Journal. 14 Apr. 2024. – URL: <https://www.wsj.com/world/middle-east/analysis-israel-repelled-irans-huge-attack-but-only-with-help-from-u-s-and-arab-partners-a7844065> (date of access: 14.05.2026).
10. Ulrichsen, K. The Gulf and its Foreign Policies / K. Ulrichsen // Journal of Gulf Studies. – 2024. –Vol. 1, no. 1. – P. 5-19. – DOI: 10.1386/jgs_00001_1.

11. Косач, Г. Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» / Г. Г. Косач // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – № 4. – С. 131-161.
12. Yang H. Time to up the game? Middle Eastern security and Chinese strategic involvement. *Asia Europe Journal*. 2018; 16(3). P. 283-296. <https://doi.org/10.1007/s10308-018-0509-6>.
13. Havlová R. Sino-Qatari relations after the 'Qatar blockade' in the context of the regional implementation of the Belt and Road Initiative. *Central European Journal of International and Security Studies*. 2020; 14(2). P. 4-24. <https://doi.org/10.51870/CEJISS.A140201> EDN: TSAJLF.
14. Bazoobandi S. *The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges*. London, New York: Palgrave Macmillan, 2020. P. 152. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-27885-4>.
15. Sun D., Zoubir Y. H. China's Economic Diplomacy towards the Arab Countries: Challenges Ahead? // *Journal of Contemporary China*. – 2015. – Vol. 24, no. 95. – P. 903-921. <https://doi.org/10.1080/10670564.2015.1013379>.

REFERENCES

1. Derbenev A. S. Araviiskaya dinamika zaputannoi dilemmy SSHA: skhvatka za «kormovye» territorii [The Arab Dynamics of the Confusing U.S. Dilemma: the Struggle for Valuable Territories] // *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. – 2024. – № 9. – P. 20-30. DOI 10.31857/S2686673024090028 EDN: ZVZBFZ. (In Russian).
2. Seyedi Asl S., Zabardast Alamdari Sh., Sadygzade MS. The position and role of Qatar in China's Middle East policy. *RUDN Journal of World History*. 2025; 17(4). P. 566-583. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-566-583> EDN: JITOXX.
3. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: trends and implications. *BESA Center Perspectives Paper*. 2010; 39(2). P. 39-68.
4. Yang H. Time to up the game? Middle Eastern security and Chinese strategic involvement. *Asia Europe Journal*. – 2018; 16(3). P. 283-296. DOI: 10.1007/s10308-018-0509-6.
5. Lin C. China's strategic shift towards the region of the four seas: the Middle Kingdom arrives in the Middle East. *ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security*. 2013; (226). P. 1-24.
6. Derbenev A. S. Usilenie amerikano-saudovskogo vzaimodeistviya v 2024 godu: znachimye sdvigi v voennoi sfere [Strengthening US-Saudi Cooperation in 2024: Significant Shifts in the Military Sphere] // *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2025. № 2. P. 40-49. DOI: 10.31857/S2686673025020038 EDN: INYFOG. (In Russian).
7. Parker T. B., Bakir A. Strategic Shifts in the Gulf: GCC Defense Diversification Amidst US Decline // *The International Spectator*. 2024. Vol. 59. No. 6. P. 1-18. DOI: 10.1080/03932729.2024.2409243.
8. Banco, E., Seligman, L., McLeary, P. Iran Launches Large-Scale Attack against Israel / E. Banco, L. Seligman, & P. McLeary // *Politico*. 13 Apr. 2024. – URL: <https://www.politico.com/news/2024/04/13/iran-israel-attacks-00152116> (date of access: 14.05.2026).
9. Trofimov, Ya. Analysis: Israel Repelled Iran's Huge Attack. But Only With Help from U.S. and Arab Partners / Ya. Trofimov // *The Wall Street Journal*. 14 Apr. 2024. – URL: <https://www.wsj.com/world/middle-east/analysis-israel-repelled-irans-huge-attack-but-only-with-help-from-u-s-and-arab-partners-a7844065> (date of access: 14.05.2026).
10. Ulrichsen, K. The Gulf and its Foreign Policies / K. Ulrichsen // *Journal of Gulf Studies*. – 2024. – Vol. 1, no. 1. – P. 5-19. – DOI: 10.1386/jgs_00001_1.
11. Kosach, G. G. Vo imya nacional'nyh interesov: vneshnyaya politika Saudovskoj Aravii posle «arabskoj vesny» / G. G. Kosach // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. – 2021. – № 4. – P. 131-161. – DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.
12. Yang H. Time to up the game? Middle Eastern security and Chinese strategic involvement. *Asia Europe Journal*. – 2018; 16(3). P. 283-296. <https://doi.org/10.1007/s10308-018-0509-6>.
13. Havlová R. Sino-Qatari relations after the 'Qatar blockade' in the context of the regional implementation of the Belt and Road Initiative. *Central European Journal of International and Security Studies*. 2020; 14(2). P. 4-24. <https://doi.org/10.51870/CEJISS.A140201> EDN: TSAJLF.
14. Bazoobandi S. *The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges*. London, New York: Palgrave Macmillan, 2020. P. 152. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-27885-4>.
15. Sun D., Zoubir Y. H. China's Economic Diplomacy towards the Arab Countries: Challenges Ahead? // *Journal of Contemporary China*. – 2015. – Vol. 24, no. 95. P. 903-921. <https://doi.org/10.1080/10670564.2015.1013379>.

Матиенко Н. В.
N. V. Matienko

УЛИЧНЫЕ КОМИТЕТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

STREET COMMITTEES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Матиенко Наталья Владимировна – магистр политических наук, независимый исследователь (Россия, Москва); тел.: +7(985)955-64-18. E-mail: matienko55@mail.ru.

Natalia V. Matienko – Master of Political Science, Independent Researcher (Russia, Moscow); tel. +7(985)955-64-18. E-mail: matienko55@mail.ru.

Аннотация. В статье предложено рассмотреть и проанализировать деятельность и роль массовых общественных самодельных организаций – уличных, квартальных комитетов – в годы Великой Отечественной войны. Выделено два основных направления деятельности общественных жилищных организаций: охрана общественного порядка и организация жителей на различные общественные работы. В части охраны общественного порядка описано их сотрудничество с массовыми общественными структурами, такими как Советское общество Красного Креста (РОКК), Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), группами охраны общественного порядка (группы ООП), отрядами местной противовоздушной обороны (отряды МПВО). Также в статье описана роль уличных комитетов в части организации населения на общественные работы по месту жительства, исследованы различные формы такого участия, приводятся практические примеры работы уличных комитетов и некоторые статистические данные.

Summary. The article proposes to consider and analyze the activities and role of mass public amateur organizations – street, block committees (housing organizations) at the place of residence during the Great Patriotic War. Two main areas of activity of housing organizations are highlighted: public order protection and organizing residents for various public works. In terms of public order protection, their cooperation with mass public structures is described, such as: Soviet Red Cross Society (ROKK); Society for Assistance to Defense, Aviation and Chemical Construction (OSOAVIAKhIM); public order protection groups (OOP groups); local air defense detachments (MPVO detachments). The article notes the role of street committees in organizing the population for community service at their place of residence, describes various forms of such participation, provides practical examples of activities and some statistical data.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, массовые организации, общественные самодельные организации, уличные комитеты, охрана общественного порядка, общественные работы.

Key words: Great Patriotic War, mass organizations, public amateur organizations, street committees, public order, community service.

УДК 947.085(571.6)

В годы Великой Отечественной войны деятельность общественных организаций по месту жительства, наряду с другими массовыми общественными организациями Союза Советских Социалистических республик (СССР), была направлена на мобилизацию всевозможных ресурсов страны для борьбы с фашистской Германией.

Однако изучению уличных комитетов (уличкомов) в годы войны, на наш взгляд, уделено незначительное внимание.

Преимущественно деятельность уличных комитетов в эти годы исследована в некоторых российских регионах. Например, встречаются серьёзные исследования Сибирского региона страны. В. В. Алексеев, А. С. Шевляков, О. А. Черемных пишут о повседневной жизни горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны в разрезе жилищно-бытового аспекта.

Е. Е. Лапшина, Т. П. Хлынина публикуют работы о жилищной политике и жилищно-коммунальном хозяйстве, в том числе анализируют годы Великой Отечественной войны, приводят примеры участия общественности в решении жилищно-бытовых вопросов.

Более широко исследовано участие населения в сфере охраны общественного порядка в годы войны. А. Г. Пашкин пишет о группах охраны общественного порядка в среднем Поволжье, В. В. Моисеев пишет о партийном руководстве НКВД массовыми организациями охраны общественного порядка в годы войны, отмечая при этом высокую роль уличных комитетов.

В. А. Морозов, О. А. Шатилова, Е. Г. Ермаков исследуют процесс взаимодействия органов милиции, общественных организаций и населения по охране общественного порядка в годы Великой Отечественной войны.

О. П. Федирко, Н. В. Матиенко публикуют комплексные исследования об истории уличных комитетов и моделях общественного участия в управлении жилищно-коммунальной сферой России.

В связи с вышесказанным целями данной статьи являются анализ и обобщение видов деятельности уличных комитетов в годы Великой Отечественной войны.

Поставлены следующие задачи:

- выявить виды и направления деятельности уличных комитетов в эти годы;
- проследить количественную динамику уличных комитетов;
- проанализировать участие уличных комитетов в охране общественного порядка;
- выяснить их роль в организации граждан на общественные работы по месту жительства.

Анализ деятельности квартальных и уличных комитетов в годы Великой Отечественной войны показывает, что их главными направлениями работы были участие в охране общественного порядка и организация жителей локальной территории на различные общественные работы [16, 16-17].

В сфере охраны общественного порядка надо отметить активную деятельность уличкомов в движении по созданию бригад содействия милиции. В довоенные годы, согласно Постановлению Совета народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик (СНК СССР) «О реорганизации обществ содействия милиции и уголовного розыска» (1932 год), были предприняты действия по организации общественных структур при силовых органах. Но широкой популярности среди населения в довоенные годы они не получили.

Стремление защитить семьи и родные дома, подкреплённое массовым патриотизмом, привело к резкому росту количества участников бригад в военное время. На основе Директивы Народного комиссариата внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик (НКВД СССР) от 25 августа 1941 года № 245 во всех населённых пунктах страны активизируется работа по созданию групп охраны общественного порядка (группы ООП) с целью вовлечения широкого круга граждан в активное противодействие распространению уголовной преступности на локальных территориях. Например, исследователи пишут о создании таких групп в Среднем Поволжье: «Причины, характерные и для всей страны, заключались в постоянном некомплекте личного состава органов милиции, доходившем до 20 % от штатной численности, с одной стороны, и в значительном увеличении объёмов работы органов охраны правопорядка, с другой.... Органы милиции старались при создании общественных структур опираться на проверенных активистов. Определённая доля членов этих групп приходилась на общественников – активистов уличных комитетов» [10, 20]. А. Г. Пашкин также отмечает, что к 1942 году группы ООП действовали в каждом населённом пункте Среднего Поволжья. Общее количество членов этих групп составляло свыше 15 000 человек, что укрепило и, несомненно, усиливало работу органов милиции [10, 21-22]. В городе Казани в конце 1941 года не было ни одной бригады содействия, а в конце 1943 года их насчитывалось 84, в состав этих бригад вошло 1140 горожан [6, 87].

Все мероприятия групп ООП проводились под руководством местных отделений милиции и участковых уполномоченных, в то же время группы имели право действовать самостоятельно вплоть до фактического задержания подозрительных лиц. В городах группы ООП патрулировали территории массового скопления граждан, в сельской местности охраняли различные хозяйственные объекты, патрулировали лесные зоны и другие глухие места на локальной территории, зани-

мались борьбой со шпионажем, с диверсантами, отслеживали нарушителей на железнодорожных линиях, мостах и местных дорогах.

Всего в 1941 году было создано 15 058 групп ООП с общим количеством 143 719 участников, а в 1943 году количество достигло 198 230 групп с численностью 1 108 905 участников [5, 24].

Достойную и неоценимую роль в истории Великой Отечественной войны сыграли отряды местной противовоздушной обороны (отряды МПВО). В начале войны, 02 июля 1941 года, вступает в силу Постановление СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Согласно этому документу обучиться основным нормам МПВО и состоять в группах самозащиты должны были все граждане СССР от 16 до 60 лет. Министерство внутренних дел СССР 3 июля 1941 года утвердило Положение о группах самозащиты жилых домов, учреждений и предприятий. Согласно этому документу, при домоуправлениях создавались группы МПВО по 15 человек на 200-500 жителей [13, 2]. Несомненно, при таком массовом подходе к организации населения по месту жительства невозможно было обойтись без привлечения активистов уличных и квартальных комитетов.

Например, в справке организационного отдела Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) о возникновении и развитии уличных комитетов отмечается следующее: «Особенно большое место заняли вопросы обороны в работе уличных комитетов Ленинграда. В порядке выполнения решений майского пленума Ленсовета о ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона) уличные комитеты Кировского района организовали в 50 жактах группы ПВХО, которыми охватили 1050 человек населения, группы самозащиты 213 человек, 25 домашних хозяйств получили звание начальников групп самозащиты и 50 человек начальников звена. Создано 50 санитарных постов с охватом 250 человек. В Свердловском районе 800 домохозяек сдали комплекс норм ПВХО. В Выборгском районе создано 5 кружков РОКК, в которых занимались 180 домохозяек. Многие домашние хозяйки по предложению уличных комитетов приобрели противогазы и участвуют в тренировочных занятиях. Аналогичную работу проводят уличные комитеты гор. Вологды, Ростова-на-Дону, Прокопьевска и т. д.» [5, 27-29].

Помимо создания групп местной противовоздушной обороны, стали создавать систему всеобщего оповещения населения об угрозе нападения и светомаскировке в городах. Значимую роль в этой подготовке по месту жительства также сыграли уличные комитеты [14, 216].

Ряд исследователей в своих работах делают выводы, что охрана общественного порядка в период Великой Отечественной войны не представляется без участия общественности. В. А. Морозов, О. А. Шатилова, Е. Г. Ермаков в своей статье отмечают: «...в результате эффективного взаимодействия органов милиции с общественными организациями (группами охраны общественного порядка, бригадами содействия милиции, отрядами местной противовоздушной обороны), а также населением (...членами уличных и домовых комитетов и дворниками)» удалось обеспечить общественный порядок в стране и вести достаточно эффективную внутреннюю борьбу «с вражеской агентурой, шпионами, лазутчиками, парашютистами, распространителями провокационных и ложных слухов, дезертирами и преступниками» [10, 22].

Анализируя роль уличных, квартальных комитетов в сфере организации населения на общественные работы по месту жительства, мы должны отметить, что такая общественная деятельность осуществлялась на всей территории СССР, была выражена в различных формах, таких как организация и проведение месячников и недель чистоты, субботников, воскресников, организация социалистических соревнований между домами, улицами, кварталами по ремонту жилья и благоустройству территорий, организация общественных (совместных) заготовок дров и продуктов питания, оказание шефской помощи военным частям и госпиталям, сбор посылок на фронт, и многих других формах совместной деятельности по месту жительства [15, 17].

В довоенные годы в стране уже была сформирована довольно широкая сеть организаций общественной самодеятельности по месту жительства. Так, в справке организационного отдела ВЦИК о возникновении и развитии уличных комитетов по итогам 1935 года отмечается следующее: на 1 июля 1935 года число городов, где были созданы уличные комитеты, составляло 721 город, к 1 июля 1936 года уличные комитеты были организованы уже в 876 городах РСФСР. Одно-

временно росло и число уличных комитетов. Так, по статистическим данным, на 1 июля 1935 года в РСФСР было организовано 11 989 уличных комитетов, а к 1 июля 1936 года число их возросло до 16 264 комитетов [9, 150].

В годы войны потребность в организации уличных комитетов возросла в разы по ряду объективных причин. Война резко ухудшила жилищные условия населения по сравнению с предвоенным временем. На территории СССР было сожжено и полностью разрушено (есть публикации с иными количественными показателями) свыше 1710 городов, 70 000 посёлков и деревень, что привело к катастрофической нехватке жилья практически на всей территории страны [2].

В регионах, где непосредственно военных действий не велось, также фиксировалась сложная жилищно-бытовая обстановка, вызванная эвакуацией оборонных заводов. Одной из основных территорий страны для размещения эвакуированных хозяйственных субъектов стала Западная Сибирь. Как показывает статистика того времени, с июля по ноябрь 1941 года на указанной территории разместили 244 промышленных предприятия [1, 64].

С перемещением предприятий, соответственно, эвакуировались и сотрудники: рабочие, инженеры и члены их семей. Также постоянно подъезжали беженцы с занятых врагом и прифронтовых территорий. К примеру, в Новосибирске до войны проживало 450 тыс. человек, а жилой фонд составлял 1408 тыс. кв. м. На эту жилплощадь дополнительно заселили около 92 тысяч граждан, эвакуированных из западных областей [1, 66].

Аналогичная ситуация повторялась во множестве городов СССР, и всех вновь прибывших нужно было обеспечить жильём. В годы войны строительные темпы в регионах-реципиентах не поспевали за развитием промышленности и демографическим ростом. Недоставало ресурсов для благоустройства и поддержания гигиенических норм в жилищной сфере.

Местные органы власти стали принимать решения по возведению упрощённого жилья: общежитий, казарм, бараков, полужемлянок. В срочном порядке под жильё приспособлялись склады, различные хозяйственные постройки. Например, 1 октября 1941 года Новосибирские обком ВКП(б) и облисполком издали постановление «Об использовании чердаков жилых зданий под жильё» [16, 12].

Из-за колоссального наплыва эвакуированных, нехватки жилых метров и высокой скученности горожан санитарное состояние принимающих городов резко ухудшилось. С антисанитарией пытались бороться различными методами, однако нехватка ресурсов и медперсонала крайне осложняла исправление положения. Для выполнения данных задач, включая простейшие благоустроительные работы, местные Советы всё чаще использовали активистов уличных комитетов и старались создавать новые уличные комитеты.

С помощью общественности периодически проводились недели и месячники чистоты, организовывались социалистические соревнования по очистке территорий, проводились массовые субботники и воскресники, санитарные обходы, создавались санитарные дружины.

В городах, где в довоенные годы не успели сложиться системы уличных и квартальных комитетов, начали активно их создавать, причём в самые короткие сроки. Например, в 1944 году в Томске горожане под руководством местных Советов организовали 77 уличных комитетов. Районный исполнительный комитет (Райисполком) согласовал создание 56 комитетов. По районам города Томска уличкомы распределились следующим образом: 25 – в Кировском районе города; 15 – в Куйбышевском районе; 16 – в Вокзальном районе [16, 14].

О. А. Черемных в своих исследованиях состояния населения Западной Сибири в послевоенные годы отмечает: «Заметным явлением в повседневной жизни стало участие граждан в общественных мероприятиях, направленных на санитарную обработку территории и благоустройство. В условиях войны это было особенно важно. Субботники, воскресники, декадни и месячники чистоты сдерживали распространение массовых заболеваний. Следует отметить, что и до войны улучшение бытового положения граждан никогда не рассматривалось властью как первоочередная насущная задача. Приоритет всегда отдавался развитию производственных мощностей. В годы войны материально-бытовое положение граждан, и без того оставлявшее желать лучшего, резко ухудшилось. Это было выживание в условиях полуголодного состояния, изматывающего интен-

сивного труда на производстве, угрозы болезней и приглушённой, но постоянной боли за родных и близких, воевавших на фронте» [11, 24].

В целом на уличные и квартальные комитеты возлагалась задача практического содействия исполнительным комитетам городов, районов и сёл в вопросах улучшения благоустройства при-домовых территорий, повышения санитарно-бытового уровня территорий многоквартирных домов, усадеб, общежитий и прочих жилых строений, а также обеспечения сохранности жилого фонда.

Но жилищными активистами организовывалась и другая, самая разнообразная общественная работа по месту жительства. Например, Т. И. Лебедева, описывая уличные комитеты города Борисоглебска, отмечает, что в период военного времени в городе работало более 90 уличных комитетов, которые осуществляли самую разную деятельность: «Отработано неорганизованным населением по благоустройству города 170 трудодней. При непосредственном руководстве уличных комитетов было заготовлено дров для семей фронтовиков 90 куб. м, охвачено подпиской на 4-й военный заём неорганизованного населения на сумму 20 тыс. рублей, местных налогов собрано на сумму 59 901 руб., при задании 55 604 руб., страховые платежи собраны на 100 %» [8, 131].

Исследователи Т. П. Хлынина, Е. Е. Лапшина в своих работах о жилищной политике в годы Великой Отечественной войны отмечают большую роль общественности в сохранении жилья и организации минимальных бытовых услуг, таких как подвоз дров, восстановление оконного стекла, восстановление разрушенных водопроводных труб и др. В Ленинграде были организованы и активно действовали комсомольские бытовые отряды: «Бойцы отряда Приморского района, созданного в январе 1942 г., убирали комнаты, привозили воду и дрова, топили печь, устраивали детей в детдома...» [3; 15, 18; 7, 150].

Уличные комитеты повсеместно инициировали сбор посылок на фронт, организовывали шефства над палатами в госпиталях. Т. И. Лебедева приводит такие примеры: «...уличные комитеты оказали большую помощь в оборудовании и украшении госпиталей. Предприятия и население Борисоглебска откликнулись на призыв работников РОККа и уличных комитетов на заготовку соломы для набивки матрасов, организовали срочный ремонт коек, из домашнего обихода приносили одежду, бельё, ковры, скатерти, гардины, мебель, драпировки и шторы, инвентарь (термосы, кипятильники), столовую посуду (было собрано 4482 столовых предмета)» [8, 132].

Война с фашистской Германией нанесла огромный ущерб жилищному фонду нашей страны, по разным источникам, было разрушено от 70 до 100 млн кв. м жилья [2]. Жилищный фонд страны нуждался в скорейшем восстановлении, органы партийной и советской власти ставят задачу в кратчайшие сроки восстановить разрушенное хозяйство страны, в том числе и жильё, а также выстроить оптимальную систему управления жилищным хозяйством.

Учитывая активное участие уличных комитетов в управлении территориями проживания в период военного времени, партийные и советские органы власти привлекают жителей к восстановлению жилья и разрушенного народного хозяйства, о чём свидетельствует Постановление, принятое в 1943 году Советом министров СССР и Центральным комитетом Коммунистической партии (большевиков) ЦК ВКП (б), «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» [4].

Опираясь на практику массового участия жителей в работе уличных и квартальных комитетов, органы советской власти принимают решение о привлечении жителей к частичному общественному управлению многоквартирными домами посредством проведения общих собраний жителей и совместного принятия основных решений по управлению и эксплуатации жилья [17, 237-238].

Таким образом, проведя данное исследование, автор приходит к выявлению двух основных направлений деятельности уличных комитетов в годы Великой Отечественной войны: участие в охране общественного порядка и организация населения на различные общественные работы по месту жительства. Прослеживается высокая организационная роль уличных комитетов в данных направлениях деятельности и динамика количественного роста уличных комитетов в ряде городов.

Необходимо также отметить, что граждане через общественные массовые организации по месту жительства – уличные, квартальные комитеты, а также общие собрания жителей – посредством своего личного участия сыграли значимую и положительную роль в решении жилищных проблем в период Великой Отечественной войны и послевоенное десятилетие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, В. В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны: моногр. / В. В. Алексеев, В. А. Исупов; отв. ред. С. С. Букин; АН СССР, СО, Институт истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 232 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 113. Д. 3. Л. 157. Справка ВЦИК о работе уличных комитетов.
3. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 113. Д. 3. Л. 135-138.
4. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 217. Л. 200 -256.
5. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 910. Л. 27-29.
6. История российской гражданской обороны // Октябрьск: Администрация городского округа Самарской области, 2025. – URL: https://oktyabrskadm.ru/the_history_of_russian_civil_defense/ (дата обращения: 07.02.2025). – Текст: электронный.
7. Лапшина, Е. Е. Жилищная политика и жилищно-коммунальное хозяйство / Е. Е. Лапшина // Молодой учёный. – 2011. – № 2. – С. 149-153.
8. Лебедева, Т. И. Деятельность общественных организаций в годы Великой Отечественной войны (на примере Борисоглебского района) / Т. И. Лебедева // Материалы научной сессии. Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Борисоглебск, 01-30 апреля 2017 года. – Борисоглебск: ООО «Кристина и К», 2017. – С. 131-135.
9. Матиенко, Н. В. Общественное управление по месту жительства в СССР на примере города Биробиджана (1930-1950-е гг.) / Н. В. Матиенко // Советские регионы: политика, экономика, повседневность. 1930-1950-е годы: материалы XVI Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 21-23 июня 2024 г. / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М.: Политическая энциклопедия. 2024. – С. 149-162.
10. Морозов, В. А. Взаимодействие органов милиции, общественных организаций и населения по охране общественного порядка в годы Великой Отечественной войны / В. А. Морозов, О. А. Шатилова, Е. Г. Ермаков // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 3 (19). – С. 20-28.
11. Моисеев, В. В. Партийное руководство МПВО НКВД СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны / В. В. Моисеев. – М.: Академия МВД СССР, МФЗЮ, 1988. – 146 с.
12. Пашкин, А. Г. Группы охраны общественного порядка в среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов: причины создания и результаты деятельности / А. Г. Пашкин // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 4. – Ч. 2. – С. 386-400.
13. Сборник постановлений СНК СССР 1941 г. № 16, ст. 314.
14. Федирко, О. П. Исторические этапы и модели общественного управления граждан по месту жительства в России (1914-1937 гг.) / О. П. Федирко, Н. В. Матиенко // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 12. – С. 215-223.
15. Хлынина, Т. П. Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны / Т. П. Хлынина // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29): История. Социология. – С. 17-38.
16. Шевляков, А. С. Повседневная жизнь горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: жилищно-бытовой аспект / А. С. Шевляков, О. А. Черемных // Библиотека журнала «Русин». – 2015. – № 2. – С. 7-22.
17. Юрьева, Л. А. Договор управления многоквартирным домом / Л. А. Юрьева; под ред. И. Д. Кузьминой. – М.: Юстицинформ, 2011. – 256 с.

REFERENCES

1. Alekseev V. V. Sibir' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sbornik nauchnykh trudov[Siberia during the Great Patriotic War: a collection of scientific papers] / Otv. red. V. V. Alekseev. Novosibirsk: b. i., 1986, p. 164. (In Russian).
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 1235. Op. 113. D.3. L.157. Spravka VTsIK o rabote ulichnykh komitetov[Information from the Central Executive Committee on the work of street committees] (In Russian).
3. GARF. F. 1235. Op. 113. D.3. L.111-112.
4. GARF. F. R-5446. Op.1. D.217. L. 237-238.

5. GARF. F. 1235. Op. 113. D. 3. L. 135-188.
6. Istoriya Rossijskoj grazhdanskoj oborony. Informaciya: sajt. – administraciya gorodskogo okruga Oktyabr'sk, 2025 - Rezhim dostupa: <https://oktyabrskadm.ru> (data obrashcheniya: 07.02.2025).
7. Lapshina E. E. ZHilishchnaya politika i zhilishchno-kommunal'noe hozyajstvo // Molodoj uchenyj. 2011, no. 2. pp. 149-153 (In Russian).
8. Lebedeva T. I. Deyatel'nost' obshchestvennyh organizacij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Borisoglebskogo rajona) // Materialy nauchnoj sessii. Borisoglebskij filial FGBOU VO «Voronezhskij gosudarstvennyj universitet». 2017. 134 p. (In Russian).
9. Matienko N. V. Obshchestvennoe upravlenie po mestu zhitel'stva v SSSR na primere goroda Birobidzhana (1930–1950-e gg.) [Public administration at the place of residence in the USSR on the example of the city of Birobidzhan (1930s-1950s)] // Sovetskie regiony: politika, ekonomika, povsednevnost'. 1930–1950-e gody: Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 21–23 iyunia / [otv. red. A.K. Sorokin]-M.: Politicheskaja entsiklopedija, 2024, pp. 149-162 (In Russian).
10. Morozov V. A. Shatilova, O. A. Ermakov, E. G. Vzaimodejstvie organov militsii, obshchestvennykh organizatsii i naselenija po okhrane obshchestvennogo poriadka v gody Velikoi Otechestvennoj vojny [Interaction of police authorities, public organizations and the public to protect public order during the Great Patriotic War] // Altaiskij iuridicheskij vestnik. 2017, no. 3(19), pp. 20-28 (In Russian).
11. Moiseev V. V. Partiinoe rukovodstvo MPVO NKVD SSSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoj vojny [The party leadership of the MPVO of the NKVD of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War]. Moscow, 1988. 146 p. (In Russian).
12. Pashkin A. G. Gruppy okhrany obshchestvennogo poriadka v srednem Povolzh'e v gody Velikoi Otechestvennoj vojny 1941-1945 godov: prichiny sozdaniia i rezul'taty deiatel'nosti [Public order protection groups in the Middle Volga region during the Great Patriotic War of 1941-1945: reasons for creation and results of activity] // Prepodavatel' XXI vek. 4, Chast' 2, 2022, pp. 386-400 (In Russian).
13. Sbornik postanovlenij SNK SSSR 1941 g. no.16, st. 314 (In Russian).
14. Fedirko O. P., Matienko N. V. Istoricheskie etapy i modeli obshchestvennogo upravleniya grazhdan po mestu zhitel'stva v Rossii (1914-1937 gg.) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023, no. 12 pp. 215-223 (In Russian).
15. Hlynina T. P. ZHilishchnaya vopros i praktiki ego razresheniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Nauchnyj dialog. 2014. no. 5 (29): Istoriya. Sociologiya. pp. 17-38 (In Russian).
16. Shevliakov A. S. Cheremnykh, O. A. Povsednevnaia zhizn' gorozhan Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoj vojny: zhilishchno-bytovoi aspekt [Daily life of the citizens of Western Siberia during the Great Patriotic War: housing and household aspect] // Biblioteka zhurnala «Rusin», 2015, pp. 7-22 (In Russian).
17. Iur'eva L. A. Dogovor upravleniia mnogokvartirnym domom [Apartment building management Agreement] / Pod red. I. D. Kuz'minovi. M., 2011, pp. 39-42 (In Russian).

Ярославцева Т. А.
T. A. Yaroslavtseva

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЕ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES SECTOR IN Khabarovsk Krai

Ярославцева Татьяна Александровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России им. И. Ф. Шилова (Россия, Хабаровск). E-mail: mu322@mail.ru.

Tatiana A. Yaroslavtseva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines, I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, Khabarovsk). E-mail: mu322@mail.ru.

Аннотация. Реализация государственной политики в жилищно-коммунальной сфере в разные исторические периоды имеет как положительные, так и негативные последствия для отраслевого хозяйства (ЖКХ) и населения. В работе рассматривается опыт государственной политики в жилищно-коммунальной сфере в России (дооктябрьский, советский и постсоветский периоды), который указывает на предпосылки к снижению качества жилищно-коммунальных услуг и может способствовать решению жилищно-бытовых проблем населения в современной России.

Summary. The implementation of state policy in housing and communal services area has both positive and negative consequences for the sectoral economy and the population in different historical periods. The paper examines the experience of state policy in the housing and utilities sector in Russia (the pre-October, Soviet, and post-Soviet periods), which indicates the prerequisites for a decrease in the quality of housing and utilities services and can contribute to solving the housing and domestic problems of the population in modern Russia.

Ключевые слова: жилищно-коммунальная сфера, жилищно-коммунальное хозяйство, модели управления ЖКХ, потребительское благо, социальная защита.

Key words: housing and communal services, housing and communal economy, models of housing and communal services management, consumer goods, social protection.

УДК 93/94

В современной России большая часть инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса (ЖКК) и жилищного фонда, возведённого в 1930-х – 1997 гг., находится в кризисном состоянии. Жилище как общественное экономическое благо не в полной мере удовлетворяет жилищно-бытовые потребности населения и не является личным экономическим (потребительским) благом. Сложившиеся обстоятельства усиливают миграционные тенденции среди населения, особенно в таких регионах, как Хабаровский край.

За длительный период социально-экономического развития Дальнего Востока и в частности Хабаровского края сложился опыт решения жилищно-бытовых проблем населения. Однако практика регулирования отмеченных вопросов в России имела место и в XIX в.

В Российской империи посредством установления в *обязательных постановлениях* требований к общественному порядку во всех сферах жизнеустройства населения осуществлялось государственное регулирование жилищных отношений. С развитием «общественного (коммунального) хозяйства» регулирование прав, обязанностей и ответственности всех участников жилищной сферы распространилось на городских территориях. Например, в местной газете Приморского края были опубликованы обязательные постановления, содержавшие правила «...о содержании улиц и дворовых участков», «об устранении пожарных бедствий...» и др. [8]. Так, возле домов требовали делать палисады, сажать деревья.

Городские думы на основании ст. 103 закона от 1870 г. № 48498 «О Городовом положении» издавали обязательные постановления, определявшие меры поведения для всех слоёв населения. Например, в сфере благоустройства к таким мерам относили: «регулярную чистку дворов и помойных ям и санитарное содержание отхожих мест», а также принятие мер «предосторожности против порчи воды» и «содержание в исправности и чистоте улиц, площадей, мостовых, тротуаров, сточных труб, колодцев, канав» всеми частными лицами, учреждениями и ведомствами и др. [14, 5].

С 1878 г. действовали правила № 59174, регламентирующие наём квартир или комнат [11, 432]. Контроль распространялся и на оказание предпринимателями услуг, связанных с отоплением, освещением, ремонтом, благоустройством, водоснабжением, вывозом нечистот, наймом жилья и др.

Городские жители при нарушении норм правовых актов привлекались к ответственности. С 1878 г. действовали правила о наложении денежных штрафов на домовладельцев и заведующих домами и подобными заведениями, например, за «не объявление» полиции о приезжающих и отъезжающих гражданах. Виновных лиц привлекали к ответственности на основании ст. 29 Устава «О наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Основным органом, имевшим право применять меры юридической ответственности, являлся суд [14, 6]. Данные обстоятельства положительно повлияли на воспитание у населения соответствующего отношения к праву, и нарушения сводились к минимуму.

С 1892 по 1917 гг. основными механизмами в достижении общественного порядка в жилищно-коммунальной сфере являлись надзор и контроль административно-полицейских структур, к которым относились структурные подразделения системы МВД (строительная полиция, санитарная полиция, трудовая полиция, полиция общественных нравов и др.). В функции специально созданных полиций входило «наблюдение за уличным освещением, санитарным благоустройством населённых мест, содержанием кладбищ». В ведении Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел находились и вопросы контроля и надзора за «производством дел по городскому хозяйству» [10, 106-107].

Для контроля привлекались санитарные попечители города, члены городской управы и архитекторы. Как свидетельствует сообщение Хабаровского городского головы И. И. Еремеева в канцелярию Приамурского генерал-губернатора (постановление от 24 июня 1911 г. № 3195): «... в комиссию по осмотру построек частных зданий в г. Хабаровске назначены: член управы А. Я. Деметьев и городской архитектор В. В. Поляков» [13].

Особого внимания заслуживает опыт правления Александра III (1881-1894 гг.). С 14 августа 1881 г. по 1917 г. действовало Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [12].

Ответственным органом, обеспечивавшим порядок в жилищно-коммунальной сфере, было назначено МВД. Отсюда требования министра внутренних дел подлежали «немедленному исполнению всеми местными начальствами». Всем ведомствам предписывалось оказывать полное «содействие установлениям и лицам, коим вверено охранение» (п. 1) [12]. Положение устанавливало и жёсткую ответственность административных лиц за *бездействие*: размер установленных взысканий мог быть повышен на одну и даже на две степени, по сравнению с высшей мерой, предусмотренной законом. Наряду с деятельностью по предупреждению и пресечению уголовных правонарушений, полицейские стражники вели надзор за санитарно-эпидемиологическим и противопожарным положением, состоянием дорог. В случаях нарушения санитарных требований составлялись акты и направлялись к мировому судье «для привлечения виновных к ответственности» [20, 155-156].

В структуре МВД действовал Департамент хозяйственный (1819-1917 гг.), в ведении которого находились вопросы городского хозяйства и благоустройства. Одновременно при данном департаменте МВД решали специфические вопросы, связанные со страховыми случаями, деятельностью *Страхового комитета и Страхового отдела*.

По ходатайству министра внутренних дел, одобренному Государственным Советом, императором было принято решение о продлении действия льгот для переселенцев в Амурскую и При-

морскую области «на срок до 10 лет, начиная с 27 апреля 1891 г.» [7]. Согласно Правилам переселения в Приамурский край, с 1882 г. в Южно-Уссурийском округе из казны выдавались ссуды для обзаведения хозяйством в «сумме 600 руб. сроком на 33 года», прибывшим морским путём через Владивосток. С 17 мая 1887 г. ссуду на тех же условиях имели право получить переселенцы, прибывшие на Дальний Восток иным способом [2]. Отметим, что надзор за использованием городских сумм для обустройства переселенцев находился в компетенции Городского полицейского управления.

Переселенческая политика ускорила процесс заселения дальневосточных территорий и привела к более быстрым темпам создания инфраструктуры жилищного и коммунально-городского хозяйства, чем в целом по стране. Крупными по числу жителей в Дальневосточном регионе считались города Благовещенск, Владивосток, Хабаровск, Николаевск, Охотск. В частности, в Хабаровске к 1884 г. было построено 559 жилых и 382 нежилых строения. К 1889 г. в городе уже было 854 дома, 599 нежилых строений. В Хабаровске отмечался «ежегодный прирост жилых домов, например, в 1894 г. – 25, а в 1895 г. – 52» [20].

Следует обратить внимание на то, что городские власти поощряли желающих строить жилые дома для развития жилищного рынка. Предпринимателям выделяли земельные участки под строительство домов по заниженной стоимости, помогали решать проблемы в снабжении строительными материалами. Способствовало прогрессу и то, что оформление документов на строительство жилого дома значительно упрощалось. От части городских налогов освобождали кооперативы, выполняющие работы по строительству жилья. Они могли получить и кредиты на льготных условиях. Всё это опровергает утверждение отечественного исследователя В. Н. Литовкина о том, что в дореволюционный период «... государство самоустранилось от решения квартирного вопроса, несмотря на его социальную остроту» [5].

Полицейский надзор распространялся на всю сферу использования жилого помещения. Под полицейским контролем находились вопросы найма домовладений и квартир, а за нарушение контрактных условий домовладельцы привлекались к ответственности. Порядок предусматривал обязательное заключение комиссии, сформированной в соответствии с циркуляром МВД [20, 133]. Домовладельцам предписывалось предоставлять сведения о стоимости и условиях найма помещений не только в Городское квартирное присутствие, в городские и земские управы, страховые общества и кредитные по залогу недвижимых имуществ учреждения, но и в полицейские управления.

С целью «смягчения трудности проживания в Приморской и Амурской областях» чиновникам установили временную прибавку к квартирным окладам. С суммы оплаты найма жилого помещения в городах и поселениях уплачивался государственный квартирный налог. Налогом облагались лица, занимавшие помещения. Полицейский надзор был обязателен при сборе налога. Поэтому чиновники полиции совместно с председателем Городского присутствия имели право осматривать жилые помещения и проверять цены на услуги по найму жилого помещения [19].

Во всех видах и сферах хозяйствования, в том числе в жилищно-коммунальной сфере, за несоблюдение требований наступала ответственность (штраф, ликвидация, запрет осуществлять деятельность). Следовательно, нарушать законодательство, установленные правила, утверждённые уставы хозяйствующих субъектов было не в интересах учредителей. К ответственности привлекались сельские и волостные начальники, а также должностные лица полиции, которые узнали о несоблюдении правил, но не приняли мер (штраф не более 100 р., а для сотрудников полиции – вычет из жалованья за 1-6 месяцев или увольнение).

Как результат, несмотря на бюрократические сложности, методы стимулирования и правового регулирования жилищных отношений позволяли решать часть жилищных проблем населения. В целом, порядок в жилищно-коммунальной сфере Российской империи достигался с помощью регламентации жилищных отношений, контрольной деятельности государственных органов и в частности МВД.

Анализ опыта царского правления свидетельствует о том, что в жилищно-коммунальной сфере действовали эффективная модель и целесообразный механизм исполнения в сочетании с установлением обязательной ответственности, что способствовало обеспечению порядка в жи-

лищном и коммунальном хозяйстве частного использования и в целом повышению экономического благополучия Российской империи.

В Советский период уже с учётом изменившихся политических и экономических реалий постепенно формировалась иная модель жизнеобеспечения населения. Начало государственной политике в жилищно-коммунальной сфере в советский период положили Декреты СНК РСФСР «Об отмене частной собственности на городские недвижимости» от 23 ноября (06 декабря) 1917 г. и ВЦИК «О запрещении сделок с недвижимостью» от 06 (29) декабря 1917 года. С принятием данных актов с конца 1917 по 1921 гг. все объекты ЖКХ: водопровод, электростанции, бани, гостиницы, жилые строения и предприятия, обслуживавшие их, – перешли в собственность государства.

Заложил основу распределения жилищ по социальному признаку Декрет «О вселении семейств красноармейцев и безработных рабочих в квартиры буржуазии и о нормировке жилищных помещений», принятый на заседании Петроградского Совета 01 марта 1918 г.

Отметим, что началу целевой политики в жилищно-коммунальной сфере предшествовал VIII съезд РКП(б) (18-23 марта 1919 г.), определивший задачи: «... стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс; к уничтожению скученности и антисанитарности, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся» [9]. На решение поставленных задач был направлен и Декрет СНК РСФСР «О мерах улучшения жилищных условий трудящегося населения и о мерах борьбы с разрушением жилищ» (23 мая 1921 г.).

Одновременно с разработкой стратегии государственной политики в жилищно-коммунальной сфере советско-партийные органы приступили к формированию системы управления национализированным и муниципализированным имуществом в ЖКК. В результате неоднократных преобразований с марта 1918 г. по конец 1930 г. централизация управления жилищно-коммунальными объектами была возложена на отдел местного хозяйства НКВД. Позднее руководство ЖКК вели Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (1931-1946 гг.), переименованный в Министерство коммунального хозяйства РСФСР, преобразованный в Министерство ЖКХ РСФСР (1971-1990 гг.).

Созданный в 1938 г. Хабаровский край стал примером реализации советской политики в области ЖКК и ЖКХ. Главным звеном в управлении ЖКК и ЖКХ были определены Советы и их исполнительные органы. Текущие вопросы ЖКХ находились в ведении специально созданных структур регионального уровня. Так, Далькрайисполком создал для этой цели инспекцию коммунального хозяйства при административном отделе. После 1938 г. вопросы ЖКХ были сосредоточены в крайисполкомах Хабаровского и Приморского краёв. Непосредственное управление объектами ЖКХ и вопросы эксплуатации жилищного и коммунального хозяйства решались и в городских, районных советах, и в соответствующих исполкомах.

Советы всех уровней требовали от коммунальных организаций не только создать домоуправления, но и «не допускать разрушения как коммунальных, так и частновладельческих жилых строений», как этого предписывало постановление ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» (1937 г.), нормы которого действовали более 40 лет.

Советско-партийные органы принимали стратегические программные решения. Так, на XXII съезде КПСС ставилась задача на ближайшие 10-15 лет «... обеспечить каждую семью благоустроенной квартирой, соответствующей требованиям гигиены и культуры быта». Третья Программа КПСС, принятая на съезде, послужила основой для развернувшегося с 1958 г. массового жилищного строительства.

В Хабаровском крае девятая пятилетка (1971-1975 гг.) не имела себе равных по объёму жилищного и культурно-бытового строительства. Так, в 1975 г. было введено в эксплуатацию жилой площади в 2 раза больше, чем в 1965 г.

Приведём данные органов статистики: в 1989 г. жилищный фонд Хабаровского края составлял «26 502,7 тыс. кв. м. общей площади, в т. ч. жилых домов, построенных за счёт государ-

ственных капитальных вложений – 962,4 тыс. кв. м. (в 1990 г. – 27 366,4 тыс. кв. м. / 841,1; в 1991 г. – 602,6)», с 1992 г. строительство жилья практически было остановлено из-за отсутствия средств [6, 25].

В результате перестроечного курса М. С. Горбачёва (1985-1990 гг.) поступательное движение развития практики обеспечения жильём населения и совершенствования управления ЖКК остановилось.

С 1988 г. не только сократилось финансирование жилищного строительства, но и прекратились работы по капитальному ремонту жилфонда, возведённого в городах более 50-60 лет назад, большая часть которого к концу 1980-х гг. превышала нормативные показатели пригодности использования.

В 1990-1993 гг. жилищно-коммунальный сектор Хабаровского края из-за приватизации и ваучеризации фактически прекратил функционирование. Край переживал аварию за аварией. Это неизбежно отражалось на качестве жизни населения и повлекло его отток из региона в европейскую часть страны. Потеряв надежду на решение жилищных проблем, дальневосточники начали покидать Хабаровский край. Так, если миграционный прирост населения (на 1000 чел.) составлял «в 1990 г. 8370 чел. и в 1991 г. 2539 чел., то убыль достигла в 1992 г. – 10 998 чел., в 1993 г. – 9601 чел.» [6, 17].

Следует отметить особенность советской модели ЖКХ: единая система хозяйствования и управления в жилищно-коммунальной сфере в течение длительного времени развивалась в условиях административно-командной формы государственного управления.

Тарифная политика вводилась с целью содержания, эксплуатации ЖКК и финансирования деятельности предприятий и учреждений отраслевого хозяйства из бюджета. Платежи населения составляли только часть структурно-нормативной сметы экономического обоснования себестоимости жилищно-коммунальных услуг и не претерпевали существенных изменений на протяжении более чем шестидесяти лет (с 1928 по 1990 гг.). Введённая в 1924 г. квартирная плата оставалась низкой и в последующие годы.

Анализ реализации государственной политики в жилищно-коммунальной сфере в Хабаровском крае показал, что региональный сектор ЖКК, созданный на основе государственной собственности, находился на государственном финансировании. Нормирование и тарификация коммунальных услуг обеспечивали функционирование ЖКХ. Однако в 1980-х – начале 1990-х гг. отрасль испытывала острый дефицит финансовых средств, что неизбежно выразилось в ухудшении качества содержания инфраструктуры и прекращении жилищного строительства.

Советская система управления государственным ЖКК и отраслевым ЖКХ при дефиците финансовых средств и отсутствии государственной поддержки не имела гарантий для существования.

Дегradировать советская модель ЖКХ начала одновременно с реформами лидеров страны М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина и после распада СССР, с принятия в 1991 г. законов, объявивших приватизацию в России, в ходе которой начался масштабный процесс перехода государственного имущества в частную собственность (жильё, предприятия, земля).

Реформаторы под девизом «открытая экономика и либерализация цен» использовали инструменты, такие как приватизация. Как показала жизнь, по существу приватизация не была задачей государственной собственности, это был метод легализации активов под внешний контроль, замаскированный под налоговую и экономическую реформу.

События, последовавшие за объявлением реформ, свидетельствовали о том, что предложенный курс изначально не предполагал улучшения, т. к. был направлен на замену структуры действующей системы и самой логики принятия решений, а также исключал ответственность реформаторов перед государством и народом.

В постсоветский период государственная политика в жилищно-коммунальной сфере в Хабаровском крае сводилась к приватизации всего сектора жилищно-коммунальной отрасли. Главным управлением по экономике крайисполкома было разработано Положение «О приватизации муниципального жилого Фонда в Хабаровском крае» в соответствии с Законом РФ «О внесении

изменений и дополнений в Закон РСФСР “О приватизации жилищного фонда в РСФСР” от 23 декабря 1992 г. № 4190-1» [3, 94-95]. Согласно Положению, следовало оценить стоимость муниципального жилищного фонда исходя из наличия и фактического состояния, установленного по результатам инвентаризации, реально складывающихся цен, а также других факторов, оказывающих влияние на оценочную стоимость, например, сметного расчёта стоимости строительства, реконструкции и капитального ремонта дома на момент инвентаризации. Для выполнения данной работы создавались оценочные комиссии. Именно эти комиссии должны были рассчитать продажную цену квартир с учётом поправочных коэффициентов, учитывающих потребительские качества района, дома, квартиры, и составить акты на продажную цену с участием товарищества индивидуальных владельцев или отдельных граждан.

Вопросы приватизации являлись предметом обсуждения депутатами краевого Совета народных депутатов Хабаровского края и должностными лицами края. В частности, В. С. Степанова, представитель крайсовпрофа, указывала на последствия приватизации: «Та часть населения, которая ещё получит бесплатное жильё, составит 40 %. Остальные жители останутся в тисках рынка один на один». Она отмечала и проблемы: «Инвентаризация всего жилищного фонда требует финансирования значительных средств. Далеко не все районы готовы к приватизации, нет программ. Что делать с социалкой? Нет обеспечения правового притока, что указы Президента России очень жёсткие и нет механизма реализации» [16].

Процесс приватизации жилых помещений набирал ускоренные темпы. Если в 1992 г. в Хабаровском крае было приватизировано «25,5 тыс. квартир общей площадью 1 млн 283 тыс. кв. м. Общая сумма 809 млн руб.» [3, 114], то за 1-й квартал 1993 г. столько же, сколько за 1992 г. в целом [4].

Из информации зам. начальника Управления ЖКХ администрации Хабаровского края В. А. Захарченко, озвученной на заседании постоянной комиссии по ЖКХ и благоустройству, следует, что в 1992 г. ситуация с приватизацией квартир «такова: Хабаровск (9 тыс. квартир), ЕАО (3988 кв.), Комсомольск (4896 кв.), Совгавань (1017 кв.), Николаевск (789 кв.), Амурск (2110 кв.), Бикинский (223 кв.), Аяно-Майский (19 кв.), Ванинский (573 кв.), Верхнебуреинский (1126 кв.), Вяземский (703 кв.), Комсомольский (110 кв.), им. Лазо (357 кв.), Нанайский (44 кв.), Охотский (342 кв.), п. Осипенко (32 кв.), Солнечный (2170 кв.), Тугуро-Чумиканский (17 кв.), Ульчский (610 кв.), Хабаровский (889 кв.)» [4].

Общая картина хода приватизации видна из следующих данных (единиц жилых помещений): «в 1990 г. – 54; в 1991 г. – 548; в 1992 г. – 26 970; в 1993 г. – 101 726, а в 1994 г. – 128 423» [6, 89].

На X сессии (12-14 мая 1993 г.) краевые депутаты отмечали, что на практике приватизация проводилась с нарушениями: без инвентаризации, оценка определялась формально, договоры купли-продажи оформлялись по «договорённости с органами местной власти или должностными лицами предприятий, объединений». В связи с этим большая часть жилья хорошего качества перешла «нужным людям». Отмечалось, что жилой фонд, требующий ремонта, реконструкции, остался не охваченным приватизацией, т. е. в муниципальной собственности. Жилые помещения, находившиеся в манёвренном фонде, «исчезли по умолчанию» в отсутствии какого-либо контроля и надзора [4].

Одновременно с приватизацией жилья разрушалась система управления жилищным фондом и его эксплуатации. Реформаторы пошли по лёгкому пути: акционирование или создание малых предприятий (ТОО, ИЧП) на базе бывших муниципальных (государственных) организаций.

Ресурсные организации по обеспечению теплом, электроэнергией, водой через бывшие тресты прошли акционирование и получили в аренду (пользование) инженерную инфраструктуру и сетевые коммуникации, а вместе с ними и право диктовать тарифную политику в частных интересах.

Отметим, что обстоятельства, связанные с приватизацией жилья, отвлекали внимание населения от процессов акционирования предприятий государственной собственности, результаты которого изначально определялись в кабинетах местной и краевой власти.

До граждан, приватизировавших только квадратные метры жилого помещения (без внутридомовых коммуникаций), не доводили последствия такой сделки, а именно тот факт, что повлиять

на тарифную политику частного бизнеса они не смогут. Как покажет время, без качественных улучшений в жилищном фонде ресурсоснабжающие и частные предпринимательские организации будут диктовать стоимость на услуги ЖКХ, что приведёт к постоянному повышению тарифов. Не успеет исправить положение в ЖКХ Закон РФ «Об основах федеральной жилищной политики», принятый в декабре 1992 г.

Окончательное разрушение советской модели ЖКХ, действовавшей в период 1918-1993 гг., завершилось с принятием Конституции РФ (1993 г.) и ликвидацией Советов всех уровней.

Участники бывшего ведомственного ЖКК разошлись по разные стороны интересов в результате приватизации. Бизнес, получив инфраструктуру тепло-, электро-, газо- и водоснабжения, направил свою деятельность на получение прибыли. Потребители жилищно-коммунальных услуг остались один на один с новыми бизнес-собственниками и неэффективными государственными контрольными структурами. Вместе с тем реформаторами была сделана попытка защитить потребителей услуг ЖКХ в условиях перехода России к рынку. В марте 1994 г. было введено лицензирование в ЖКХ.

Опыт деятельности лицензионной службы Хабаровского края показал, что обеспечить защиту интересов потребителей услуг ЖКХ было возможно. В частности, в соответствии с Федеральным законом «О защите прав потребителей» (от 07 февраля 1992 г. № 2300-1) была введена система контроля за качеством и культурой обслуживания потребителей услуг, которая предусматривала анализ отзывов о работе хозяйствующего субъекта со стороны органов контроля (СЭС, экологов, пожарных, комитета по защите прав потребителей, администраций территорий, не считая специального контроля за работой электрохозяйства, теплоснабжения и т. д.). Отзывы отражались в контрольном талоне, который выдавался лицензиату. Лицензионные условия обязывали лицензиата предоставлять раз в год так называемые «книжки отзывов», которые велись по каждому жилому дому. Записи о качестве эксплуатационных работ, технического содержания, о сроках и культуре обслуживания имел право вносить квартиросъёмщик или члены его семьи. Хозяйствующий субъект получал новую лицензию или её продлевал, если положительных отзывов было не менее 70 % от числа проживавших.

По данным автора (бывшего начальника лицензионной службы УЖКХ Хабаровского края), к 1996 г. в Хабаровском крае было выдано более 500 лицензий, в том числе: МП – 126; государственных предприятий – 21; ведомств – 7; общественных организаций – 2; АОЗТ – 48; ООО – 38; кооперативы – 7; ИЧП – 9; предпринимателей – 26.

Как следствие, служба, осуществляя государственное лицензирование, находилась между заказчиком услуг и подрядчиком и одновременно являлась формой регулятора процессов, происходивших в жилищно-коммунальной сфере. Однако создание службы в составе Управления ЖКХ администрации Хабаровского края затрудняло осуществление функции контроля в полном объёме, т. к. эта служба находилась под воздействием руководства ведомства. Эти обстоятельства снижали эффективность от лицензирования деятельности подведомственных организаций и субъектов различной организационно-правовой формы и ведомственной принадлежности. Но посредством лицензионного контроля всё же сдерживались нарушения в эксплуатации жилищного фонда.

Команде Б. Н. Ельцина лицензионные органы своей активностью и контролем мешали развитию рыночных отношений. Полагаем, что неспособность Госстроя России навести порядок на рынке: отделить легальных участников от мошенников, установить единые правила игры – привела к ликвидации с 2000 по 2014 гг. лицензирования в ЖКХ. Как результат, финансовые механизмы в ЖКХ оказались вне контроля государства и общества. Это способствовало процветанию коррупции в ЖКХ. Отметим, что в 2015 г. лицензирование в ЖКХ возобновилось, но функции контроля сильно ограничили, что сделало орган лицензирования неэффективным.

В результате старта нового этапа реализации государственной политики в жилищно-коммунальной сфере, вызванного Указом Президента РФ от 28 апреля 1997 г. № 425 «О реформе жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации», ожидаемых улучшений качества услуг ЖКХ не наступило. Не добавилось и управляемости объектами ЖКК. Скорее наоборот.

Передача в частные руки объектов ЖКХ ухудшила положение потребителей и, несмотря на рыночный курс, не обеспечила эффективного управления и содержания инфраструктуры. Управляющие компании, возникшие на базе бывших муниципальных предприятий, действовали в условиях бесконтрольности со стороны государственных органов и общественности. Они вели только аварийно-восстановительные работы, зарабатывая на том, что расчёт затрат на ликвидацию аварий был в 2,5-3 раза выше, чем на плановый ремонт.

Как следствие, инфраструктура ЖКК переходила в категорию кризисного состояния. И для поддержания в рабочем состоянии ЖКХ требуется уже больше средств. Приведём данные, указанные в справочнике «Социально-экономические проблемы России»: «На дотации отрасли из федерального и местных бюджетов в 1987-1990 гг. уходило 1,1-1,3 % ВВП, в 1996 г. – 3-4 %, в 1997 г. – 6 %, в 2000 г. – 7 %» [15].

Но основным источником финансового обеспечения предпринимательства в ЖКХ оставались платежи граждан, а бизнес не стремился добросовестно вести дела. Итоги реформирования показывают, что главная задача реформы ЖКХ не обеспечение 100 % контроля раздутых расходов, а обеспечение собираемости платежей на уровне не ниже 95 %. Как следствие, качество ЖКУ падало вместе с готовностью населения платить за них. Потребители имели права и обязанности, но участвовали в жилищных отношениях декларативно, т. к. реализовать их было настолько сложно, что в тяжбу включались единицы граждан-плательщиков.

Несмотря на то что износ инфраструктуры (водо-, газо-, теплоснабжение) продолжает возрастать, о чём свидетельствуют аварии, происходящие на всей территории России, правительство продолжает курс на приватизацию предприятий коммунального хозяйства, обосновывая это развитием конкурентной среды. Вместе с тем подобный эксперимент уже проводился в 1992 г. Как только объект ЖКХ передан в частную собственность, перестаёт действовать государственное регулирование тарифов и неизбежно наступает не только гиперинфляция в коммунальном хозяйстве, но и усиливается и без того существующая тенденция к массовым нарушениям, злоупотреблениям и прямым хищениям, особенно в сфере финансов ЖКХ. Механизм концессий показал себя неэффективным, особенно в строительстве коммунальной и социальной инфраструктуры. По данным правоохранительных органов, в ходе реализации проектов ГЧП практически во всех из них были выявлены хищения бюджета.

По данным Федеральной антимонопольной службы, с начала 2026 г. проверки тарифов на тепло и воду охватили 84 региона. В 65 из них обнаружены «серьёзные нарушения: 801 тарифное решение приняли с ошибками, касающимися передачи государственного имущества для регулируемых видов деятельности и проведения торгов» [18]. Это может означать, что потребители переплачивают за коммунальные услуги.

Есть и другие примеры. Так, в Хабаровском крае провели конкурс и заключили соглашение с Региональным оператором по сбору и вывозу ТБО, даже не предусмотрев обязанность проведения аудита. Кроме того, краевая власть установила тариф для потребителей с квадратного метра жилого помещения, а не с фактического объёма отходов. Это создало условия для картельного сговора с целью обогащения за счёт потребителей. Так, в Арбитражный суд Хабаровского края от заместителя прокурора Хабаровского края поступил иск к предполагаемым участникам: бывшему регоператору ООО «Хабавтотранс ДВ», субподрядчикам ООО «Квант» и ООО «Норма». В основу иска легли материалы УФАС России по Хабаровскому краю. Спор длился не один год, и окончательное решение принял Верховный Суд РФ. С ответчиков требуется взыскать 1,3 млрд р., сообщает ИА «Хабаровский край сегодня» [1].

В качестве хорошего примера наведения порядка в ЖКХ целесообразно привести инициативу губернатора Тамбовской области Евгения Первышова по «национализации инженерных коммуникаций в сфере ЖКХ», с которыми не справляется бизнес, в которых проявляется бесхозяйственность, имеются факты мошенничества. Так, коммунальные сети изымаются у концессионеров и частных собственников в собственность РФ с последующей передачей их в государственную собственность субъекта федерации. В частности, регион уже владеет 30 % АО «Тамбовской сетевой компании» и планирует увеличить долю для «полной ответственности за обращение с от-

ходами». Отметим, что в июне 2025 г. по иску Генпрокуратуры 45,3 акций (48,5 % от общего количества) АО «Тамбовской сетевой компании» уже были изъяты в доход государства [17].

Подводя итоги сказанному, отметим, что государственная политика в жилищно-коммунальной сфере в постсоветский период сводилась к реформированию системы управления ЖКХ в интересах частного бизнеса. Как следствие, массовые нарушения, злоупотребления и прямые хищения в ЖКХ. Мониторинг показывает, что соблюдение интересов всех участников жилищных отношений без правоохранительных органов уже невозможно. А национализация управляющих компаний, внедрение централизованного государственного планирования отрасли, от работы которой зависит жизнь соотечественников, решит не одну острую проблему в жилищно-коммунальной сфере.

По мнению автора, решению проблем современной системы управления и контроля в ЖКХ будет способствовать создание в ведомстве МВД специальной структуры – жилищной полиции. Особого внимания заслуживает опыт Российской империи по созданию и совершенствованию системы регулирования жилищных отношений, основанной на использовании механизма «дозволения» и «запрета» под жёстким полицейским контролем в ЖКХ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власти намерены получить контроль над 75 % акций «Тамбовской сетевой компании» / Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 25.08.2025). – Текст: электронный.
2. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского за 1893, 1894 и 1895 гг. / СПб.: [б. и.], 1896. – С. 6-9.
3. ГАХК. Ф. Р-2039. Оп. 1. Д. 38. Л. 94-95, 114.
4. ГАХК. Ф. Р-2039. Оп. 1. Д. 136. Л. 241.
5. Литовкин, В. Н. Общественная система удовлетворения жилищных потребностей граждан / В. Н. Литовкин // Жилищное право. – 2004. – № 1. – С. 3-26.
6. Паспорт Хабаровского края (1986-1992 гг.): стат. сб. / Хабаровский краевой комитет госстатистики. – Хабаровск, 1992. – 89 с.
7. Правила о поселении русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях от 26 марта 1861 г., с изм. и доп. от 26 января 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – 1882. – Собр. 3. – Т. 2. – № 633.
8. Приамурские ведомости. – 1898. – 22 марта. – № 221.
9. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1970. – Т. 2. – С. 57.
10. ПСЗРИ. – 1849. – Собр. 2. – Т. XXIV. – № 23024.
11. ПСЗРИ. – 1878. – Собр. 2. – Т. LIII. – № 59174.
12. ПСЗРИ. – 1881. – Собр. III. – Т. 1. – № 350.
13. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 55. Л. 232.
14. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 50. Л. 1-6.
15. Социально-экономические проблемы России: справ. / Фонд информ. поддержки эконом. реформ. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: НОРМА, 2001. – 268 с.
16. Стенограмма малого Совета Краевого совета народных депутатов Хабаровского края от 17 марта 1992 г. // ГАХК. Ф. Р-2039. Оп. 1. Д. 111. Л. 80.
17. Тамбовский губернатор анонсировал национализацию проблемных концессий / Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 22.12.2025). – Текст: электронный.
18. ФАС провела проверки тарифов на тепло и воду в 84 регионах / Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации, сайт. – URL: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст: электронный.
19. Ярославцева, Т. А. Государственный квартирный налог. Исторический аспект культуры жилищных отношений / Т. А. Ярославцева, А. В. Ярославцев // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № IV (86). – С. 111-118.
20. Ярославцева Т. А. Жилищно-коммунальное хозяйство на Дальнем Востоке России в XX в.: моногр. / Т. А. Ярославцева. – Хабаровск: Изд-во ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2015. – 367 с.

REFERENCES

1. Vlasti namereny poluchit' kontrol' nad 75 % aktsiy «Tambovskoy setevoy kompanii» [Authorities intend to gain control over 75 % of shares of "Tambov Grid Company"]. Kommersant. Available at: (accessed 25 August 2025). (In Russian)
2. Vsepoddanneyshiy otchet Priamurskogo general-gubernatora S. M. Dukhovskogo za 1893, 1894 i 1895 gg. [Most Loyal Report of the Priamur Governor-General S. M. Dukhovskoy for 1893, 1894 and 1895]. St. Petersburg, 1896, pp. 6-9. (In Russian)
3. GAKhK [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R-2039, Inv. 1, File 38, Sheets 94-95, 114. (In Russian)
4. GAKhK [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R-2039, Inv. 1, File 136, Sheet 241. (In Russian)
5. Litovkin V. N. Obshchestvennaya sistema udovletvoreniya zhilishchnykh potrebностей grazhdan [Public system for satisfying citizens' housing needs]. Zhilishchnoe pravo [Housing Law], 2004, no. 1, pp. 3-26. (In Russian)
6. Paspарт Khabarovskogo kraya (1986-1992 gg.): stat. sb. [Passport of Khabarovsk Krai (1986-1992): statistical collection]. Khabarovsk Krai Committee of State Statistics. Khabarovsk, 1992. 89 p. (In Russian)
7. Pravila o poselenii russkikh i inostrantsev v Amurskoy i Primorskoy oblastiakh ot 26 marta 1861 g., s izm. i dop. ot 26 yanvarya 1882 g. [Rules on the settlement of Russians and foreigners in the Amur and Primorye regions of March 26, 1861, with amendments and additions of January 26, 1882]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], 1882, Collection 3, vol. 2, no. 633. (In Russian)
8. Priamurskie vedomosti [Priamur Gazette], 1898, March 22, no. 221. (In Russian)
9. Programma Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) [Program of the Russian Communist Party (Bolsheviks)]. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Moscow, 1970, vol. 2, p. 57. (In Russian)
10. PSZRI [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], 1849, Collection 2, vol. XXIV, no. 23024. (In Russian)
11. PSZRI [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], 1878, Collection 2, vol. LIII, no. 59174. (In Russian)
12. PSZRI [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], 1881, Collection III, vol. 1, no. 350. (In Russian)
13. RIA Dv [Russian State Historical Archive of the Far East]. Fund 702, Inv. 1, File 55, Sheet 232. (In Russian)
14. RIA Dv [Russian State Historical Archive of the Far East]. Fund 704, Inv. 1, File 50, Sheets 1-6. (In Russian)
15. Sotsial'no-ekonomicheskie problemy Rossii: sprav. [Socio-economic problems of Russia: reference book]. Foundation for Information Support of Economic Reforms. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg, NORMA Publ., 2001. 268 p. (In Russian)
16. Stenogramma malogo Soveta Kraevogo soveta narodnykh deputatov Khabarovskogo kraya ot 17 marta 1992 g. [Transcript of the Small Council of the Regional Council of People's Deputies of Khabarovsk Krai of March 17, 1992]. GAKhK [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R-2039, Inv. 1, File 111, Sheet 80. (In Russian)
17. Tambovskiy gubernator anon siroval natsionalizatsiyu problemnykh kontsessiy [Tambov Governor announced nationalization of problematic concessions]. Kommersant. Available at: (accessed 22 December 2025). (In Russian)
18. FAS provedla proverki tarifov na teplo i vodu v 84 regionakh [FAS inspected heat and water tariffs in 84 regions]. Federal'naya antimonopol'naya sluzhba Rossiyskoy Federatsii [Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation]. Available at: (accessed 15 June 2026). (In Russian)
19. Yaroslavtseva T. A., Yaroslavtsev A. V. Gosudarstvennyy kvartirnyy nalog. Istoricheskiy aspekt kul'tury zhilishchnykh otnosheniy [State apartment tax. Historical aspect of the culture of housing relations]. Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Nauki o cheloveke, obshchestve i kul'ture [Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. Sciences about Man, Society and Culture], 2025, no. IV(86), pp. 111-118. (In Russian)
20. Yaroslavtseva T. A. Zhilishchno-kommunal'noe khozyaystvo na Dal'nem Vostoke Rossii v XX v.: monogr. [Housing and communal services in the Russian Far East in the 20th century: monograph]. Khabarovsk, DVIU-branch of RANEPa Publ., 2015. 367 p. (In Russian)

Content

CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

A. R. Akramov

HOSPITALITY AS A CULTURAL PHENOMENON: THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING
A CULTURAL UNIVERSAL

4

T. A. Borzova, N. A. Konopleva

ON THE ISSUE OF MODERN MENTORING: REPRESENTATION
OF THE VALUES OF THE CONCEPT OF «UNITY IN DIVERSITY»

11

E. S. Veretennikova, Ya. S. Kryzhanovskaya

MUSEUM PERFORMANCE AS A COMMUNICATIVE STRATEGY
IN THE SPACE OF CONTEMPORARY CULTURE

24

L. V. Kamedina

STRENGTHENING THE FOUNDATIONS
OF ORTHODOX CULTURE AND STEREOTYPES
OF ITS PERCEPTION IN MODERN
INTERCULTURAL COMMUNICATION

33

E. A. Musalitina

TRANSFORMATION OF CHINESE COLOR CULTURAL
CODE IN THE CONTEXT OF ECOLOGICAL TURN

42

Ye. V. Pokrovskaya-Bugaeva

VIRTUAL TOURISM AS A PHENOMENON OF DIGITAL CULTURE.
THE CORRELATION BETWEEN THE REAL AND THE VIRTUAL:
NEW OPPORTUNITIES IN THE CULTURE OF TOURISM

47

E. V. Savelova, V. S. Turishchev

«THERE WILL BE NO NEXT»: SOCIAL AND CULTURAL
ASPECTS OF CHINESE BIOETHICS IN MO YAN'S NOVEL «FROGS»

64

G. T. Titoreva

HISTORY OF THE ETHNOGRAPHIC COLLECTION
OF THE GRODEKOV MUSEUM

74

A. A. Shamak

THE «YEARS OF CULTURE» IN THE BORDER
REGIONS OF RUSSIA AND CHINA

81

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

Yu. G. Larchenko

RUSSIAN EDUCATIONAL PLATFORMS ARE
A MODERN INTERACTIVE TOOL FOR PREPARING STUDENTS
FOR THE UNIFIED STATE EXAM

94

HISTORY

A. S. Derbenev

POLITICAL ECONOMY OF ISOLATION: STRUCTURAL SHIFTS
IN GLOBAL ENERGY IN THE CONTEXT
OF THE US–IRAN CONFRONTATION

100

N. V. Matienko

STREET COMMITTEES DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR

106

T. A. Yaroslavtseva

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY
IN THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES
SECTOR IN Khabarovsk Krai

113

Научное издание

Учёные записки КНАГТУ
2026 № VI (94)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 25.09.2026
Дата выхода в свет 30.09.2026

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 14,4.
Уч.-изд. л. 13,75.
Тираж 200. Заказ 31494

Отпечатано:
в типографии КНАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27.

